

ЧТЕНІЯ
ВЪ
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
ОБЩЕСТВѢ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ
РОССІЙСКИХЪ
ПРИ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

А. Н. ПОПОВА.

1877

Юль — Сентябрь.

КНИГА ТРЕТЬЯ

МОСКВА.

1878.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ.

Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 2-й, по 50 к. за каждую, на перес. за 2 е.

Русскія достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 е.; Ч. 2-я (Русская Правда), 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 е.; Ч. 3-я (Слово о Полку Игоревѣ), 1844 г., ц. 1 р., перес. за 2 е.

Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Исторіи, Эверса, пер. съ Нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 е.

Древности отъвергаго берега Помта, соч. П. Кенпена, переводъ съ Нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 е.

Ободрѣніе кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 е.

Короунокія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, описаны и объяснены Ф. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмец. П. Арчевова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 е.

Супрасльскія рукописи, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ. М. 1836 г., ц. 1 р., перес. за 2 е.

Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 е.

Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 е. за каждый.

Повѣствованіе о Россіи, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбшевца. М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 руб., перес. за 13 е.

Книга посольская метрики Великаго Княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствование Королей Сигизмунда Августа и Стевана Баторія; два тома, изданные Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р., перес. за 6 е.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія, соч. Зубрицкаго; пер. съ Польск. О. Бодянского. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 е.

Книга Большой чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги. Г. Спаскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 е.

О Русскомъ войскѣ въ царствование Михайла Федоровича и послѣ его до Петра I-го, наслѣд. И. Бѣльева. М. 1846 г., ц. 50 коп., перес. за 2 е.

Библиотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 е.

Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи о Русской Исторіи, М. Погодина. М. 1846 г.; томы: 1, 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 е.

Исторія о Донскихъ Казнакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 3 е.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана, съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 е.

Исторія Россійская, В. Н. Татищева, книга 5-я или часть 4-я. М. 1848 г. 1 р. 50 к., перес. за 4 е.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Годъ 2, книги 2—9, по 2 руб. каждая. Годъ 3, книга 1—9, по 2 руб. каждая. Годъ 4, книга 1, 2 рубли. Годы 1860—1870, по 4 книги, каждая по 10 рублей. За пересылку выписывается съ вѣсу по разстоянію.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВЪ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

НОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

А. Н. П О П О В А.

1877

Юль — Сентябрь.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ),
на Стрѣлочномъ бульварѣ.

1877.

ЗАПИСКА

ОБЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ обязано бытіемъ своимъ вниманію Государя Императора Александра I-го, который, по докладу Его Величеству Г. Министра Народнаго Просвѣщенія (Графа П. В. Завадовскаго о томъ, что извѣстный своими учеными трудами по исторіи, особенно древнерусской, А. Л. Шлецеръ, желалъ бы соучаствовать съ Русскими учеными въ критическомъ изданіи Русскихъ лѣтописей, указалъ, въ Февралѣ 1804 года, составить для того при одномъ изъ ученыхъ сословій Общество. Исполняя таковую Монаршую волю, Министръ поручилъ Попечителю Московскаго Университета, Тайному Совѣтнику М. Н. Мураѣеву, отнестись предпочтительно къ Московскому Университету, «дабы онъ постарался о составленіи въ нѣдрахъ своихъ особеннаго Общества изъ ученыхъ, въ Россійской Исторіи свѣдущихъ.» Университетъ немедленно избралъ изъ своего сословія свѣдущихъ въ Русскихъ древностяхъ и, пригласивъ нѣсколько постороннихъ особъ, извѣстныхъ по ихъ познаніямъ въ Отечественн-ной Исторіи, составилъ Общество, которое и собралось въ первый разъ 18-го Марта и, по докладу о томъ Министра Просвѣщенія, 14-го Апрѣля принято было подъ Высочайшее покровительство.

Такое счастливое начало не сопровождалось, однако, равно счастливыми послѣдствіями: 7-мь лѣтъ Общество собиралось, но кое-какъ и кое-когда. Не имѣя постояннаго направленія къ предположенной цѣли, дѣятельность его была въ разбитную. Нужную стройность, порядокъ и направленіе внесъ, казалось, въ дѣятельность Общества Уставъ, утвержденный, съ соизволенія Государя, Министромъ въ Генварѣ (21-го) 1811 года. Избрано было постоянное Правленіе, пополнено число дѣятелей или Членовъ, назначены собранія, предположены изданія, для чего открыты были Обществу всѣ архивы, казенныя и монастырскія книгохранилища; начались ежемѣсячныя засѣданія (въ началѣ мѣсяца); пошли приношенія единовременныя и ежегодныя деньгами, вещами, рукописями, актами и книгами; жертво-

вались даже цѣлыя библіотеки (Дмитріевымъ-Мамоновымъ и Кн. Голицынымъ), за что получались Высочайшія благоволенія, признательность, ордена и медали, а другихъ имена начертывались на особой доскѣ золотыми буквами въ залѣ собраній Общества; разосланы самимъ Министромъ Просвѣщенія отношенія ко всемъ Начальникамъ губерній съ приглашеніемъ содѣйствовать Обществу обращеніемъ вниманія на предметы, имѣющіе историческую цѣну, и сообщать о томъ свѣдѣнія ему; въ ежегодномъ торжественномъ собраніи, 13-го Марта, положено назначать задачи постороннимъ, за лучшее рѣшеніе коихъ опредѣлялась злота медаль (въ 50 червонцевъ). Закипѣла необыкновенная дѣятельность въ Обществѣ, и сочувствіе къ нему отсюду летѣло на встрѣчу... и, однако же, только черезъ 4 года (1815) могли появиться въ свѣтъ начатки Трудовъ Общества: появленіе ихъ задержано было извѣстными (сказано въ Предисловіи къ нимъ) несчастными обстоятельствами Московскими, т. е., разореніемъ Москвы Французами (1812 г.). Въ пожарѣ столицы, вмѣстѣ съ другими, сгорѣла и богатая уже библіотека Общества. Погромъ такъ былъ великъ, что хотя Общество и пыталось возобновить собранія свои въ Февралѣ 1815 года, но приступить къ продолженію изданія своихъ Трудовъ могло лишь спустя 9 лѣтъ (въ 1824 г.). Тогда же выпущено было имъ и 13 первыхъ листовъ Несторовой лѣтописи по Лаврентьевскому списку, изданіе, порученное Профессору Р. Ѳ. Тимковскому, за смертію его приостановившееся и доведенное только до 1019 г. съ разночтеніями по 7-ми спискамъ. Странная судьба «Повѣстій временныхъ лѣтъ, откуда пошла естъ и стала Русская земля!» Два раза ученое Общество, учрежденное именно для критическаго изданія Русскихъ лѣтописей, принималось за оное, и два раза судьбѣ не угодно было увѣнчать его предпріятіе. Въ первый разъ оно поручило было Профессору Русской Исторіи Чеботареву издать лѣтопись Нестора по списку, открытому Графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ, извѣстнымъ собирателемъ письменной и вещественной старины Русской и знаткомъ ея, которой съ 1808 по 1811 г. отпечатано не болѣе 10 листовъ: отъ этого изданія ничего не дошло до насъ....

Какъ ни старалось потомъ Общество установить правильную дѣятельность у себя, но въ теченіе 22-хъ лѣтъ успѣло издать не болѣе 8 частей «Трудовъ и Записокъ» своихъ, 1 часть «Достопамятностей», 3 отдѣльныхъ изслѣдованія и столько же переводныхъ (съ Нѣмецкаго). Въ этотъ періодъ въ обществѣ были Предсѣдателями: до устава—Черепановъ, потомъ П. П. Бекетовъ (1811 — 22), А. А. Писаревъ (1823 — 30), и А. Ѳ. Малиновскій (1831 — 36), а Секре-

тарии: И. А. Двигубскій (1811 — 26), И. М. Снегиревъ (1826 — 33), С. П. Шевыревъ (1833 — 37).

Съ 1836 года начинается другой періодъ въ жизни Общества. Съ избраніемъ въ Предсѣдателя Попечителя Университета (22-го Февраля), Графа С. Г. Строганова, занятія Общества расширились; такъ какъ средства, коими оно до того располагало, и кои состояли только изъ случайныхъ приношеній и членскихъ взносовъ, были, благодаря его ходатайству, найдены постоянныя: 29-го Апрѣля, 1837 г., Государь Императоръ повелѣтъ соизволилъ состоящему при Московскомъ Университетѣ Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ производить въ пособіе, на изданіе ученыхъ трудовъ его, по пяти (5) тысячъ рублей ассигнаціями (1428 р. 50 к. сер.) ежегодно изъ государственнаго казначейства, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, именоваться Императорскимъ Обществомъ. Новый Секретарь, Профессоръ Университета М. П. Погодинъ, немедленно приступилъ къ осуществленію плана, выработаннаго особымъ комитетомъ, для ученыхъ занятій Общества. По оному, въ слѣдующія 8 лѣтъ (1837 — 45), изданы: двѣ (сокращенныя) лѣтописи: Новгородская (по 1382) и Кіевская (по 1516 г.) по Супрасльской рукописи и Псковская; сводъ лѣтописей Н. С. Арцыбашева; 2 части Русскихъ Достопамятностей; Книга Посольской Метрики В. Кн. Литовскаго (1545 — 80), и 8 томовъ «Русскаго Историческаго Сборника» (1837 — 44), вмѣсто прекращенныхъ «Трудовъ и Записокъ» и др.

Не менѣе жива была дѣятельность Общества съ 1845 г., когда оно начало новый отдѣлъ своихъ изданій, въ видѣ повременнаго изданія «Чтенія» выходившаго отъ засѣданія къ засѣданію въ продолженіе Университетскаго года (Сентябрь-Май) и состоявшаго изъ 4-хъ отдѣловъ: изслѣдованій, матеріаловъ отечественныхъ, иностранныхъ и смѣси. Всего вышло въ 3 года 23 книжки (въ каждой отъ 15 до 30 и болѣе листовъ). Съ 1849 года по 1857, по выходѣ изъ Общества Предсѣдателя и Секретаря, издавался «Временникъ», состоявшій изъ 3-хъ отдѣловъ: изслѣдованій, матеріаловъ отечественныхъ и смѣси, и выходившій въ неопредѣленное время книжками о 20 и болѣе листовъ. Въ 9 лѣтъ издано 25 книгъ подъ завѣдываніемъ Секретаря Общества, Д. Члена И. Д. Бялева, при Предсѣдателѣ А. Д. Чертковѣ. Съ возвращеніемъ же въ Общество прежняго Предсѣдателя (Гр. С. Г. Строганова) (29-го Марта 1857 г.) и Секретаря (О. М. Бодянскаго) (18-го Дек., 1857), возвратился и прежній порядокъ въ занятіяхъ Общества: возобновлены «Чтенія», въ коихъ къ прежнимъ 4-мъ отдѣламъ, присоединенъ еще одинъ новый: «ма-

теріалы Славянскіе. Журналъ этотъ, однако же, пріуроченъ уже къ гражданскому году и выходитъ трехмѣсячно (4 раза въ годъ: въ Мартъ, Іюнь, Сентябрь и Декабрь), книгами отъ 40 до 50 и болѣе листовъ. До нынѣшняго времени вышло уже 37, а съ прежними (23) 60-тъ. Не мнѣ, конечно, Члену и Секретарю Общества, оцѣнивать дѣятельность его на полѣ отечественнаго бытописанія; скажу только, что оно всегда старалось, по мѣрѣ средствъ, бывшихъ въ его распоряженіи, и усердія Членовъ, составлявшихъ его въ извѣстную пору, исполнить возложенную на него Уставомъ его задачу: Въ какой мѣрѣ удалось это ему—о томъ произнесетъ неумытнѣнный судъ та самая Исторія, которой оно служить.

Но, стараясь о приведеніи въ ясность Русской Исторіи, Общество давно уже сознавало необходимость, для вѣрнѣйшаго успѣха въ томъ, сверхъ бытій сосѣднихъ и чужихъ народовъ, соприкасавшихся съ Русскими, обращаться преимущественно къ бытіямъ тѣхъ, кто ближе всѣхъ намъ по всему: по роду и племени, какъ говорится, кто пошелъ вмѣстѣ съ нами отъ одной и той же крови и плоти, къ нашимъ соплеменникамъ. Съ этой цѣлью, уже съ самаго почти основанія своего, когда помыслы о Славянской взаимности были, такъ сказать, еще въ колыбели своей, Общество для 1-го своего торжественнаго засѣданія (13-го Марта, 1812 г.) опредѣлило, между прочимъ, объявить задачу: «о Славянскомъ языкѣ», за лучшее рѣшеніе коей присуждало золотую медаль (въ 50 червонцевъ). Въ изданіяхъ же своихъ, время отъ времени, помѣщало статьи съ Славянскимъ направленіемъ, показывавшія большее или меньшее знакомство сочинителей съ Исторіей и Древностями Славянъ, каковы: Графа А. И. Мусина-Пушкина, Митрополита Евгенія, В. Г. Анастасевича и др., равно какъ и переводы съ Славянскихъ нарѣчій сочиненій: Шафарика, Зубрицкаго, Даниловича, изслѣдованія Зоріана Холаковскаго, и друг. Есть и цѣлыя сочиненія оригинальныя о предметахъ, относящихся къ Славянской и вмѣстѣ Всеобщей Исторіи, таково, напримѣръ, сочиненіе Е. П. Новикова: «Гусъ и Лютеръ.» Здѣсь позволяю себѣ остановиться на сочиненіи, имѣющемъ какъ нельзя болѣе прямое отношеніе къ нынѣшнему нашему собранію. Я разумѣю сочиненіе, изданное Обществомъ, Юрія Крижанитя(ча) Серблянина, какъ онъ самъ себя называетъ, изъ окрестностей рѣкъ Куны и Уны. Это: «Грамматическое изслѣдованіе о Русскомъ языкѣ,» писанное имъ слишкомъ за 200 лѣтъ передъ симъ (1662 г.). Собственно это не грамматика Русскаго языка, но первый, самый ранній опытъ Общеславянскаго языка, который могутъ почитать всѣ Славяне, а «Русскимъ потому, говорить

онъ, мораль бы означати, что «пзмеджу воиждьтвѣ тикъ народнихъ предловъ наистарѣ и осталимъ воимъ» вачежно есть людство и име Руско... «Руско поколене и име, замѣчаетъ онъ далѣе, пребываетъ во вѣковичной своей домовине (отечествѣ); въ Русѣ, а осталии вси изъ Руси же произидоше и появишисе нови гости въ странахъ, въ коихъ сада (нынѣ) пребываютъ... Едни преидоше чрезъ Дунай, обладали пространство державы и раздѣлишасе на три краевства, прозвани биша Болгари, Сербляни и Хервати; а инии... обседоше по сей странѣ Дуная и основаше Лешско и Муравско илити Чешско краевства... Шестеро бо никогда бша краевство ии даже до днеска шестеро есть людство и шестъ великихъ славныхъ отминъ въ нашемъ народу, рекши: Русяни, Лехи, Чехи, Болгари, Сербляни и Хервати... Становито есть (стало быть), еже Руско племе и име: еоть осталимъ воимъ вершина и коренья» (корень). Видно, что этотъ Серблянинъ зналъ, что писали еще въ IX-мъ вѣкѣ Западные географы, изъ коихъ одинъ (Равенець 886 г.) утверждалъ, что изъ нашего отечества, называемаго имъ по тогдашнему «Scythorum patria» вышли всѣ Славяне: «unde Sclavonorum exorta est prosapia», а другой (Баварець 869—890) выразился о немъ, какъ о такомъ царствѣ, называвшемся по его мнѣнью «Zeripani», — «ut ex eo cunctae gentes Sclavonum exortae sint et originem, sicut affirgant, ducant.» Вотъ, стало быть, уже когда южный Славянинъ смотрѣлъ на Русь нашу, какъ на вершину и «коренику» всего Славянства. Онъ отдавалъ предпочтеніе въ своемъ трудѣ Русскому языку потому, что въ немъ больше, чѣмъ гдѣ либо, уцѣлѣло словъ, годныхъ и нашему языку «свойственныхъ», потому что онъ употребляется въ государственномъ управленіи, законодательствѣ и великихъ дѣлахъ народныхъ: гдѣ нѣтъ «ни королевскихъ приказовъ и народного устроени или законостава во властитомъ (родномъ) езикѣ, тамо по нужде (по неволѣ) казится (портится) езикъ и погибаетъ.» Разумѣется, задушевная цѣль Южнаго Славянина при этомъ была — пробудить въ Славянахъ сознаніе своего племеннаго единства, духовнаго сродства и тождества интересовъ для цѣлаго Славянскаго міра. Удайся это намъ, войди въ плоть и кровь Славянскую сознаніе нераздѣльности нашихъ добрыхъ и злыхъ дней — найдется и языкъ для истолкованія общенравственныхъ помысловъ и желаній, сочувствій и стремленій. Кому Богъ отвелъ большое поле для подвизанія, тотъ и потрудится болѣе другихъ не про одного лишь себя. Хорошее уже своимъ хорошествомъ, такъ сказать, заставляетъ всѣхъ и каждого преклониться передъ собою. Такъ Греческій и Римскій языки въ древнія, Французскій, Нѣ-

торжественно заявляетъ передъ вами, собравшимися отъ всѣхъ краевъ необозримаго Славянскаго міра, почтить нашъ скромный праздникъ науки, который, безъ Вашего братскаго участія, едва ли могъ бы въ такой мѣрѣ осуществиться, — торжественно заявляетъ передъ Вами свое пламенное желаніе не только продолжать начатое имъ, какъ видите, давно, таки общеніе съ учеными соплеменниками и ихъ Обществами, но еще тѣснѣе окрѣпить его, связать неразрывными узлами взаимнаго сближенія и обмѣна плодами братской производительности. Да помогаютъ связи кровныя связи духовнымъ, племеннымъ народнымъ, всеславянскимъ! Да объединяетъ насъ отнынѣ наука все болѣе, крѣпче и крѣпче. Гдѣ единеніе мыслей и стремленій, тамъ и успѣхъ; гдѣ своею сформѣ служить, тамъ свое / своимъ и объясняется и утверждается. Сколько уже развѣшилось повидимому неразрѣшимаго, непонятнаго, загадочнаго отъ тѣхъ поръ! какъ нѣкоторые изъ насъ и насъ передъ вами обращаться за ключемъ отъ ларчика къ заморскимъ, а не къ своимъ мастерамъ! Наступило, наконецъ, время и намъ, Славянамъ, жить и быть братьями и подѣлать братевъ въ мірѣ Славянскомъ, гдѣ судьбы Славянъ въ рукахъ! однихъ только Славянъ да Божьихъ. Все зависитъ отъ одного — нѣтъ, то есть, помесемъ мы на себя другъ друга тяготы, овладеваемыя на насъ сознаниемъ взаимности нашей, создающей безъ разрушенія, связывающей и смыкающей братьевъ къ братьямъ безъ разрозненія. Вы теперь сами, своими глазами, видите, глубоко ли пустила корни на Русіи мысль объ этой братской взаимности, торжественно и громко исповѣдуемой Русскими на всемирной пути Вашемъ къ Москвѣ, горбачкой, какъ зовемъ мы ее, старушкѣ, созданной рублемъ, а не рублями. Исповѣдь эту слышите Вы нынѣ и отъ нея и всѣхъ ея ученыхъ и художественныхъ Обществъ, во всеулыщаніе заявляющихъ, что безъ взаимности, безъ связи, что безъ мази, какъ выражается Русскій народъ, окрыпить, неладно, и вхатъ накладно...*

О. Бодявскій.

* Записка эта составлена О. М. Бодявскимъ по случаю съѣзда Славянскихъ ученыхъ въ Москвѣ, въ 1867 году.

ВЪ ПАМЯТЬ М. П. ПОГОДИНА.

Съ кончиной М. П. Погодина и другого Предсѣдателя у насъ не стало! Графъ С. Г. Строгановъ оставилъ насъ по крайней мѣрѣ послѣ многолѣтняго предсѣдательства своего, можно сказать, созданнаго имъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, прославленнаго имъ, и, кажется, прославившаго его. Погодинъ же отъѣхалъ отъ насъ только послѣ 7-ми мѣсяцевъ двухразоваго предсѣдательства. Чудная смѣна, чудное преемство! И не для насъ однихъ это отозваніе его отъ дѣла и дѣланія чудно и сожалительно, когда все еще обѣщало ему долгиe дни, славные дни, Погодинскія добрыя подвизанія. И гдѣ другой Строгановъ, хотя и здравствующій еще, но уже не у насъ? Гдѣ другой Погодинъ, уже и тѣлесно не жилецъ нашего свѣта? Гдѣ, можемъ спросить, другой Погодинъ на Святорусской землѣ? Кто такъ поспѣшно, такъ горячо, откликнется теперь на всякое доброе дѣло, поднимаемое для нея? Въ особенности кто другой такъ зорко станетъ подмѣчать нарождающіяся силы, новыя дарованія будущихъ дѣятелей въ области духа и слова Русскаго? Сколькимъ изъ насъ, нѣкогда робко выступавшимъ на дѣло и дѣланіе, указалъ онъ путь вѣрный, достойный; однихъ ободрилъ, другихъ пригрѣлъ, третьихъ приютилъ и т. п.? Были и такіе, надобно сознаться, что строгимъ взоромъ, но любовью раствореннымъ, отклонилъ онъ отъ распутія, воротилъ на стезю правую, приподнялъ упавшихъ духомъ, вдохнулъ имъ новую мощь, говоря: «Тако тецѣте, и постигнете!» Не указывая теперь ни на кого, укажу, въ примѣръ того, на одного лишь себя. Здѣсь я не погрѣшу, зане «*mea res agitur,*» не безъизвѣстная, конечно, и другимъ, но больше и лучше мнѣ самому. Съ самыхъ первыхъ дней студенчества моего онъ уже намѣтилъ меня, и съ той поры никогда не выпускалъ изъ виду. Подмѣтивъ во мнѣ стремленіе не къ одной лишь Русской старинѣ, но и къ Славянской вообще, чего не дѣлалъ онъ, чтобъ под-

держатъ это стремленіе! При тогдашней скудости въ средствахъ углубленія въ нее, съ какою теплою готовностью отдалъ онъ мнѣ всѣ книги на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, привезенныя имъ въ нашу Бѣлокаменную въ первое свое путешествіе за родной рубежъ, преимущественно же къ нашимъ соплеменникамъ! Скажу отъ чистаго сердца, не сдѣлай онъ того, долго бы пришлось мнѣ бороться съ этой скудостью, можетъ быть и не одолѣть, какъ то часто случается и съ другими въ подобномъ случаѣ. А рука помогающая во время—тоже спасительное судно, отъ видимой, неминуемой гибели возводящее къ новой жизни, къ новому пришествію въ міръ. За тѣмъ, съ какимъ участіемъ слѣдилъ онъ за дальнѣйшими моими шагами на твердо избранномъ теченіи моемъ къ предположенной цѣли, всѣми мѣрами облегчая, ободряя, знакомя съ могущимъ уладить путь-дорогу, болѣе и болѣе, далѣе и далѣе! Никогда не забуду той торжественной для него и меня минуты, когда онъ увидѣлъ меня въ первый разъ на учительскомъ сѣдалищѣ. «Слава Богу, слава Богу! Цѣль наша достигнута—Славяновѣдѣніе водворено въ первопрестольной, а черезъ нее и въ цѣлой, дастъ Богъ, Россіи,» сказалъ онъ во всеуслышаніе, обнимая и цѣлуя меня при всѣхъ въ моей аудиторіи. Почти полвѣка съ тѣхъ поръ прошло уже, и, разумѣется, на такомъ широкомъ пространствѣ, не обошлось и безъ недоразумѣній. Были они въ памятный 48-й годъ, когда онъ считалъ меня причастнымъ случившемуся въ ту пору крушенію нашего Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, косвенно направленному якобы и противъ него; по необыкновенной впечатлительности своей, принялъ онъ эту мнимую обиду горячо къ сердцу, и поэтому далъ волю и перу своему карать непризнательнаго, какъ выражался онъ. Но время мало-по-малу разсѣяло его заблужденіе, разубѣдило въ недовѣрїи, и онъ съ прежнею, можно сказать, удвоенною расположенностью обратился къ мнимому обидчику. Знаменательнѣе всего это объявилось, когда я, привѣтствуя его отъ имени Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ 50-лѣтіемъ его литературной и общественной дѣятельности, столь славно пройденной имъ, выразилъ ему на письмѣ чувства сочленовъ и свои, говоря: «Неустайная дѣятельность его вдыхаетъ въ наше Общество новую жизнь: въ восемь лѣтъ секретарства его оно сдѣлало болѣе, чѣмъ во все слишкомъ 30-лѣтнее дотогѣ существованіе свое, и такимъ образомъ завоевываетъ себѣ первенство между учеными Русскими Обществами не только по времени, но и по дѣланію. Съ тѣхъ поръ (продолжалъ я) Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, стояна сообщенной ему высотѣ, напрягаетъ всѣ силы свои сохранить ее за собой съ достоин-

ствомъ, не спуская глазъ съ примѣра, преподавшаго ему его славнымъ Членомъ и бывшимъ Секретаремъ. Praecepta ducunt, exempla trahunt, quia exempla odiosa sunt» (см. Чтенія 1871, кн. IV, Отд. V, стр. 226 — 227). Прошло нѣсколько времени потомъ, и онъ, явившись ко мнѣ и приподнявъ 1-й томъ своей, только что вышедшей въ свѣтъ, «Древней Русской Исторіи до монгольскаго ига,» громко прочелъ, стоя предо мною, написанное на ономъ: «Многоуважаемому О. М. Бодянскому въ знакъ благодарности за доброе расположеніе и приветливое слово (а что пробѣгала черная кошка во время оно, сгнѣ ея голова!) отъ неизмѣннаго автора.» Многіе ли, спрошу, способны къ такому поступку на его мѣстѣ? Не большая ли часть изъ насъ коснѣеть, разъ отдавшись составленному о братѣ и ближнемъ своемъ мнѣнію и готовы съ нимъ лечь и въ гробъ, не взирая ни на какія разубѣжденія въ неосновательности онаго? Одни только глубоко благородныя личности отваживаются на такую побѣду надъ собою: «Vix vincit, qui se vincit in victoria.»

Предлагая ему стать во главѣ Общества, столько уже ему обязаннаго, по прежней его въ немъ дѣятельности, мы питали, конечно, увѣренность, что онъ, какъ многоопытный и многоискусившійся въ плаваніи по житейскому морю, съ честію и славою править будетъ имъ въ дѣлѣ разъясенія судебъ отечества нашего. Но судьбы высшія иначе рѣшили. Онъ вскорѣ взять отъ насъ въ лучшій свѣтъ, гдѣ все свѣтло несвѣтлое здѣсь, просвѣтлѣетъ все загадочное и тайное, и гдѣ испытаніямъ нашимъ писаній и хартій нѣтъ болѣе мѣста.

Ни мѣсто, ни время, ни еще столь свѣжая могила его не позволяютъ мнѣ теперь заняться оцѣнкой его обширныхъ и чрезвычайно разнообразныхъ писаній. Я считаю умѣстнымъ остановиться лишь на личномъ моемъ къ нему и его ко мнѣ отношеніи, которое, какъ видится, было для меня столь благотѣльно, а для него невысшннн. Что, если бы каждый изъ лицъ, бывшихъ съ нимъ въ сношеніяхъ по какому-либо случаю (а ихъ такое огромное множество!), посвятилъ памяти его хотя нѣсколько минутъ и положилъ на бумагу тѣ припоминанія, которыя сами собою приходятъ намъ въ подобномъ положеніи? Какой богатый матеріалъ составилъ бы незамѣтно, но естественно, изъ этихъ нашихъ припоминаній для описанія его приснопамятной дѣятельности между нами, ближайшими его современниками, и вообще среди всѣхъ сословій горячо любимаго имъ Русскаго народа, изъ коихъ, какъ извѣстно, нѣтъ ни одного, котораго бы онъ не касался, отъ вельможи до пахаря, отъ іерарха до причетника, отъ стратига до новика, отъ государственнаго мужа до писца, отъ мис-

сіонера до торговца грошевымъ товаромъ. Это былъ бы вѣчно зеленающій вѣнокъ на его надгробномъ памятникѣ. Вѣдь житейскія отношенія наши необыкновенно какъ выясняютъ наше существо, можно сказать не разъ даютъ намъ ключъ къ разгадкѣ самыхъ душевныхъ движеній и побужденій, поступковъ и стремленій; да и вліяютъ, надобно сознаться, могущественно перѣдко и на самую нашу духовную дѣятельность, уясняютъ, осмысливаютъ и способствуютъ ея уразумѣнію. А духовная дѣятельность его, какъ извѣстно, была необычайна, многоплодна, разнovidна, и потому естественно не вездѣ равна, хотя в сегда и всюду искренна, но своеобразна и часто своеобразна. Повторяю, теперь, ни время, ни мѣсто, ни близость и великость утраты, понесенной нами и всѣми безъ исключенія истинно Русскими, съ кончиной его, не приглашаютъ меня къ оцѣнкѣ его писаній, которая для успѣха своего требуетъ болѣе спокойнаго состоянія духа того, кто желалъ бы за то взитися, требуетъ извѣстной отдаленности отъ описываемаго. И потому позволю себѣ еще остановить Ваше вниманіе на двухъ только писаніяхъ его, близко и хорошо мнѣ извѣстныхъ, могу сказать составлявшихся передъ глазами моими. Это его «Историко-политическія письма о Славянахъ и Крымской войнѣ.» Дѣло Славянское давно уже обращало на себя наше вниманіе: Шишковъ, Востоковъ, Кенпентъ въ первой четверти нашего столѣтія, больше или меньше, говорили о нихъ и за нихъ, особливо два послѣдніе; но одинъ изъ нихъ вскорѣ ограничился изученіемъ основнаго нарѣчія всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, и успѣлъ въ томъ превосходно, можно сказать, образцово; другой пробѣхался даже по нѣкоторымъ краямъ соплеменниковъ, кое съ кѣмъ изъ тогдашней ученой братіи ихъ познакомился; но тоже, по возвращеніи во свояси, предался иной дѣятельности, хотя также не безполезной въ извѣстномъ отношеніи для Русской науки. Но всѣхъ ихъ превзошелъ въ расположеніи и любви своей къ нашимъ братьямъ М. П. Погодинъ, который, не смотря ни на что («на подвизанія свои на поприщѣ служенія отечеству и просвѣщенію, ознаменованныя необыкновенной пытливостью и проницательностью въ изслѣдованіи судебъ древней и новой Руси, мѣткой оцѣнкой настоящаго и далеко провидящимъ взглядомъ въ ея грядущее, счастливымъ собраніемъ памятниковъ сѣдой старины и теплымъ участіемъ въ движеніи современнаго слова»), находилъ время обращать вниманіе какъ на «шумную дѣятельность міровыхъ народовъ, такъ немейше и на тихую, но поучительную жизнь соплеменныхъ, этой коти отъ костей и крови отъ кровей нашихъ, многообидимыхъ и все жо несокрушенныхъ Славянъ», постоянно привлекавшихъ до самыхъ

послѣднихъ дней его жизни на себя его «наблюдательные взоры и сердечное участіе къ злохулимымъ, горькая доля которыхъ знакома ему по многочисленнымъ живымъ общеніямъ и прямой наглядности, невидимой силой Всемогущаго выдвигаемыхъ передъ глазами изумленныхъ современниковъ на передовое мѣсто міровыхъ переворотовъ, грозящихъ скорымъ измѣненіемъ не одной только нашей части свѣта, но, можетъ статься, и цѣлаго земнаго шара.» «И да будетъ, говорилъ покойникъ, что быть должно,» въ общемъ, конечно, ко благу человечества и къ присмирению воздымающихся роги свои» (См. тамъ же стр. 226). Горячо сочувствуя своему народу и крови, онъ, гдѣ только малѣйшая возможность представлялась ему, тотчасъ же поднимался и ратовалъ за народъ и кровь Славянскіе, за охраненіе, сближеніе, взаимность, общеніе и т. п. старшихъ, могущественнѣйшихъ, и потому очастливѣйшихъ братьевъ, съ младшими,—плѣнь и корысть чуждыхъ языкъ,—разъясняя намъ и имъ взаимное родство, свойство, благовременнѣ и безвременнѣ указывая всѣмъ, коль красно, согласительно, еже жити брати вкупѣ, стоять каждому за každого и всѣмъ за всѣхъ и вся, своему за свое и брата своего. «*Spartam, quam nactus es, opta!*» твердилъ онъ Славянамъ. Тако творите, и постигнете, обновите бытіе ваше. «*Tantus amor patriae, tanta sit dilectio nostri!*» И 50-лѣтнія настоянія, ратованія и труженія его не были вотще. Посмотрите на современное любленіе Славянъ во всѣхъ областяхъ Славянскихъ, занимающихъ двѣ трети Европы: какъ чутко прислушиваются они другъ къ другу, къ сказанному, оглашенному печатью, или дѣломъ, на берегахъ Москвы, Невы, Днѣпра, въ пользу, даже въ поученіе, въ укоръ, любовью растворенный, тому или другому родственному племени. Это уже не славянофильство Петербургское первыхъ десятилѣтій нашего вѣка; это, напротивъ, въ полномъ цвѣтѣ своемъ славяновѣдѣніе, Славянская взаимность, откликающаяся на радость и горе братнее, съ желаніемъ радующему сорадоваться, а горе мыкающему вмѣстѣ съ нимъ погоревать и, если можно, размыкать его до конца, до восхода болѣе свѣтлыхъ дней. Что сознаніе Славянами общности стремленій къ одной цѣли—отстоянію самобытности и своеобразности взяло или, по крайности, беретъ уже верхъ надъ всѣмъ въ ихъ жизни, лучшимъ неопровержимымъ свидѣтельствомъ тому наши, такъ называемые, Славянскіе благотворительные Комитеты, которые въ эту пору такъ прекрасно и единодушно дѣйствуютъ, цвѣтутъ, особливо два—Московскій и Петербургскій. Давно ли самая мысль о нихъ считалась не только немислимой, но просто вѣдливой, а носившіе ее и Славянъ въ своемъ сердцѣ осмѣивались во

всѣхъ повременныхъ изданійхъ? Доходило до того даже, что славянофилъ, славянофильство сдѣлалось было браннымъ словомъ, кличкой у людей весьма недалекихъ смысломъ, словомъ,—скорбныхъ головою. И что же? Самые ярые противники и худители Славянства должны были сознаться, въ лицѣ первыхъ своихъ вожатаевъ, въ своей неправдѣ передъ ними, въ прочности основы ученія ихъ, практичности и вѣковитости, т. е., будущности проповѣдуемаго славянофилами. Вспомните, на кого преимущественно вся тяжелая артиллерія поклонниковъ Запада, съ явнымъ даже злорадствомъ, была устремлена, какъ не на перваго по времени и дѣятельности славянознанія у насъ и у нашихъ братій, Погодина, ставшаго вскорѣ и во главѣ Московскаго Славянскаго благотворительнаго Комитета, направлявшаго дѣятельность его до самой кончины своей. Неизвѣстно вполне, въ какой мѣрѣ вліялъ онъ на основаніе въ нашихъ Университетахъ «каѳедры Исторіи и Литературы Славянскихъ нарѣчій» по уставу 1835 года; но что вліялъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, зная его отношенія къ главному виновнику этого устава, тогдашнему нашему Министру Народнаго Просвѣщенія, Графу С. С. Уварову, бывшему какъ извѣстно, въ сношеніи не съ однѣми лишь знаменитостями Европейской науки, но и съ представителями славяновѣднія, чему, конечно, способствовалъ въ извѣстной долѣ и нашъ славянофилъ. Кто же не знаетъ изъ людей того времени, что этотъ Министръ въ послѣдствіи самъ сталъ во главѣ Славянскаго направленія, особливо послѣ возвращенія изъ заграничнаго путешествія по Славянскимъ землямъ молодыхъ ученыхъ, занявшихъ новооткрытыя Славянскія каѳедры въ главнѣйшихъ Русскихъ Университетахъ (Московскомъ, Петербургскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ)? Впрочемъ, точное разрѣшеніе вопроса: кому наши Славянскія каѳедры обязаны первою мыслию объ учрежденіи ихъ получимъ мы, когда увидятъ свѣтъ Божій повседневныя записки, веденныя М. П. болѣе 50 лѣтъ, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, представятъ намъ огромную массу самыхъ любопытныхъ и важныхъ данныхъ для познанія современнаго ему Русскаго общества во всѣхъ слояхъ его, такъ какъ онъ съ рѣдкимъ искусствомъ умѣлъ проникать въ нихъ, сводить связи, не съ одними только выдающимися почему либо лицами оныхъ, но рѣшительно и съ самыми, съ виду, незамѣтными членами, говорившими съ нимъ нараспашку, ци мало не подозрѣвая, что простыя, не рѣдко задушевныя, ихъ рѣчи передадутся бесѣдующимъ съ ними позднему потомству. Можетъ статься, что этотъ Дневникъ его будетъ самымъ лучшимъ, хотя и послѣднимъ, произведеніемъ его, вѣрнымъ выраженіемъ его мыслей, желаній, тре-

бований, замѣтокъ о томъ-другомъ, имъ видѣнномъ, слышанномъ, подмѣченномъ, думанномъ и продуманномъ. А мы знаемъ изъ преданнаго уже доселѣ имъ тисненію, какой мастеръ былъ онъ схватывать то, что проносилось мимо его по рѣкѣ времени; различать въ немъ суть отъ мнимаго, кажущагося. Не напрасно Академикъ Крутъ, прочитавъ Магистерское сочиненіе 25-лѣтняго тогда еще Погодина «О происхожденіи Руси», выразился о немъ, въ письмѣ своемъ къ другому извѣстному Академику (Френу): «*Es ist Eindringender Forschungsgeist.*» «*Es ist mir soleh ein kritischer Geist und so gesundes Urtheil unter den jungen Russen noch nicht vorgekommen... Der Verfasser erregt frohe Hoffnungen für die Russische Geschichte.*» (Биографическій Словарь Профессоровъ Моск. Унив. 1855 г., II, стр. 241).

Что до другого сочиненія, замѣчательнаго въ высшей степени и разсматривающаго современный вопросъ о нашемъ просвѣщеніи, то, не взирая на то, что вопросъ этотъ столько уже разъ составлялъ предметъ всевозможныхъ изслѣдованій, размышленій и сужденій всѣхъ нашихъ повременныхъ изданій, разсмотрѣвъ имъ совершенно своеобразно, съ большимъ умѣньемъ и опытностью и тактомъ. Немногія изъ его лучшихъ писаній могутъ поспорить съ нимъ въ глубинѣ мыслей, силѣ доводовъ, теплотѣ чувства и даже художественности языка, который у него по большей части, какъ извѣстно, почти языкъ изустный, языкъ едва поспѣвающій за вѣдряемымъ ему. Мало въ жизни моею случалось мнѣ испытывать такое полное удовольствіе, какое ощущалъ я, читая это его, конечно, предсмертное уже твореніе. Въ послѣднихъ числахъ Октября истекшаго года онъ собирался отослать егѣ для напечатанія за границей, въ Берлинъ, либо Лейпцигъ. Крайне жаль, если этого не успѣлъ онъ сдѣлать, а и того больше, буде оно затерялось и не увидитъ свѣта Божія. Онъ такъ много вложилъ въ него своей души, своей житейской мудрости, наглядности и уразумѣнія предмета, такъ близкаго, такъ любимаго имъ, изучающагося имъ во всю его учительскую жизнь, далеко за полѣвка простиравшуюся!

Симъ я закончу мое воспоминаніе о незабвенномъ, хотя и мало-временномъ, Предсѣдателѣ нашего Общества, къ сожалѣнію, не успѣвшемъ потому сослужить оному, по крайней мѣрѣ такую службу, какую сослужилъ, въ лучшую пору своего дѣйствованія, въ званіи его Секретаря. Неисповѣдимы судьбы Божіи! «*Contra vim mortis non est medicamen in hortis,*» говаривали Латынщики, или, какъ выразился древній Русскій пѣвецъ: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божія не минути» (Слово о полку Игоревѣ). И по той причинѣ: «*Cum faex, cum limus, cum terra levissima simus, unde superbimus?*»

спрашивалъ уже Публій Сиръ, и тутъ же отвѣчалъ на свой же вопросъ: «Nescimus, quando perimus.» А ежели все это такъ, что же остается на землѣ послѣ рожденнаго, послѣ жизни его на ней? По видимому, одна лишь могила, да въ ней гробъ, а въ гробу, времени прешедшу, кости, одни кости: «Tali namque domo concluditur omnis homo.» Но нѣтъ, человѣкъ, кромѣ плоти, имѣеть еще душу живу, вдохнутую въ него Сотворшимъ его по образу и подобію своему. А душа человѣческая, яко духъ, не причастна смерти, и все, ею содѣянное, все духомъ порожденное, не знаетъ тлѣнія, составляетъ одно истинную жизнь нашу, непреходящую, памятникъ по насъ невыблѣмый, изъ рода въ родъ передаваемый. Это хорошо знали уже и древніе, когда говорили: «Vivitur ingenio, caetera mortis erunt.» Это то прочное доброе, что такъ вѣрно обозначили наши предки словомъ доблестъ, а доблестъ, по мнѣнію Римскаго поэта, живеть и за гробомъ: «vivit post funera virtus.» Нашъ сочленъ много, больше даже каждаго изъ насъ, оставилъ по себѣ доблести такой, которая навсегда увѣковѣчитъ ему имя, а съ именемъ его связаны нерушимой цѣпью и его Русь, и все Славянство, нераздѣльно жившія въ умѣ и сердцѣ его, окрилявшія дѣятельность его на служеніе имъ во всю его жизнь межъ нами, и безъ сомнѣнія, какъ немногія, будутъ служить, для насъ и нашихъ потомковъ, разумленіемъ, наставленіемъ, образомъ для дѣла и дѣланія прочнаго, долговѣчнаго, славнаго. «Fidelissimum praecipiendi genus exemplis docere.»

Да, прекрасно охарактеризовалъ его нашъ Почетный членъ Князь П. А. Вяземскій, сказавъ:

«На голосъ родины всѣ чувства въ немъ звучали,
Онъ родину любилъ и въ мертвыхъ и въ живыхъ,
Съ любовью провѣрялъ народныя скрижали,
Не гордо мудрствуя, а вслушиваясь въ нихъ.
Въ вопросахъ дня, въ шуму житейскихъ тревоженій,
Горячимъ былъ и охъ участникомъ въ борьбѣ,
Но не заносился чужихъ стрѣлъ и мнѣній;
Онъ ошибаться могъ, но вѣренъ былъ себѣ.» *

Ө. Бодякоскій.

16-го Января 1876 года.

Пятица.

ВЗГЛЯДЪ

НА НАСТОЯЩІЙ ТЕАТРЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ НА ДУНАВЪ

и

НА СОДѢЙСТВІЕ, КОТОРОЕ МЫ МОЖЕМЪ ВСТРѢТИТЬ ВЪ БОЛГАРИИ.

Въ статьѣ «Болгарія» изложены характеристическія свойства, обычай и нравы Болгаръ; здѣсь набросаю только нѣсколько взглядовъ на могущія быть дѣйствія наши среди сего народа, коего исторія имѣеть столь великое для насъ значеніе. *

Въ началѣ укажу на настоящее положеніе ополчившихся армій и тепершняго театра военныхъ дѣйствій на Дунаѣ.

Рѣка эта, начиная отъ Видина ** до устья своего въ Черное море (не считая извилины), на протяженіи 700 верстъ, раздѣляетъ обѣ воюющія арміи. Центръ этой линіи, противъ Княжества, — Силистрія, отъ которой въ 80 верстахъ, къ Югу, находится Шумла, лежащая на прямомъ сообщеніи, чрезъ Балканы, съ Адрианополемъ, а отъ него Константинополемъ. Значительное пространство это, по настоящее время, есть театръ движеній Турецкихъ наступательныхъ силъ.

Театръ движеній нашихъ оборонительныхъ силъ, на всемъ помянутомъ протяженіи Дуная, отдѣленъ отъ Турецкихъ на

* См. главу VIII Болгарія.

** Граница Валахій чрезъ Дунаѣ, съ Болгаріею начинается 85. версокъ выше, а именно отъ устья Тамока въ правый берегъ Дуная.

Югъ этой рѣкой. Хребетъ Карпатовъ—на Сѣверъ, отдѣляетъ нашъ театръ дѣйствій отъ Трансильваніи и Буковины. Пространство это, начиная отъ Запада, включаетъ въ себя Малую и Большую Валахію, Молдавію и наконецъ Бессарабію.

Ширина этого пространства, заключеннаго съ Юга Дунаемъ, а съ Сѣвера Карпатами, представляетъ большую несоразимѣрность, суживаясь отъ Запада къ Востоку, такъ, на примѣръ: отъ Видина на Сѣверъ, къ границамъ Трансильваніи 150 верстъ; по Ольтѣ противъ (Никополя), отдѣляющей Малую Валахію отъ Большой около того же, * отъ Браилова же и Галацъ, по Серету, до поворота Карпата на Сѣверъ только 120 верстъ. **

При всемъ этомъ должно замѣтить, что эта ширина нашего театра дѣйствій суживается еще почти на половину, а иногда и болѣе, отраслями и отрогами Карпата, по которымъ движеніе войскъ, безъ особенно принятыхъ, заблаговременно, мѣръ и случайныхъ условій, зависящихъ отъ выпадающихъ въ горахъ дождей, сопряжено съ большими затрудненіями, а иногда и вовсе не возможно.

Букарестъ, въ окрестностяхъ котораго сосредоточены главные силы наши, дежитъ на половинѣ длины этого (отъ Видина до Серета) пространства и только въ 80 верстахъ отъ Дуная.

Сообщеніе Букареста на Западъ съ Видиномъ направляется, параллельно Дунаю, чрезъ Слатино на Ольтѣ, Крайово на Шилъ и въ Видинъ, около 260 верстъ. На этомъ протяженіи правый берегъ усѣянъ Турецкими крѣпостями, здѣсь: Руцукъ, Систовъ, Никополь, Орява или Рахово и другія, мѣнѣе значительныя укрѣпленія разныхъ видовъ, среди Турецкихъ поселеній, преимущественно въ Юго-Западной части Видинскаго пашалыка, нанюженнаго Турками, почитающимися отважнѣйшими, въ особенности когда вышедшіе изъ Сербіи тамъ поселились.

Сообщеніе Букареста на Востокъ до Серета около 220 верстъ протягивается также параллельно Дунаю и если оно от-

* Только между Систовымъ и Карпатами выдалось пространство на 170 верстъ.

** Отъ Серета театръ нашихъ дѣйствій уже дѣлается глубже, включая въ себя Молдавію, Малую Валахію, большую, чрезъ Дрүүлъ, въ Бессарабію.

далеко нѣсколько отъ Черноводъ, на Дунаѣ противу другихъ на ономъ пунктоу, за то путь этотъ въ Бузео касается горъ Карпатскыхъ. На этомъ протяженіи Дуная находятся крѣпости: Туртукай, Силистрія, Рисовата, Черноводы, Гирсово* и наконецъ Мачинъ. Объ Исаакчѣ и Тульчѣ, какъ лежащихъ противъ Бессарабіи, не упоминаю.

Этотъ путь, отъ Букареста до Серета, не сравненно затруднительнѣе пути отъ Букареста въ Видинъ. Затрудненія эти состоятъ во множествѣ рѣкъ и потоковъ, которые не только въ извѣстное время, но и отъ совершенно неожиданныхъ причинъ, часто на нѣсколько сутокъ прекращаютъ всякое сообщеніе. Здѣсь находятся: Яломица, Бузео, Рымникъ знаменитый потопленіемъ Турецкой арміи Суворовымъ и гдѣ, 20 лѣтъ спустя, погибъ сынъ его, Путна и наконецъ Сереть, внезапно разливающейся на нѣсколько верстъ. Сверхъ того есть много ручейковъ и долинъ, въ которыхъ, иногда, срываются мосты и плотины и къ которымъ подъѣзды чрезвычайно круты и тѣсны, какъ на примѣръ въ Тырго-Куколи.

Изъ вышеприведеннаго оказывается, что отъ Видина до Серета 480 верстъ; но на этотъ путь (въ особенности отъ Букареста до Серета) нельзя рассчитывать и на одинъ день: бываетъ достаточно нѣсколькихъ часовъ, чтобы внезапно представить преграду быстрому движенію войскъ.

Теперь брошу столь же краткій взглядъ на театръ дѣйствій Турецкихъ войскъ.

Прямое направленіе главной наступательной Турецкой арміи въ войнѣ съ Россією есть пространство Дуная отъ окрестностей Исаакчи до Тульчи. Присоединеніе Бессарабіи не могло измѣнить этого естественнаго направленія, которое было избираемо Турками въ ихъ войнахъ съ Гетманами, съ Польшею и наконецъ съ Россією.

Въ эти войны Турки всегда, посредствомъ мостовъ, учреждали переправу чрезъ Дунай или въ окрестностяхъ Тульчи къ Килии, или изъ окрестностей Исаакчи къ Сатуноу и Кагулу.

Первый главный сборный пунктъ ихъ арміи, въ тѣ войны, былъ Адрианополь; второй Шумла, наконецъ третій—Бабадагъ, при ко-

* Не знаю, возобновлены ли нынѣ укрѣпленія Рисоваты, Черноводъ и Гирсово?

тѣмъ остатки пространныхъ укрѣпленныхъ лагерей ихъ видимы и понятны.

Адрианополю служилъ Туркамъ сборнымъ пунктомъ и во время войны ихъ съ Австрією. * Шумла была и всегда будетъ, по своему военно-географическому положенію, сборнымъ пунктомъ армій, предполагаемыхъ дѣйствовать противъ насъ. Бабадагъ потерялъ все свое значеніе съ тѣхъ поръ какъ Придунайскія Княжества заняты нами, ибо узкое пространство, выдающееся на Сѣверъ, между Чернымъ моремъ (отъ Кюстенджи) и Дунаемъ (отъ Черноводъ) къ Тульчѣ, Исагчѣ и Мачину, не позволяетъ Туркамъ и помыслить собрать на оною нынѣ свою армію. Одна глупость, которую они себѣ позволяютъ, будетъ, конечно, заключаться только въ томъ, что оставятъ въ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ мѣстахъ на вѣрную жертву свои гарнизоны! **

Слѣдовательно, одинъ естественный путь главной Турецкой арміи въ настоящее время, когда мы занимаемъ Княжества, есть изъ Адрианополя, чрезъ три перевала Балкановъ, на Шумлу, а отъ оной къ Силистріи и Русуку. Другаго ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ: *** всякое отклоненіе отъ этого пути будетъ для нихъ гибельно.

Не имѣя въ виду положительныхъ данныхъ о сосредоточеніи въ настоящее время главныхъ Турецкихъ силъ, не могу и судить иначе, какъ на основаніи обнародываемыхъ событій.

Изъ нихъ видно, что Видинъ и его окрестности заняты значительными силами Турковъ, что они сильно укрѣпили лежащій предъ онымъ островъ; что на лѣвомъ берегу Дуная Кадафатъ также укрѣпленъ, равно какъ и возвышенія, его окружающія, и что всѣ эти три пункта находятся во взаимной связи обороны. Наконецъ, что око-

* Едва есть другая военная точка въ Европѣ, счастливѣе этой во всѣхъ отношеніяхъ.

** Чѣмъ, внезапно, конечно, мы и воспользуемся, употребивъ для сего часть нашихъ войскъ.

*** Туркулай, лежащій между двумя сильнѣйшими и пространнѣйшими крѣпостями на Дунаѣ, не можетъ, по мѣстности своей, служить главнымъ пунктомъ наступательныхъ дѣйствій ни со стороны Турковъ, ни съ нашей, ибо въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ не только не можетъ быть укрѣпленъ, но тутъ не можно устроить даже и тетъ де пона. Пробывъ здѣсь три мѣсяца съ отрядомъ, я близко знаю всѣ условія этого пункта.

ю 20 т. безуспѣшно выходили изъ онаго, чтобы отгнать горсть Русскихъ и т. п.

Пунктъ этотъ, по моему мнѣнiю, избранъ ими въ двухъ предположенiяхъ, совершенно противоположныхъ намѣренiю открыть изъ онаго свои главныя наступательныя дѣйствiя, вѣроятности чего я не могу допустить и тѣни, вотъ почему:

Еслибъ они хотѣли заставить насъ ослабить свои силы, расположенныя между Букарестомъ и Крайовымъ къ Видину, то имъ стоило бы только сосредоточиваться въ окрестностяхъ Черноводъ и Гирсова, а оттуда начать свои усиленные нападенiя на лѣвый берегъ Дуная, какъ это они начали было дѣлать въ Ольтеницѣ, и что продолжаютъ теперь изъ Калафата.

Въ такомъ случаѣ армiя наша, при всѣхъ помянутыхъ условiяхъ, угрожаемая нападенiями на единственное затруднительное свое сообщенiе съ лѣвымъ берегомъ Серета, должна была бы или ослабить себя предъ Букарестомъ, оставя Туркамъ изъ Видина, Рущука, Силистрии и многихъ мелкихъ крѣпостей пространное поле къ набѣгамъ; или, наконецъ, собрать столь же числительную армiю на лѣвомъ берегу Серета на равнинахъ Текуча, чтобъ прикрыть свои сообщенiя на Яссы и далѣе.

Слѣдовательно, въ этомъ отношенiи, сосредоточенiе значительныхъ Турецкихъ силъ при Видинѣ должно почитаться не иначе какъ стратагемой, въ которую думаютъ вовлечь нашего полководца, съ цѣлю, воспользовавшись случаемъ, внезапно переправить значительныя силы свои ближе къ Серету и угрожать сообщенiю. *

Вторая причина собранiю значительныхъ силъ въ Видинѣ заключается въ томъ, чтобы сблизиться съ Пандурами.

Главные виновники волненiй въ Валахiи, въ 1848 году, Бояры—Члены Валахскаго демагогическаго клуба въ Лондонѣ и Парижѣ: Гелiадъ, два брата Братиано, Розети, Войнеско, Архимандритъ Юсафъ и другiе, конечно, находятся въ Видинѣ и

* Мысль операционной линiи по Серету, не нова у Турокъ. Въ 1827 году, во время порученiй, возложенныхъ на меня въ Княжествахъ по выѣздѣ посланниковъ изъ Константинополя, я доносилъ объ этомъ замышлявшемся планѣ, внушенномъ Портѣ иноземными офицерами, являвшимися въ Княжества для обзорной мѣстности. Тогда сильный Браиловъ, нынѣ уже не существующий, долженъ былъ служить опорой праваго фланга, а лѣвый упирались къ горамъ Карпата, въ окрестностяхъ Одобешти и т. п.

утвердительно можно сказать, имѣютъ многихъ сообщниковъ въ Княжествахъ, гдѣ ищутъ (какъ это не однократно объявляли въ своихъ воззваніяхъ, печатавшихся въ Лондонѣ и Парижѣ. См. гл. VIII, IX) подвинуть народъ къ открытому или косвенному противодѣйствію нашимъ войскамъ.

Калафатъ въ сосѣдствѣ съ Пандурами, легко увлекающимися, въ особенности когда имъ будетъ обѣщано право грабить Бояръ, * не принадлежащихъ къ пропагандѣ. Если къ Пандурамъ Турки усядутъ присоединить нѣсколько сотъ Арнаутъ, по частямъ къ нимъ пробравшихся, вмѣстѣ съ которыми они свычны и не разъ производили безпорядки и мятежи, тогда безъ всякаго сомнѣнія Пандуры, въ особенности цинуты (уѣзды) Гаржевскій и Мехединскій, подымутъ знамя бунта.

Къ сему должно еще присовокупить, что Видинская армія, не зависимо Валаховъ, включаетъ въ себя большую часть сброда производившаго безпорядки: въ Польшѣ, въ Венгріи, Германіи и Италіи. Словомъ, армія эта имѣетъ всѣ элементы къ распространенію безпорядковъ, исчисленіе которыхъ было бы здѣсь неумѣстно, но замѣчу только одно, что Пандурамъ легко будетъ проникнуть горами на наши сообщенія и довольствоваться хотя бы однимъ только истребленіемъ мостовъ, паромовъ, плотинъ и т. п. **

Вотъ, по моему убѣжденію, двѣ главные причины сосредоточенія значительной части силъ при Видинѣ и того особеннаго вниманія,

* Стоять только обратиться къ возстанію Пандуръ въ 1821 году, подъ предводительствомъ Тодра Владимірески, когда они положительно объявили, что дѣйствуютъ и искореняютъ только Князей Фанаріотовъ и Бояръ, которыхъ называли піявцами народа, не выходя однакоже изъ повиновенія Султану, къ которому отправили депутатовъ. Князь Писиланти, прибывшій съ гетеристами къ Букаресту, не былъ впущенъ Пандурами въ городъ. Всѣ его усилія склонить ихъ на свою сторону были тщетны. Они прокламациями отвѣчали ему, что цѣль ихъ различна, что онъ возсталъ противъ Султана, а они напротивъ за него, чтобъ искоренить Бояръ, грабящихъ его подданныхъ. Предательская смерть Владиміреска ни къ чему не послужила Князю Писиланти; оставшіеся предводителями Пандуръ, два брата Македонскихъ отвели ополченія въ Малую Валахію и распустили оное по домамъ, а часть помогала Туркамъ. Въ гл. VIII Придунайскія Княжества, говорится о Пандурахъ и т. п.

** Въ гл. VIII. Политическое состояніе и свойства народонаселенія Придунайскихъ Княжествъ, объ этомъ изложено.

которое обращено на укрѣпленіе Калафата. Распущенная молва о перенесеніи сюда главной ихъ квартиры, принадлежитъ къ той же цѣли и въ особенности необходима для Пандуръ, которые, полагая видѣть среди себя главную Турецкую армію, скорѣй будутъ подвигнуты къ безпорядкамъ.

Возбудивъ Пандуръ къ начатию безпорядковъ, обеспечивъ укрѣпленіями окрестности Видина и оставивъ при ономъ нѣсколько тысячъ человекъ, какъ это было въ кампанію 1828 и 1829 годовъ, и не иначе какъ Албанцевъ, Боснаковъ, которые едва ли въ другихъ мѣстахъ согласятся служить, сосредоточенныя силы не сомнѣнно начнутъ мало по малу стягиваться болѣе къ центральнымъ пунктамъ.

Другихъ предположеній быть не можетъ, ибо иначе это было бы совершенное отклоненіе отъ здраваго разсудка и отъ основныхъ правилъ военной науки, которую, конечно, Турки, если и не сами, то чрезъ другихъ, нынѣ понимаютъ; безъ этой двойной цѣли они ни въ какомъ случаѣ не отдавали бы отъ главнаго своего пути столь значительныя силы.

Теперь обращусь къ положенію Турецкой арміи:

Видинъ лежитъ на самой западной оконечности Болгаріи; * онъ отстоитъ отъ главныхъ пунктовъ: отъ Руцукъ, по Дунаю, около 350 верстъ. Дорога идетъ по правому берегу рѣки, чрезъ множество рѣчекъ, иногда значительныхъ, съ крутыми берегами, часто на самой оконечности Дунайскаго берега, гдѣ движеніе можетъ быть обезпокоиваемо съ лѣваго берега. Шумла, центръ всѣхъ дѣйствующихъ силъ, чрезъ Систово или Руцукъ—450 верстъ. Дорога же, идущая изъ Рахова, вправо отъ Дуная, на Плевно и Тырново, не сравненно еще затруднительнѣе, ибо на склонахъ Балканскаго хребта она перерѣзываетъ множество крутыхъ и глубокихъ долинъ, включаетъ множество тѣсинъ и не короче первой.

Это пространство, заключенное съ Сѣвера Дунаемъ, съ Юга Балканскимъ хребтомъ, составляетъ параллелограмъ, коего сѣверный и южный бока имѣютъ протяженіе отъ 400 до 450 верстъ, а западный и восточный отъ 80 до 100 верстъ.

Поверхность этого параллелограма составляетъ сплошное направление крутыхъ и часто утесистыхъ отроговъ отъ Балканскаго

* Онъ, такъ сказать, припертъ угломъ къ Сербіи.

хребта, окладяющихся къ Дунаю. Между этихъ отроговъ находятся значительныя и часто очень затруднительныя для переправы рѣки: Ломъ, Игустуль, Скитуль, Искеръ, Вида, Осма, Янтра, Кара или Черный Ломъ, Акъ или Бѣлый Ломъ, и множество другихъ рѣчекъ, ручейковъ и потоковъ, представляющихъ на каждомъ шагу затрудненія и часто непреодолимыя препятствія къ безостановочному и правильному сообщенію по дорогамъ, которыя, пролегая на пространствѣ между Видинемъ и Рущукомъ и Шумлою, должны перѣбывать всѣ эти отроги и глубокия долины и овраги, между которыми заключенныя.

Изъ этого очерка видно, что параллелограмъ, служащій нынѣ Туркамъ театромъ наступательныхъ движеній и лежащій на Югъ отъ Дуная, простираясь о хребта Балкановъ, несравненно длиннѣе, не соразмѣренѣе въ ширину и затруднителнѣе параллелограмма, на которомъ дѣйствуетъ наша армія между лѣвымъ берегомъ Дуная и южнымъ склономъ Карпатскаго хребта.

Изъ Видина есть еще сообщеніе на Югъ чрезъ Бѣлграджикъ съ дорогою, идущею изъ Ниша на Софію и далѣе. Но перевалъ этотъ изъ долины Дуная въ долину Нишавы, чрезвычайно затруднителенъ, въ особенности для арміи съ артиллеріею. Сверхъ того путь этотъ совершенно отдѣляетъ войско отъ центра дѣйствій Шумлы и Дунайской долины, ибо онъ вводитъ оное на южную сторону хребта Балкановъ и по направленію къ Константинополю.

Изъ сего слѣдуетъ, что войско, взявшее направленіе изъ Видина на Нишъ, отдавится на долгое время отъ театра военныхъ дѣйствій, а чтобы опять къ оному приблизиться, оно должно преодолѣть постоянными усиліями многія препятствія, * къ чему Турецкій солдатъ, въ особенности Албанецъ и Боснакъ, не способенъ. Увидѣвъ себя перенесенными изъ Дунайской долины въ Нишавскую, находящуюся на пути къ ихъ родинѣ, они поспѣшатъ отдѣлаться отъ знаменъ своихъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что отъ насъ зависятъ воспользоваться всѣми представляющимися преимуществами, которыя мы имѣ-

* Въ особенности, если Болгарскіе Гайдуки, какъ замѣчено ниже, будутъ образованы и займутъ тѣсныя, находящіяся на этомъ пути. Послѣдствія сего не исчислимы.

емъ надъ неприятелемъ, какъ относительно качества войскъ, такъ и относительно театра движенія, каждаго въ своемъ параллелограммѣ.

Если Турки предупредятъ насъ и успѣютъ безнаказанно оттянуть свои силы отъ Видина, чтобъ открыть дѣйствія на нижнемъ Дунаѣ, на пространствѣ отъ Гирсова до Черноводъ, тогда, не сомнѣнно, мы потеряемъ всѣ эти преимущества, которыя теперь находятся въ нашихъ рукахъ.

Если же, напротивъ, мы успѣемъ разрушить ихъ проискъ среди Пандуръ, * и образуемъ ловко и подъ рукою малую войну, въ тылу, среди Турецкихъ войскъ, прежде нежели они успѣютъ сосредоточиться, тогда конечно, по характеристическимъ свойствамъ Турецкихъ войскъ и тѣхъ, которыя могутъ быть употреблены для сего, какъ мнѣ близко изъ опытовъ извѣстно, можно утвердительно сказать, что Турецкія войска не только не сохраняютъ свои, на пути и на мѣстахъ, запасы и сообщенія, но едва ли сохраняютъ ряды свои. Первая мечь ихъ обрушится на притекшихъ къ нимъ иноземцевъ и даже ренегатовъ. **

Къ достиженію сего мы имѣемъ всѣ элементы. Здѣсь въ С.-Петербургѣ, въ Придунайскихъ Княжествахъ и въ самой

* Волненіе въ Пандурахъ, по моему убѣжденію, чрезвычайно важно по многимъ причинамъ. Я никогда не раздѣлю онаго съ тѣми, которые, не зная близко многихъ отношеній края, допустить ихъ къ явному обнаруженію себя противъ насъ. Одна уже необходимость наказаній будетъ имѣть неблагоприятныя нашимъ пользамъ послѣдствія. Не допуская Пандуръ до явнаго обнаруженія своихъ мнѣній въ этомъ обстоятельствѣ, я полагаю, что ихъ нетрудно будетъ (разумѣется умѣючи и не чрезъ Фанаріота Грека или Валаха) заставить выманить къ себѣ ихъ коноводовъ изъ Видина и передать ихъ въ наши руки. Предательства эти у нихъ ни почему, примѣровъ тому множество. См. гл. IX. О важности собранія свѣдѣній и гл. VIII. О свойствахъ жителей Придунайскихъ Княжествъ и пр.

** Къ этому не трудно будетъ расположить ихъ, чрезъ Дервешей, всегда гнѣздящихся около войскъ и заклятыхъ враговъ Каролинцевъ; стоить посредствомъ ловкаго агента подать имъ мысль, что неудача ихъ происходитъ отъ того, что правовѣрные мусульмане подчинены гяурдамъ. Не трудно будетъ (опять скажу умѣючи) породить эту мысль и чрезъ нѣсколькихъ цѣлѣнныхъ, которыхъ избравъ, по способностямъ, найти благовидный предлогъ отпустить обратно. Съ Турками это обстоятельство не должно быть упущено изъ виду, и говорю на основаніи опыта, и убѣжденъ въ возможности, которая можетъ превзойти всѣ ожиданія. (См. гл. IX.)

Болгаріи, какъ Сѣверной такъ и Южной, можно указать на лица, которые могутъ все это направить въ тѣхъ размѣрахъ, какіе признаютъ для сего нужными. * Тѣмъ болѣе это важно, что не смотря на ополченіе противъ насъ, хотя бы и всей Европы, развязка борьбы этой должна произойти въ Турціи, а потому отъ успѣха здѣсь зависитъ будетъ успѣхъ и вездѣ.

Англичане, Французы и нѣкоторые другіе, въ продолженіе уже 20 лѣтъ, съ помощію высшаго Греческаго духовенства въ Турціи, дѣйствуютъ и открыто и косвенно, чтобъ расположить массу Славянскихъ племенъ противъ Россіи, и въ этомъ случаѣ, по многимъ причинамъ, изложеннымъ въ политическомъ обзорѣннн этихъ областей; мы должны, въ особенности нынѣ, стоять на бдительной стражѣ.

Не прибѣгая даже къ подобнымъ открытымъ дѣйствіямъ, все вышесказанное можетъ быть произведено нами, не подвергнувъ массы народа мести Турецкаго Правительства. Одни обычные между Болгарами Гайдуки могутъ быть для сего достаточны. По обычаямъ края, этотъ родъ Гайдуковъ не подвергается даже преслѣдованію Турецкаго Правительства (См. гл. VIII. Болгарія).

Къ этимъ Гайдукамъ не замедлятъ пристать Боснійскіе Ускоки, Албанцы Православные и даже Магометанскаго исповѣданія. Одни Албанцы Мирдиты, или Католики, заклятые враги Православныхъ, останутся чуждыми. Турки Дели Орманскаго лѣса съ радостію воспользуются симъ случаемъ. **

Если же мы перенесемъ театръ войны на правый берегъ Дуная, конечно не иначе какъ въ ядро чистаго Болгарскаго земледѣльческаго народонаселенія, простирающагося за 4 съ половиною милліоновъ ***

* Въ гл. IX. Важность имѣть положительныя свѣдѣнія о происходящемъ на правомъ берегу Дуная и о тайныхъ козняхъ въ Княжествахъ; съ указаніемъ на единственныя средства къ достиженію того и пр., а также въ Гл. VIII. Политическое направленіе Болгаръ, ихъ свойства и пр.

** Все это развито въ удовлетворительныхъ размѣрахъ въ гл. VIII Политическое и этнографическое обзорѣннн Турецкихъ Европейскихъ областей и пр. и въ гл. IX. «О высшей заграничной Тайной Полиціи, и пр.

*** При движеніи отъ Сѣвера на Югъ, чрезъ Балканскій хребетъ нельзя встрѣтить тѣхъ препятствій, которые встрѣчаются при перерѣзываніи отроговъ, ибо движеніе чрезъ Балканы пролегаетъ вдоль этихъ отроговъ.

среди котораго, во многихъ округахъ, нѣтъ ни одного поселенца Турка и которое въ четверо многочисленнѣе единоплеменниковъ своихъ, живущихъ на Сѣверъ отъ Балкановъ,—въ такомъ случаѣ мы безъ отряда волонтеровъ партизановъ обойтись не можемъ, и Гайдуки будутъ основаніемъ онаго. * Тогда продовольствіе и всѣ потребности для арміи будутъ обеспечены и транспорты не встрѣтятъ препятствій. **

* Болгары могутъ выслать до 50 т. Гайдуковъ, а въ случаѣ ополченія легко 200 т. человекъ.

** Смотри добавленіе къ статьѣ Болгарія, гл. XI.

СРЕДСТВА

КОТОРЫЯ МОЖЕТЪ НАЙТИ НАША АРМІЯ ВЪ БОЛГАРИИ

ПРИ СОБЛЮДЕНИИ МѢСТНЫХЪ УСЛОВІЙ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Показавъ этнографическое распредѣленіе Болгарь по Европейской Турціи, изъ котораго видно было,* что главная масса, а именно $\frac{1}{3}$ -хъ этого славнаго племени находится внѣ границъ, опредѣляемыхъ географіею Болгаріи, я намѣренъ изложить, хотя кратко, средства, которыя наша армія можетъ найти у Болгарь.

Въ статьѣ «Болгарія» видно было, что поселенія Болгарь не вездѣ одинаковы между собою и преимущественно въ географической Болгаріи, которая первою представится нашей арміи. Болгарія эта въ этнографическо-статистическомъ отношеніи можетъ дѣлиться на двѣ главныя части: на Восточную и Западную. Восточная, начиная отъ Чернаго моря и продолжаясь между Балканами и Дунаемъ, оканчивается правымъ берегомъ Кара или Чернаго Лома, впадающаго въ Дунай у Рущука. Западная, одинаково имѣющая на Югъ-Балканы, а на Сѣверъ-Дунай, простирается отъ лѣваго берега Чернаго-Лома до праваго берега Тимока, отдѣляющаго географическую Болгарію отъ Сербіи. Въ этой западной части находится и Видинъ.

Обѣ части эти имѣютъ свои особенныя условія, какъ относительно способовъ продовольствія арміи, такъ и учрежденія этаповъ, движенія транспортовъ, ихъ конвоированія и вообще всѣхъ тѣхъ

* См. гл. VIII Болгарія.

мѣръ къ заготовленію, которыя необходимы для арміи къ ея существованію во всѣхъ отношеніяхъ. Слѣдовательно, нѣтъ возможности, въ этомъ краткомъ изложеніи, войти въ частности, требуемыя каждою изъ разнообразныхъ полосъ, въ смыслѣ пользы арміи. Тоже самое представляетъ и Болгарія, находящаяся на югъ отъ Балкановъ, гдѣ обитаетъ главная вчетверо многочислѣннѣйшая масса Болгаръ, имѣя также значительные отбѣнки, происходящіе (независимо физическихъ условій) отъ степени своего смѣшенія съ Турками и другими племенами, а потому я ограничусь общимъ взглядомъ.

1. Общій взглядъ.

Всѣ вообще Болгаре суть земледѣльцы самые трудолюбивые. Они вездѣ и все воздѣлываютъ. Хлѣбопашество занимаетъ первое мѣсто, скотоводство второе,—мѣстами оспаривая свое преимущество одно предъ другимъ. Константинополь продовольствуется одними Болгарами; запасы крѣпостей, снабженіе продовольствіемъ дѣйствующихъ армій готовится Болгарами; мѣстные запасные магазины * пополняются одними Болгарами, потому что на правомъ берегу Дуная нѣтъ другихъ хлѣбопашцевъ; четыре съ половиною милліона Болгаръ суть единственные представители земледѣлія, во всѣхъ онаго видахъ въ Европейской Турціи, и пространство между Софією, Филиппополемъ и Сересомъ, какъ видно было въ статьѣ «Болгарія,» занимаемое главною массою этого племени, почти безъ примѣси къ ней Турковъ, почитается житницею Имперіи; въ особенности округи Софін, Команово, Кратово и всѣ Пострумскіе славятся плодородностію почвы. Слѣдовательно относительно хлѣба и скота** не

* Учрежденіе запасныхъ магазиновъ въ Турціи замѣчательно прочностію своего учрежденія.

** И здѣсь, подобно какъ въ Придунайскихъ Княжествахъ, баранина должна быть, предпочтена воловьему мясу. Для сохраненія здоровья солдата, эту послѣднюю безвреднѣе употреблять вяленою, какъ это дѣлается въ самой странѣ. Причины того подробно наложены въ главѣ VI: Гигіена и предосторожности необходимыя въ Турецкихъ областяхъ. Въ Болгаріи хлѣбъ вообще очень хорошій, часто бываетъ прѣсмыи и иногда въ лепешкахъ разнаго вида, именуемыхъ ногоча, платаница, баница, жабаница, родъ Молдавской плацинды и т. п., смотря на степень состоянія и желаніе угостить; изъ кукурузной муки приготовляютъ такъ называемые вареники, схожіе съ нашими Малороссійскими, но должно замѣтить, что мучными мушанья въ большемъ употребленіи вообще и въ разныхъ видахъ, особенно разнаго рода слойки.

можетъ быть недостатка, если обратятся къ практическимъ операціямъ по этому предмету, существующимъ въ странѣ, въ которую переносятся дѣйствія или еще только предполагается ихъ перенести;* въ этомъ послѣднемъ случаѣ предварительныя тайныя сношенія необходимы** и я не думаю, чтобъ въ этомъ могли встрѣтиться большія преграды, если приступать къ тому изъ Придунайскихъ Княжествахъ, включающихъ въ себя всѣ элементы къ подобнымъ предусмотрительнымъ дѣйствіямъ.*** Для сего необходима только одна глубокая непроницаемая тайна, всегда въ подобныхъ случаяхъ употребляемая; но въ настоящее время, въ Княжествахъ, она есть послѣдней важности. Официальнымъ образомъ, какъ бы секретно это ни дѣлалось, успѣхъ не возможенъ.**** Разумѣется все, что выше сказано,

* Въ противномъ случаѣ, теорія, основанная не на свойствахъ края, въ полномъ своемъ значеніи, дастъ тотъ же гибельный результатъ, что и Придунайскія Княжества въ войну 1828—1829 года. Доказательствомъ тому служить движеніе Турецкихъ войскъ, часто внезапно, въ многочисленности, какъ напр. въ войнахъ съ Алабанцами, Босніяками и т. п. Мубаеджи или Генераль-Интендантъ едва имѣетъ время нѣсколько сутокъ, предъ вступленіемъ войскъ въ мѣста, которыя оно должно проходить, послать Армянь (Сарафовъ) для покупки и приготовленія продовольствія, въ которомъ никогда не нуждаются, и это, конечно, потому, что теорія извлекается изъ практики, а не обратно, какъ это мною замѣчено въ другомъ мѣстѣ.

** Предъ открытіемъ кампаніи 1828 года, такъ была куплена по распоряженію Г. А. Киселева, часть запасовъ въ Молдавіи. Мнѣ было предписано, и я успѣлъ склонить на это нѣкоторыхъ Бояръ. Конечно въ настоящее время ожесточенія Турокъ труднѣе это сдѣлать въ Болгаріи. Но и въ то время ожесточеніе Турокъ, находившихся въ Ессахъ и Молдавіи за Наваринскую битву, внушало опасеніе, а Бояре трусливѣе Болгаръ.

*** Въ IX главѣ: «О важности имѣть положительныя свѣдѣнія о происхожденіи на правомъ берегу Дунай и о тайныхъ козняхъ въ Княжествахъ, съ указаніемъ на единственное средство къ достиженію того, въ полномъ объемѣ, Высшей Заграничной Тайной Полиціи,» упоминается подробно.

**** Въ Турціи вообще всѣ производительныя силы, какъ земледѣльческія, такъ и мануфактурныя, промышленныя и т. п., находятся въ рукахъ Армянь, Грековъ и Евреевъ, иногда Англійскихъ спекуляторовъ на нѣкоторыя отрасли, такъ что, можно сказать, эти три элемента имѣютъ въ рукахъ своихъ монополію и причудили Болгаръ имѣть только съ ними дѣло для сбыта своихъ произведеній. А какъ въ настоящемъ положеніи дѣла нѣтъ возможности, по многимъ причинамъ, упомянутымъ въ главѣ IX, обращаться къ этимъ людямъ, то затрудненіе увеличивается, но оно, повторяю, не непреодолимо.

предполагается тогда только, когда, какъ несомнѣнно должно полагать, слѣданы уже нами связи съ Болгарами; но самыя связи эти требуютъ крайней осмотрительности, ибо если первая попытка останется безъ успѣха, то должно уже отказаться навсегда отъ этихъ предположеній (см. гл. IX). Впрочемъ въ разныхъ мѣстахъ Болгаріи мы имѣемъ людей истинно преданныхъ Россіи и на нихъ не трудно указать тѣмъ, которые имѣютъ на тотъ край вліяніе и даже находятся здѣсь въ С. Петербургѣ.* За упущеніемъ сего изъ виду, неминуемымъ слѣдствіемъ будетъ то, что зерно будетъ спрятано въ такія мѣста, которыя намъ трудно будетъ найти,** а скотъ будетъ угнанъ жителями, Болгарами далѣе, куда удалятся и сами хозяева, какъ это было въ 1828 году и отчасти 1829, исключая нѣкоторыхъ городовъ за Балканами; но и тутъ есть многое, что можно сказать для настоящаго времени и о чемъ отчасти упоминается въ статьѣ: «Болгарія.»

2. Хлѣбныя зерна и жатва. Мельницы.

Въ Болгаріи главные посѣвы: пшеница (тито или шеница), лучшая въ Люлъ-Бургазѣ; рожь (рожь)—первая обыкновенно въ долинахъ, вторая на горахъ; ячмень (ѣтчамъ, рапчаница); овесъ (зобъ); гречиха (элда); просо (просо) преимущественно въ долинахъ между Нишавой и Татаръ-Базарджикомъ, но не менѣе того оно встрѣчается и въ Демотикѣ; кукуруза и многія другія зерна находятся на всѣхъ пространствахъ обитаемыхъ Болгарами. Сарачинское пшено (периначъ) на долину Марицы, преимущественно между Папазлы, Татаръ-Базарджикъ (здѣсь почитается за лучшее), Кызъ-Дербента, Филиппополя, потомъ на долинахъ Стримона, около Сереса и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ не въ столь знатномъ количествѣ.***

* Какъ глубочайшая тайна, я долженъ выждать указывать на нихъ поименно.

• Такъ, напримѣръ, въ 1828 году, зная въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ Ени-базаръ, не была открыты ямы, включавшія въ себя значительное количество зерна и только наканунѣ оставленія города, случайно, Курляндскіе уланы и казаки нашли три подобныя ямы, но не имѣли ни времени, ни средствъ выбрать весь ячмень. Устройство этихъ ямъ тоже что и у насъ въ Бессарабіи и т. п.

*** Жатва производится въ разное время, наприм. въ Западной Болгаріи около 20 Іюня; въ Средней Болгаріи около 20 Іюля; къ сѣверу 6 Августа; въ горахъ за половину этого мѣсяца, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и еще позже; на пространствѣ же между Андрианополемъ и Салоникъ

3. Водка и виноградное вино.

Хлѣбнаго вина въ Болгаріи нѣтъ; оно дѣлается изъ разныхъ фруктовъ, иногда изъ кукурузы. Первое мѣсто занимаетъ сливовица, не уступающая Сербской, гдѣ она есть нектаръ и славится даже въ Австріи. Крушкавица дѣлается изъ грушъ. Водка, приготовляемая изъ кукурузы и чрезвычайно рѣдко изъ другаго зерна, преимущественно въ сосѣдствѣ съ Сербією, именуется комадара. Виноградная водка, въ худшемъ качествѣ противъ нашей кизлярки, называется комовица, а самая простая, дѣлаемая изъ всѣхъ безъ разбора фруктовъ, преимущественно въ Малой Валахіи, привозимая въ Сербію и Сѣверную Болгарію, именуется цуйка; водка, два раза перегнанная, называется препеченица. У зажиточныхъ Болгаръ примѣшиваютъ анисъ, гвоздику, корицу, розы,—тогда она называется кнезовица; примѣшанная съ медомъ—медова ракія. Ракія по Турецки водка, и какъ у Болгаръ, такъ и у всѣхъ жителей Турціи слово раки, ракія, ракіз, служитъ общимъ названіемъ водки. Многие Болгаре, каждый для себя, приготовляютъ эти водки дома. Въ большіе города виноградная водка привозится изъ Хіо и именуется сакызы, она отмѣннаго качества; въ окрестностяхъ Сереса и другихъ, болѣе приближенныхъ къ морю городахъ, встрѣчаютъ разныя водки; ликеръ именуется амберіэ. Виноградное вино въ изобиліи, но качество онаго не вездѣ хорошее, чему причиною надо полагать единственно неимѣніе погребовъ. Лучшими винами почитаются выдѣлываемыя въ Никополю, Систову, Варну, Праводахъ, около Малаго Кызъ-Дербента, въ Ени-Ханэ, въ окрестностяхъ Трояновыхъ воротъ, на холмахъ, лежащихъ на югъ отъ Филиппополя, на подошвѣ Деспото-дагу, близъ Станимака, Гаскіой, Калофера, Гебеджи, Казанлыкѣ, Эски-Загру, Сливну, Ямболу, Карнабаду, Айдошу—по берегу Чернаго моря, преимущественно въ Бунаръ-Гиссарѣ, въ Визѣ, въ Калканъ-дарэ, Ускюбу, и т. д.

4. Огородные овощи.

Огородные овощи разнаго рода въ изобиліи, но болѣе славятся около Лесковаца, Команова. Картофель (крупира) встрѣчается

въ началѣ Іюня. Водяныя мельницы малыхъ размѣровъ встрѣчаются
 " вездѣ. Вѣтряныя жернова на югъ къ Эгейскому и Мраморному морямъ,
 " нѣтъ.

очень рѣдко; онъ начинаетъ разводиться только въ нѣкоторыхъ округахъ, прилегающихъ къ Сербіи; свекла (панджаръ) не вездѣ, но гдѣ есть, то вообще огромной величины; разныхъ родовъ бобы вельные и сушеные; особенный родъ крупнаго гороха именуемаго леплебъ, который зимою жарится и такъ употребляется въ пищу; капуста и т. п. находятся вездѣ. Грибы, большихъ сортовъ, именуемые печурка, мшщица, гливы, находятся въ изобиліи и употребляются Болгарами. Фасоль также родится въ большемъ количествѣ.

5. С о л ь.

Только соль, вся безъ изъятія, должна быть доставляема въ арміи изъ Валахіи и Молдавіи, въ особенности въ географическую Болгарію; за Балканами она не столь рѣдка, но предосторожность требуетъ имѣть всегда оную въ изобильномъ количествѣ. Нѣсколько значительное соляное озеро находится только близъ Анкіюлы, и большая часть добываемой изъ онаго соли употребляется на соленіе разной рыбы, въ значительномъ количествѣ ловимой, какъ въ Анкіюлѣ, такъ въ Месемвріи, Сизополѣ и Бургазѣ, въ пространныхъ тамъ находящихся рыбныхъ заводахъ; остальная соль развозится по всей Болгаріи.

6. Т а б а к ъ.

Табакъ—предметъ, по моему мнѣнію, необходимый для нашего солдата, въ непривычномъ ему климатѣ,—произрастаетъ въ Болгаріи въ большемъ количествѣ * и можетъ быть тамъ приобретаемъ по де-

* Это одна изъ главнѣйшихъ вѣтвей промышленности Европейской Турціи, обрабатывается почти одними Болгарами. Первый сортъ произрастаетъ въ округѣ Юмурджени, въ особенности въ окрестностяхъ селенія Кара-Эндже, гдѣ есть сортъ, именуемый ташлыкъ, отъ каменистаго грунта; этотъ ташлыкъ-гіобекъ скупается почти весь Вельшеманъ Константинополя за нѣсколько лѣтъ впередъ. На мѣстѣ оукъ продается по 75 к. с. за око (3 фунта). Второй сортъ, остальной въ этихъ же мѣстахъ, по 40 кош. с. шико, и этотъ весь скупается въ Константинополѣ. Третій сортъ въ Нюструмскихъ округахъ и продается на мѣстѣ по 25 к. с. за око. Четвертый сортъ въ селеніи Кирджалъ (4 часа отъ Уаунджавы и отъ Гаскиюй) продается по 20 к. с. за око. Пятый сортъ между Бургазомъ и Сизополемъ, въ округѣ Гаскиюй, имѣющемъ до 30 селеній, табакъ этотъ желтаго цвѣта, слабый и почти весь идетъ въ Европу, нагружаемый въ судѣ въ Ченгене-Скеле; онъ на мѣстѣ продается по 10 к. с. за око. Такой же

шевой цѣнѣ; впрочемъ онъ можетъ быть удобно доставляемъ и изъ Придунайскихъ Княжествъ, въ случаѣ цѣнъ низшихъ противъ Болгарскихъ.

7. Т р а в ы .

Травы для корма скота должно озаботиться снимать до 15, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до 20 Юля, ибо послѣ она выгораетъ на корнѣ, и тогда должно будетъ прибѣгать къ запасамъ, которые Болгаре готовятъ для стадъ своихъ на зимнее время, что можетъ повлечь за собою столкновения, могущія имѣть непріятныя послѣдствія.

8. В о д а .

Въ водѣ недостатка быть не можетъ подобно тому, какъ въ 1828 и 1829 году армія наша претерпѣвала, въ особенности въ Добружской епархіи и вообще въ странѣ, прилегающей къ Черному морю. Въ Нагорной Болгаріи вода въ рѣчкахъ вообще хороша, фонтаны же и изворы или источники на каждомъ шагу.

9. Дѣсь, уголья и пильныя мельницы.

Дѣсь всякаго рода, необходимый для арміи; уголья * вездѣ находятся въ изобиліи; пильныя мельницы въ большихъ размѣрахъ въ Рило и далѣе на югъ, а въ меньшихъ въ разныхъ мѣстахъ.

10. Скотоводство. Пастрама.

Скотоводство состоитъ преимущественно въ баранахъ, исключительно употребляемыхъ въ пищу свѣжимъ мясомъ; воловь же мясо употребляется свѣжимъ чрезвычайно рѣдко и только иногда ино-

сортъ табаку произрастаетъ въ Юсупли, между Карнабадомъ и Каванемъ, а также въ странѣ не употребляется. Впрочемъ табакъ низшихъ сортовъ, употребляемый простоародіемъ, разводится почти на всемъ пространствѣ Болгарскихъ, Турецкихъ и Греческихъ заселеній, вообще по Болгарской Моравіи, во Марицѣ, по Нижнему Стримону, по Вардару, въ равнинахъ Монастыря, къ Чорлу особенное изобиліе и т. п. Лучшія трубки въ несчетномъ количествѣ готовятся въ Люле-Бургазѣ; меньше вся Турція, но и всѣ, любящіе курить, имѣютъ оныя. Простыя трубки выдѣлываются въ разныхъ мѣстахъ.

* Дѣсь вездѣ Рило готовится значительное количество уголья.

земными изъ него готовится вяленое и съ просолью—пастрама, которою ведутъ большой торгъ.* Тамъ, гдѣ есть многочисленное скотоводство, учреждены особенныя бойни для приготовления оной, такъ напримѣръ, въ Карнабадѣ, въ Ямболу три бойни и вообще, гдѣ есть крупный рогатый скотъ. Независимо отправления пастрамы въ Константинополь и другія мѣста Турціи, каждый хозяинъ запасается оною на зиму. Въ случаѣ перехода нашихъ войскъ въ Болгарію, заботливость о сохраненіи здоровья нашего солдата требуетъ не отъменно всячески избѣгать давать ему свѣжее воловье мясо; это было бы крайне полезно и въ Княжествахъ (см. Гигіена гл. VI). Сало, кожи, рога и копыта скупаются для отправления за границу. Буйволы служатъ для перевозки тяжестей и вмѣстѣ съ коровами и козами для молочныхъ кушаній, въ особенности разныхъ сыровъ, служащихъ одною изъ главнѣйшей пищи Болгаръ вообще.**

11. Л о ш а д и.

Природное свойство Болгаръ, дѣтей степи, такъ сказать, сроднило ихъ съ лошадыю. Болгаринъ въ городѣ или селѣ, чтобъ посѣтить своего сосѣда, иногда живущаго на одной съ нимъ улицѣ, ѣдетъ къ нему верхомъ, а потому у рѣдкаго Болгара нѣтъ лошади; многіе имѣютъ ихъ по нѣскольку.*** Лошади въ той странѣ никогда не употребляются въ упряжь; для верховой же ѣзды онѣ превосходны; хотя и не большаго роста, но сносливы, не обыкновенно тверды на ногахъ, свычны съ ѣздою по труднымъ мѣстамъ въ горахъ, чрезвычайно поворотливы и мало уступаютъ въ качествѣ лошадымъ Босніи.

* Съ нѣею множество, но преимущественно въ Западной Болгаріи; кабыны встрѣчаются на каждомъ шагѣ и охота на нихъ не затруднить.

** Изъ этихъ сыровъ болѣе распространенный соленый овечій, именуемый сирезъ, готовится въ бочкахъ. Улашикъъ, то же что въ Молдавіи урда, готовится изъ коровьяго молока, заливается для сохраненія въ баранью кожу—и многіе подобныя. Кашкавалъ готовится изъ молока буйволицы въ Маѣ мѣсяцѣ, преимущественно большое его производство около Адрианополя.

*** Болгаре вообще славятся хожденіемъ за лошадыми; они предпочитаютъ великъ другимъ племенамъ и на этомъ то основали, какъ видѣли въ описаніи Болгаріи, 700 Постружскихъ Шоповъ, ежегодно сходящихъ въ Константинополь для прислуги въ Султанскія конюшни.

Предпочитаемыя изъ Болгарскихъ лошадей находятся въ западной части Нагорной Болгаріи и Дели-Орманскаго лѣса. Въ этомъ послѣднемъ многіе Турки занимаются также этою промышленностію и имѣютъ болѣе или менѣе оныхъ всегда на продажу. Въ нѣсколькихъ часахъ отъ Туртукая, по направленію къ Тырнову, находился славный Турецкій монастырь Теке-баба, гдѣ былъ главный конскій заводъ, содержавшійся дервишами онаго, и откуда продавались лошади въ Константинополѣ для лучшихъ наѣздниковъ, а нѣкоторыя находились даже и въ Султанскихъ конюшняхъ. Лучшіе Болгарскіе наѣзджики платили за лошадь этого завода до 100 и болѣе Голландскихъ червонцевъ. Болгарскіе же гайдуки (см. Болгарія) не останавливались ни на какой цѣнѣ, чтобъ имѣть такую лошадь, сила и проворство оборотовъ имъ болѣе всего были необходимы. Въ 1825 году съ истребленіемъ янычаръ и монастырь этотъ, по особому повелѣнію Султана, былъ разрушенъ до основанія; монахи частію изрублены, задавлены и разсыяны, заводъ разграбленъ. * Но не менѣе того у многихъ жителей какъ самаго селенія Теке-баба, такъ и окрестныхъ, остались слѣды этого завода, и когда я находился съ отрядомъ въ 1829 году въ Туртукаѣ, то вмѣстѣ съ войсковымъ старшиною И л о в а й с к и м ъ, былъ въ этомъ селеніи и каждый изъ насъ купилъ одну лошадь. Нѣкоторые изъ жителей думали возобновить у себя маленькіе заводы изъ остатковъ имъ доставшихся, и преимущественно Туртукайскій зажиточный Турокъ, у котораго я жилъ, Гассанъ-Ага, серьезно помышлялъ о томъ.

Я вошелъ въ нѣкоторую подробность о семъ предметѣ единственно съ тою только цѣлію, чтобъ показать возможность въ случаѣ необходимости замѣнить убылыхъ лошадей въ нашей легкой конницѣ лошадьми Болгарскими, которыя въ той странѣ свычны съ климатомъ и ея физическимъ положеніемъ, а по тому будутъ полезны и сохранять огромныя суммы на приведеніе ремонтовъ изъ нашихъ степныхъ губерній лошадей, которыя въ странахъ гористыхъ теряютъ многія изъ своихъ качествъ.

* Теке или монастырь этотъ принадлежитъ ордену Бекташи, который, какъ извѣстно, имѣлъ тѣсную связь съ Янычарами. Множество Албанцевъ, принадлежавшихъ этому ордену, и донынѣ тайно питаютъ это ученіе, въ особенности о переселеніи идущъ. Многихъ изъ нихъ я зналъ лично, и одинъ изъ такихъ Албанцевъ служилъ у меня 12 лѣтъ.

12. Буйволы, волы, лошади, верблюды, ослы и повозки.

Но если Болгарскія лошади вовсе не годятся въ упряжь, то буйволы и волы тѣхъ мѣстъ превосходны для перевозки тяжестей, имѣя шагъ быстрее нашихъ воловъ и привычны иногда пробѣгать значительныя пространства рысцой. Употребляемыя четырехъ колесныя повозки, именуемыя арбы (по Болгарски кола) чрезвычайно большія, но это отнюдь не мѣшаетъ имъ проходить по мѣстамъ очень труднымъ, къ чему конечно много способствуетъ привычка буйволовъ и воловъ, имѣющихъ особенную крѣпость въ ногахъ и твердость копытъ, которая впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подковываютъ особеннымъ родомъ подковъ. Въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстахъ употребляютъ повозки двухъ колесныя, запрягаемые тоже волами. Въ западной и южной Болгаріи иногда встрѣчаются верблюды * и вмѣстѣ съ лошадьми исключительно составляютъ караваны. Они ходятъ два раза въ годъ, исключая экстренныхъ случаевъ изъ Складры (Скутари) чрезъ Призренъ въ Нишъ, иногда достигаютъ даже до Видина, гдѣ взявъ соль возвращаются. Мануфактурная промышленность между Сересомъ и Софіею перевозится на верблюдахъ или лошакахъ, такъ какъ дорога эта для сего удобна. Мелкіе ослы одинаково служатъ въ горахъ для перевозки тяжестей и для собственной ѣзды.

13. Рыбныя ловли.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаре занимаются рыбными промыслами въ большихъ размѣрахъ, но это только для торговли, а собственно въ пищу они мало употребляютъ оной. **

* Верблюды эти являются въ Европу большою частію спекуляціями мѣстныхъ оптовыхъ торговцевъ или содержателей тамошняго рода транспортовъ. Въ военное время, Порта употребляетъ оныхъ для перевозки продовольствія; такъ они являлись въ 1828 году подъ Шумлою.

** Въ Месемвриѣ, Ахтиолѣ и Сизополѣ находятся большіе рыболовные заводы. Тутъ ловятъ скумбрію и цыру (одна и таже рыба), первое имя она носитъ, когда въ жирѣ, и ловля оной производится съ 1 Сентября до 1 Ноября; а вторая, цыра, когда она тоща, ловля оной съ 1 Мая до послѣднихъ чиселъ Юля; въ хорошій годъ ея ловятся отъ 30 до 50 милл. штукъ. Скумбрію солятъ, цыру вялятъ; она почти вся идетъ въ Константинополь и Грецію; за скумбрію платятъ отъ 3 до 4 руб. сер. за 1000, за цыру отъ 80 коп. до 1 руб. 10 коп. сер. за такое же количество. Въ этихъ же

14. Предметы госпиталей и минеральныя воды.

Относительно предметовъ необходимыхъ для госпиталей, то и въ оныхъ недостатка встрѣтить нельзя. Изобиліе вина доказываетъ, что есть и уксусъ. Разныя сушеные фрукты, въ особенности сливы, яблоки, груши, вишни и другіе въ изобиліи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Южнаго Балкана—миндаль. Флора богата всеми необходимыми лѣкарственными травами, свойственными климату; но должно озаботиться во время, доколѣ оныя не сгорятъ на корнѣ. Медъ, соты (кошница)—вездѣ. Льняное, конжутное, полевой рѣпы и другія масла выдѣлываются во многихъ мѣстахъ. * Пиявки многочисленны, преимущественно въ болотахъ Софіи, Радомира, Кюстендиль, Серезскаго пашалыка и т. п.; множество продается въ Европу, и на мѣстѣ они стоятъ око (3 фунта) 60 коп. сереб., а иногда менѣе. Минеральныя источники могутъ представить также немаловажное пособіе. **

мѣстахъ, отъ 1 Марта до 15 Апрѣля ловятъ камболу, по Турецки калканъ балыкъ, въ большомъ количествѣ; на мѣстѣ она продается отъ 4 до 6 коп. сер. за око (3 фунта). Въ Сизополѣ между камнями, а въ Месемвринъ въ пескѣ ловятъ въ большомъ количествѣ мидій, которыми ведутъ значительный торгъ въ Болгаріи. Въ Бургазѣ въ большомъ количествѣ сааяны и еще писи-балу, по Гречески лифирнда, рыба, имѣющая сходство съ камболою, но другихъ костей и не болѣе 6 фунтовъ вѣсу. Въ Юмурдени, въ озерѣ, именуемомъ чистымъ Греческимъ именемъ Лимни (въ 7½ верстахъ отъ города), Болгаре ловятъ множество рыбы, между которою отличаются такъ называемая Ахеля, вѣсомъ до 30 фунтовъ; этотъ сортъ имѣется только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и Албаніи; всѣ эти заводы ведутъ значительную торговлю. Въ разныхъ другихъ мѣстахъ Болгарія рыба встрѣчается въ изобиліи.

- ° Розовое масло, исключительно нынѣ выдѣлываемое Болгарами въ Казанлыкѣ, гдѣ необозримое пространство насаждено розами; въ Шибкѣ, Шекерли, Эски-Загрѣ, Сливно, Карнабадѣ, Карловѣ; лучшее однако въ Казанлыкѣ и Карловѣ, въ который изъ другихъ мѣстъ привозятъ для вторичнаго процесса очищенія.
- ° Теплыя сѣрныя находятся въ Софин—34° Реом. (серно-хлористый растворъ господствуетъ); въ 12 верстахъ на востокъ отъ Казанлыка, на Тулджѣ, близъ места 40° Р.; близъ Эни-Загры въ Берки въ 10 в. отъ Айдо-са у подошвы Балкана 33° Р., извѣстный въ глубокой древности; на востокъ отъ Андрианополя въ Гаскію; подлѣ Филиппополя въ Лыджѣ (на картахъ Лмса); въ Кюстендиль пять источниковъ отъ 47—59° Р. и многіе другіе. Кисло-холодныхъ источниковъ въ Болгаріи нѣтъ, за то Сербія и Боснія изобилуютъ оными. Холодно-железные находятся въ Болгаріи въ Этредольскомъ Балканѣ близъ Калканъ-дѣре.

15. Селитра и квасцы.

Въ семи верстахъ отъ Казана по направленію къ Тырнову, въ мѣстѣ именуемомъ Болгарами и Турками Пещира, * эти первые извлекаютъ большое количество селитры (шайтра), которою и ведутъ значительный торгъ; она встрѣчается и въ разныхъ другихъ мѣстахъ Болгаріи, какъ на примѣръ въ долинахъ Сереса. Квасцы въ большемъ же количествѣ извлекаются Болгарами изъ окрестностей горы города Юмурджени.

16. Предметы одежды и обуви.

Въ бараньихъ тулупахъ или полубашмакахъ (по Болгарски кожу) недостатка быть не можетъ, много волчьихъ и лисьихъ (маленькая именуется шуракъ, большая велика шуракъ); одинаково и въ рукавицахъ для зимняго времени, какъ и у насъ безъ пальцевъ во всеобщемъ употребленіи у Болгаръ. Бурки, полости родъ ковровъ простыхъ изъ бараньей и козьей шерсти, **, находятся вездѣ и всегда есть для продажи, ибо Болгаре ведутъ оныи значительный торгъ. Предметъ этотъ не только для иноземныхъ но и для туземцевъ необходимъ, чтобъ не ложиться на голую землю, такая полость предохраняетъ отъ сырости, миазмовъ и рода маленькихъ тарантулъ въ разныхъ гористыхъ пространствахъ. Въ Ямболѣ есть большія фабрики этихъ родъ войлоковъ, которыми ведется значительный торгъ, впрочемъ они вырабатываются во многихъ другихъ мѣстахъ самыми хозяевами для собственнаго употребленія.

Холстъ можетъ быть купленъ вездѣ и въ большемъ количествѣ. ***

* Въ одной изъ горъ есть природный каменный входъ въ подземелье; въ началѣ онъ не шире сажени, но потомъ распространяясь образуетъ равнину, которая, по удостовѣренію жителей, простирается въ длину часть (5 верстъ), а въ ширину $2\frac{1}{2}$ версты, орошаемую многими источниками. Селитра извлекается на пространство отъ входа около двухъ верствъ. Предъ входомъ течетъ рѣчка, именуемая Сухаріека, лѣтомъ пересыхающая.

** Округи Шаркіой и Берковцы выдѣлываютъ ковры разной доброты, но преимущественно тонкіе. Сливенскіе ковры также славятся красотой, пушистостію и легкостію своей выдѣлки.

*** Независимо грубыхъ тканей, въ Болгаріи выдѣлываются и другія, такъ напримѣ-

Сукно, именуемое абѣ и тефтикъ-абѣ, большею частию бѣлаго и дикаго сѣраго цвѣта, а иногда кирпичнаго цвѣта, чрезвычайно толстое и плотное; такъ что наливъ на оное воды, она въ нѣсколько сутокъ такового не проникнетъ. Изъ сукна этого дѣлаются плащи, именуемые кабаница (то что у Босняковъ япуга); для дождя сзади прикрѣпленъ капюшенъ (кукурета или застаракъ, по Турецки башлыкъ, по Албански камелаука), куртки, родъ щиблетовъ и т. п. Этими сукнами ведется значительный торгъ; они выдѣлываются во всей Нагорной Болгаріи, не дороги и чрезвычайно полезны въ томъ краѣ. Главнѣйшія фабрики абы находятся въ Тырновѣ, въ Силистріи, въ Башкой, въ Ямболѣ; въ Сливнѣ, оно уже тоньше. Впрочемъ Болгаре изготовляютъ оное себѣ сами. Абѣ съ большою пользою можетъ быть употреблена для одѣяль или покрываѣ раіенныхъ и больныхъ въ подвижныхъ госпиталяхъ; это можетъ замѣнить толстыя шерстяныя одѣяла, именуемыя покроваци, которыя выдѣлываются въ Силистріи, Руцукѣ, Ямболу, Сливнѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Выдѣлываніе кожъ, такъ называемыхъ Русскихъ, преимущественно производится въ Филиппополѣ, Ускюбѣ, Истибѣ; тутъ же выдѣлывается и разныхъ сортовъ сафьянъ, тоже въ Ямболѣ, Визѣ, Сливнѣ и т. п. Вообще должно замѣтить, что обуви, необходимой для солдата, здѣсь въ достаточномъ количествѣ имѣть трудно и даже своевременно невозможно. Въ Ускюбѣ и Монастырѣ шьютъ въ большомъ количествѣ обувь, отправляемую почти во всю

мѣръ: въ Филиппополѣ, въ Сересѣ, выдѣлываются разныя шелковыя матеріи; въ Софіи, разныхъ сортовъ мериносы; набойки разныхъ сортовъ на кисѣ, органзинъ и шелковыхъ тканяхъ въ Филиппополѣ, Андрианополѣ, Сересѣ, Меленикѣ и т. и. Хлопчатая бумага (памбуку), произрастающая въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно въ южныхъ поселеніяхъ Болгарь, въ долинахъ Сереса, въ Джесеръ, Мустафа-Паша, въ Демотникѣ, она даже и около Андрианополя обрабатывается Болгарами и готовится для издѣлій на фабрикахъ. Разведеніе шелковыхъ червей въ Тырновѣ и многихъ другихъ мѣстахъ Болгаріи въ большомъ количествѣ. Красильни въ красный цвѣтъ славятся въ Тырновѣ, а на югъ въ Истибѣ; но для всѣхъ вообще красокъ во всей Европейской Турціи въ Ихтимамѣ и Софіи, причину тому приписываютъ качеству воды источниковъ идущихъ изъ Балкана. Ярмарки (панишръ) гдѣ производится главная мѣна и продажа Болгарскихъ продуктовъ и издѣлій; въ Узунджаваѣ, куда стекаются до 100 т. человекъ, останавливающихся лагеремъ; въ Сливнѣ; въ Эс-санджумаѣ; въ Прилипѣ и другихъ мѣстахъ.

Турцію, но она болѣе восточная, подобно камѣ платье разнаго рода изготовляется въ Сливнѣ и Башкюй. Гончарные заводы почти во всѣхъ городахъ; Мидія снабжаетъ оными Константинополь; отсюда же въ большемъ количествѣ отправляется и уголь, въ которомъ за Балканами не встрѣтится недостатка; горы Эгри-Паланки и Риго снабжаютъ всѣ окрестныя мѣста, составляя промыселъ округа.

17. Желѣзо и свинець.

Лучшее желѣзо Европейской Турціи находится въ Нагорной Болгаріи при городѣ Самаковѣ; рудники эти извѣстны въ самой отдаленной древности. Все желѣзо отправляется въ Константинополь, который только отсюда и получаетъ оное для производства своихъ казенныхъ работъ. Желѣзо это славится своею мягкостію и не уступаетъ качествомъ ни одному изъ извѣстныхъ; оно отправляется въ изготовленныхъ полосахъ, а изъ чугуна готовится ежегодно большее число ядеръ. Въ недалекомъ разстояніи отъ Киркъ-класи, по направленію къ Черному морю, на пространствѣ именуемомъ Буджакъ, есть селенія Тырново и Самаково, вблизи коихъ вырабатывается также желѣзо, но оно уступаетъ добротой первому. Въ Этропольскомъ Балканѣ, на сѣверѣ отъ Ловча, въ Кратовѣ, въ Самаковѣ и другихъ мѣстахъ менѣе значительныя. Въ Каратовѣ, 6 верстѣ къ югу, вырабатывается свинець серебрястый; изъ 400 окъ извлекается 200 окъ свинцу и 700 драхмъ серебра; но производство работъ въ самомъ невѣжественномъ состояніи.*

18. К а м н и.

Изъ числа различныхъ родовъ камней, встрѣчающихся въ горахъ Болгаріи, замѣчу только оточильныхъ брускахъ. Лучшие изъ нихъ, необыкновенной величины, выдѣлываются Болгарами въ городѣ Казанѣ, или по Болгарски Котлѣ. Вся Турція продовольствуется оными, а Константинополь, независимо для собственнаго своего употребленія, ведетъ оными значительный торгъ и внѣ границъ своихъ. Равно въ разныхъ мѣстахъ приготовляются большого размѣра жернова, идущіе преимущественно за границу.

* О другихъ металлахъ я не упоминаю, ограничиваюсь только теми предметами, въ которыхъ армія можетъ встрѣчать надобность.

19. Оружіе и порохъ.

Выработка оружія распространена между Болгарами, и лучшіе изъ нихъ мастера находятся въ Сливнѣ, въ Габровѣ, въ Джумѣ, Разградѣ, Кюстендилѣ, Эгри-Паланкѣ, Эгри-Бучакѣ. * Сливно славится въ особенности выдѣлкою пистолетныхъ стволовъ, которые за пару цѣною иногда достигаютъ до 300 руб. сер., но есть и въ 10 р. с. Тутъ дѣлается и порохъ въ нѣкоторомъ количествѣ. Въ Габровѣ славятся штуцера, именуемые шешене, которыми исключительно жители Дели-Ормана вооружены. Здѣсь приготавливаются отличной доброты и сабли. Въ Шумлѣ также дѣлаются стволы, но они не могутъ равняться въ добротѣ съ вышепомянутыми. Въ Видинѣ и Софіи выдѣлываются лучшіе ятаганы. До 1821 года Болгаре имѣли сами въ большихъ размѣрахъ оружейныя фабрики, но этотъ годъ гетерія былъ поводомъ запрещенія и Болгарскіе мастера занимаются уже какъ бы частно у содержателей таковыхъ фабрикъ Турковъ. Вообще и прежде въ большихъ размѣрахъ и нынѣ въ частности Болгаре приготавливали только стволы, а принадлежность, какъ то: ложи, курки и пр. дѣлались Турками. Тоже и насѣчки золотомъ и серебромъ Болгаре не имѣли права дѣлать; но какъ тогда такъ и нынѣ это не мѣшаетъ Болгарамъ дѣлать и то и другое, не только скрытнымъ образомъ, но и по ходатайству съ частнаго разрѣшенія Турокъ, которые за извѣстную плату не затрудняются дозволять это.

* Въ сосѣднемъ съ Болгаріею Призрѣнѣ, множество Болгарскихъ оружейныхъ мастеровъ; ружейные стволы, тамъ выдѣлываемые, славятся; нигдѣ не дѣлаютъ лучшихъ насѣчекъ золотомъ и серебромъ, придавая къ тому и другія украшенія. Призрѣнъ ведетъ значительный торгъ оружіемъ, и базаръ онаго занимаетъ цѣлую часть города.

ПУТИ ВЪ БОЛГАРИИ,

ЗАМЪЧАНІЯ НА ЭТАПЫ, ГОСПИТАЛИ И ТРАНСПОРТЫ.

1. П у т и.

Не смотря на поверхность Нагорной Болгаріи, по которой направляются многія отрасли главныхъ хребтовъ Балкана, она не представляетъ сообщеніямъ такихъ физическихъ преградъ, которыя бы требовали большихъ усилій для проложенія колесныхъ путей. Въ этихъ гористыхъ мѣстахъ едва ли есть много пространствъ, лишенныхъ взаимныхъ сообщеній посредствомъ повозокъ, разумѣется, приспособленныхъ какъ своимъ устройствомъ, такъ и упряжью къ физическимъ условіямъ мѣстности. Если же мы будемъ имѣть за себя воинственныхъ жителей края, тогда мѣста, которыя могли бы представлять своею защитою преграду, существовать не будутъ.*

Достойно вниманія общее вкоренившееся понятіе объ этой странѣ людей, не достаточно ее изучавшихъ, или даже вовсе не посѣщавшихъ, что будто бы она не проходима и именно по своему физическому свойству! Нельзя не удивляться этому безусловному приговору! Стоитъ только взглянуть въ исторію сихъ мѣстъ, хотя бы только со времени Римлянъ и Восточныхъ Императоровъ, чтобъ увидѣть: какимъ образомъ многочисленныя арміи, со всѣми военными тягостями, двигались тутъ по всѣмъ направленіямъ. Войны Османлиевъ при покореніи Албаніи, Босніи, Сербіи, обѣихъ Болгарій, а въ послѣдствіи съ Венграми и Австрією еще болѣе доказываютъ, и до-

* Турецкія отдѣльныя части, которыя бы могли остановиться въ тѣснинахъ и защищать ихъ, не осмѣлятся сдѣлать того, если Болгарскіе Гайдюки ополчатся.

казательства эти продолжаютя нѣсколько вѣковъ, указывая, что въ мѣстахъ сихъ нѣтъ тѣхъ воображаемыхъ мѣстныхъ преградъ, въ которыхъ многіе безсознательно убѣждены.

Быстрыя движенія Болгарскихъ Царей: Крума, Симеона и другихъ; Сербскихъ-Неманей, Стефана-Душана, Князя Лазаря и проч.; Боснійскихъ-Твардко, Оомы, наконецъ Венгерскихъ Королей и полководцевъ ихъ Гуніада и другихъ, какъ равно Оттоманскихъ Султановъ: Муссы, Мурада II, Магомеда II, Баязида, Салимана и предводителейъ ихъ, то конечно должно удивляться нынѣ, съ какою быстротою, въ особенности Турки, часто въ одну кампанію подвигали многосильныя арміи свои, отягченныя не только обозами, военными машинами, артиллеріею, снарядами, повозками для больныхъ, но и всѣми предметами и матеріалами, необходимыми къ отлитію орудій самого большаго калибра, въ лагеряхъ своихъ и, такъ сказать, какъ бы переносились изъ Скорды въ Боснію, изъ Призрѣна въ Пристину, изъ Софіи и Ниша въ Видинь, изъ Придунайскихъ Княжествъ, чрезъ Карпаты, въ Трансильванію, изъ Сербіи къ берегамъ Адриатическаго моря; изъ Морек и Галоніяа во все мѣста Болгаріи и проч. Словомъ, по всѣмъ направленіямъ арміи двигались, иногда зимою, такъ какъ бы это можно было дѣлать въ странѣ изрѣзанной проложенными и удобно устроенными дорогами. Впослѣдствіи, Австрійцы, подъ предводительствомъ Маркграфа Баденскаго въ 1689 году, проникали въ страну сію до Ускюба, Команова и Эгри-Паланки. Не говоря уже о главномъ пути ихъ на Софію, укажу только на дѣйствія Принца Евгенія и другихъ Австрійскихъ полководцевъ въ Сербіи и Босніи. Да и въ наше время не видимъ ли Турокъ проникающими по всѣмъ направленіямъ съ арміями своими, для укрощенія Албанцевъ, Босняковъ и противу Черногоріи? Все это служитъ доказательствомъ, что въ тѣхъ странахъ пути не представляютъ физической преграды, которой бы невозможно было преодолѣть съ малымъ искусствомъ и съ необыкновенною смѣлливостію, въ подобныхъ случаяхъ нашего солдата подъ предводительствомъ искусныхъ вождей. Наконецъ, 1829 годъ показалъ, какъ неосновательно пугали насъ Балканами, и какъ мало до того они были намъ извѣстны.

Несомнѣнно, что все вышеозначенныя пути, до появленія здѣсь Турковъ, были болѣе удобны. Запущеніе тутъ сообщеній началось съ времени окончательнаго покоренія сихъ областей Османлими, весьма мало, впослѣдствіи, обрашавшими вниманія на ширину до-

рогъ и ихъ исправность, что происходило какъ отъ того, что образъ ихъ управленія не могъ способствовать къ поддержанію оныхъ, такъ и отъ того, что они предпочитаютъ вообще верховую вѣду.* Къ этому должно еще присовокупить и то, что самыя области не находили пользы въ исправномъ содержаніи сообщений, потому что торговля и промышленность ихъ мало того требовали, а между тѣмъ затрудненіе путей казалось имъ благопріятствующимъ, ибо, будучи въ частой борьбѣ съ мѣстными Турками, они находились въ большой безопасности отъ набѣговъ малыхъ частей, противъ которыхъ достаточно бывало нѣсколькихъ гайдуковъ, чтобъ заставлять Турковъ отказываться отъ своихъ частныхъ покушеній.** Сербія въ девятилѣтнюю борьбу свою съ Турками много обязана была состоянію своихъ дорогъ.*** Это можно сказать и о Греціи, а также объ Албаніи и Босніи. Последнія двѣ области до сихъ поръ продолжаютъ вести борьбу съ своимъ Правительствомъ. Пусть очистятъ тамъ дороги, разрушатъ тѣснины, искоренятъ на нѣкоторое пространство отъ оныхъ лѣсъ, и устроятъ мосты, тогда Турецкимъ арміямъ легче будетъ проникать въ эти области и занимать тѣ пункты которые могутъ укрощать возстанія. Но теперь каждая тѣснина, каждая переправа черезъ рѣки и рѣчки оспаривается и подвергается растянутое войско нападеніямъ на тылъ, фланги, обозы и т. п. Только одна подобная преграда можетъ останавливать движеніе арміи, а не преграда физическая.

Я вошелъ въ разсмотрѣніе этого обстоятельства, можетъ быть болѣе, чѣмъ бы слѣдовало, но я имѣлъ цѣлю показать, что Нагорная Болгарія не вообще непреодолима относительно сообщений, и что ее нужно только тщательно изучить съ этой точки.

2. Э т а п ы .

Въ случаѣ движенія нашихъ войскъ на правый берегъ Дуная, необходимо обратить особенное вниманіе на учрежденіе этаповъ по военнымъ путямъ, ибо въ противномъ случаѣ, если они учредятся по картѣ, результатъ несомнѣнно будетъ стоить же гибеленъ

* См. гл. VIII. Сербія.

** См. гл. VIII. Болгарія.

*** См. гл. VIII. Сербія.

для транспортовъ какъ-то было въ 1828 и 1829 годахъ. Карта указываетъ направление отъ одного пункта до другаго, но частное распределение этаповъ, между этими двумя главными пунктами, можетъ быть допущено только на основаніи тщательнаго изученія мѣстности и ея условій. Здѣсь опредѣлительность: учредить этапы каждыя 15 или 20 верстъ никакъ не можетъ имѣть мѣста.*

3. Госпиталя.

Тоже самое можно сказать и о госпиталяхъ, предметѣ, по множеству отношеній, чрезвычайно важномъ въ Болгаріи. Война 1828—1829 годовъ достаточно указала на все значеніе этого предмета.

Здѣсь излишне говорить, что подобное распоряженіе по картѣ можетъ назначить госпитали въ такихъ мѣстахъ, гдѣ кромѣ одной или двухъ землянокъ другихъ строеній съ давняго времени уже нѣтъ. Между тѣмъ, по отдаваемымъ приказамъ, войска могутъ отправить больныхъ въ такъ открытые госпитали.**

4. Транспорты.

Относительно слѣдованія за арміею транспортовъ съ снарядами, продовольствіемъ и т. п., а равно и подвижныхъ госпиталей, то порядокъ, существовавшій въ 1828 и 1829 годахъ, долженъ быть совершенно измѣненъ, ибо сохраненіе онаго въ томъ самомъ видѣ будетъ имѣть тѣ же послѣдствія. Каждый край имѣетъ свои условія, а усиліе покорить ихъ теоріи будетъ пагубно. Въ Турецкихъ войнахъ нельзя дѣйствовать и принигать разныя административныя мѣры такъ какъ въ войнахъ съ другими Европейскими государствами; условія эти уже совсѣмъ не тѣ и въ войнѣ съ Швеціею, которая

* Въ 1829 году, въ Генварѣ 21, Генералъ-Адъютантъ Графъ Киселевъ письмомъ ко мнѣ, за № 101, возложилъ на меня составить правила для конвоирования транспортовъ. Исполнивъ это, я представилъ оныя заступившему мѣсто Начальника Главнаго Штаба арміи, Графу Толю 6-го Февраля. Правила эти частію были введены въ 1829 году. Въ примѣчаніяхъ моихъ на каждый пунктъ этихъ правилъ говорится подробно объ этапахъ.

** Но можетъ случиться еще и болѣе. Полки въ своихъ отчетахъ будутъ показывать людей отравленными въ такой госпиталь, котораго Коммисаріатское вѣдомство и въ виду не имѣло и котораго по окончаніи войны не отыщутъ.

въ этомъ отношеніи отличается отъ войнъ съ Западными Государствами. * То, что можетъ быть полезно въ одномъ краѣ, въ другомъ напротивъ будетъ губительно.

На пространствахъ Болгаріи, а если будетъ нужно, то и въ Придунайскихъ Княжествахъ, полезнѣе было бы распредѣлить подводы подвижныхъ магазиновъ, долженствующихъ слѣдовать за арміею, постоянными станціями. Выгоды отъ сего произойти могутъ не исчислимы: и только одинъ этотъ способъ можетъ еще нѣсколько сохранить нашихъ воловъ въ Болгаріи и вообще за Прутомъ. **

При введеніи этой системы транспортировки, волы подвижныхъ госпиталей, дѣлаясь уже бесполезными, могутъ усилить средства къ подвозамъ, посредствомъ постоянныхъ станцій. Впрочемъ система эта привлечетъ къ добровольному участию всѣхъ окрестныхъ жителей не только Придунайскихъ Княжествъ, но несомнѣнно и въ Болгаріи, если по принятымъ мѣрамъ, они останутся въ своихъ владѣніяхъ. ***

* Предметъ этотъ пространно разсмотрѣнъ въ брошюрѣ моей: «Нѣкоторыя замѣчанія по поводу двухъ сочиненій, вышедшихъ подъ заглавіемъ: Малая война С.-П.-Б. 1851 года.»

** Полномочный Предсѣдатель Дивановъ обоихъ Княжествъ Генералъ-Лейтенантъ Желтухинъ, разговаривая со мною о затрудненіяхъ транспортировокъ по случаю удаленія жителей надольныхъ частей Молдавіи и Валахіи, пожелалъ имѣть въ подробномъ развитіи изложенную мною объ этомъ мысль. Я составилъ по этому случаю записку. Но какъ онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи подвижныхъ магазиновъ, то основаніе этой транспортировки дѣлалось сложнѣе, но не менѣе того онъ имѣлъ случай испытать всю пользу отъ этого происшедшую. Въ настоящее же время, когда (какъ надо полагать), жители не оставили своихъ жилищъ и конечно будутъ опять изъ Россіи подводы для подвижныхъ магазиновъ, исполненіе сего не представитъ большаго затрудненія.

*** Я полагаю, что такія постоянныя станціи принесли бы большую пользу и въ Россіи (если ввести ее подобно съ условіями каждой Губерніи), устроивъ ихъ отъ главныхъ мѣстъ занасовъ владѣть за арміею, чрезъ что конечно сохранились бы огромныя суммы, которыя часто, за транспортировку, на недалекое разстояніе, провіанта и т. п. восходятъ до немовѣрныхъ цифръ, не принося никакой пользы краю. Но введеніе этой системы конечно встрѣтитъ большую и часто сильную оппозицію со стороны подрядчиковъ.

НАСТОЯЩЕЕ СОСТОЯНІЕ ТУРЕЦКОЙ АРМІИ

■

ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ВЫСАДКА СОЮЗНЫХЪ ВОЙСКЪ, СЪ НѢКОТОРЫМИ ПРИМѢЧАНИЯМИ.

Всѣ источники, говорящіе о настоящемъ состояніи Турецкихъ регулярныхъ и иррегулярныхъ силъ, не согласны между собою, не смотря на то, что дѣлаютъ самыя подробныя исчисленія состава оныхъ, указывая даже на округа, изъ которыхъ каждая часть Турецкой арміи набирается; согласуются только въ матеріальномъ и административномъ раздѣленіи арміи, на дѣйствующую (низаміе); на регулярную резервную (редифъ); на вспомогательную и на иррегулярную или ополченіе, известное прежде подъ общимъ названіемъ неферамъ-аскеръ.

Излишне здѣсь указывать на составныя части этихъ армій, я ограничусь только замѣчаніемъ разногласія, встрѣчаемаго въ опредѣленіи численности оныхъ, такъ наприм. Убичини * и Скенъ ** съ подробностію описываютъ составъ Турецкихъ военныхъ силъ, а оба въ одно и то же время представляютъ чрезвычайную разницу въ цифрахъ. Первый, исчисляя съ тщательностію всѣ корпуса и подки, даетъ регулярной арміи дѣйствующей 138, 680 человекъ, резервной столько же, т. е. 138, 680, что составляетъ регулярныхъ войскъ, всѣхъ родовъ. 277,360; вспомогательныхъ изъ Египта, Туниса и т. п. 110,600 чел., наконецъ иррегулярныхъ, волонтеровъ и т. д. 61,500 чел., а всего 448,860 человекъ. Другой, вѣдаю-

* Lettres sur la Turquie. Par M. A. Ubicini, Paris. 1851.

** Les trois epoques de L'Hist. Ottomane.

щійся въ такія же подробности исчисленія, увеличиваетъ цифру одной регулярной арміи до 480,000 человекъ. Присоединяя же вспомогательныя и иррегулярныя, возводитъ силу Турецкихъ армій до 664,000 человекъ, цифра, которая, по его мнѣнію, можетъ быть выставлена Турціею во время войны, не считая особенныхъ ополченій, которыя, по его мнѣнію, она можетъ еще легче и скорѣй, чѣмъ всё другія Государства, вызвать на свою защиту.

Численность, даваемая Турецкимъ силамъ этими двумя, и другими имъ подобными, Туркофилами, основывающими свои показанія на произвольныхъ, не обдуманыхъ и вовсе безъ основанія, выводахъ, можетъ быть правильна, если разумѣть здѣсь предположеніе Порты; между тѣмъ,—что предполагается и тѣмъ что бываетъ на дѣлѣ, столько же разницы, сколько между цифрами Убичини и Скена. Самое Мусульманское народонаселеніе Государства, ими же самими довольно правильно исчисляемое, доказываетъ невозможность этой; полумилліонной, цифры регулярной ихъ арміи. Въ Европейской Турціи считается только 3,800,000 Мусульманъ; въ Азіатской 12,980,000, да въ Африканскихъ владѣніяхъ Порты 3,800,000, что составитъ всего подвластныхъ Портѣ Магометанъ (изъ коихъ исключительно оставляется Турецкая регулярная армія) 20,500,000. Слѣдовательно, предположивъ полное единодушіе между этими Магометанами, трехъ частей свѣта, то и въ такомъ случаѣ цифра 480,000 будетъ уже нелѣпая, ибо она требуетъ рекрута, только въ одну регулярную армію, изъ 42 человекъ!

Но здѣсь должно обратить еще вниманіе на слѣдующее:

1. Что въ числѣ этихъ 20,550,000 только 11,800,000 Османліевъ, которые если и не всё совершенно покорны Султану, то по крайней мѣрѣ болѣе другихъ Магометанскихъ племенъ, ему послушны.

2. Затѣмъ остальные около 8,750,000 Магометанъ составлены изъ 2,700,000 Славянъ, принявшихъ ислаимъ, и 6,050,000 Магометанъ разныхъ Турецкихъ племенъ Азіи и Африки, болѣе или менѣе враждебныхъ Османліямъ и не всегда безусловно подчиняющихся распоряженіямъ Султана.

3. Что въ Европейской Турціи изъ числа 3,800,000 Магометанскаго исповѣданія, считается Османліевъ только 1,100,000, а остальные 2,700,000 Славянъ, принявшихъ Магометанство, преимущественно Босняковъ, Албанцевъ, не много Грековъ, а еще менѣе Болгарь.

4. Что не только эти Славяне Магометане всегда составляли и понынѣ составляютъ, и всегда почти съ оружіемъ въ рукахъ, оппози-

цію всѣмъ распоряженіямъ Порты, но и самыя Европейскіе Османліи не всегда безпрекословно ей покорствуютъ. Примѣровъ сему приводить не нужно.

Нельзя не замѣтить здѣсь еще и то, что собственно эти-то Европейскіе Магометане, т. е. 1,100,000 Османліевъ и 2,700,000 Славянскаго происхожденія и оставляютъ главную основу силы Турціи въ войнѣ, когда она переносится въ пространства, ими занимаемыя, по тому уже одному, что они одни свычны съ климатомъ, часто чрезвычайно суровымъ, между тѣмъ какъ переводимые, на это поприще, изъ Азіи и въ особенности изъ Африки, не долго могутъ переносить климатъ и несвычныя имъ условія мѣстности. Лошади же ихъ еще менѣе переносятъ оный. За тѣмъ замѣтимъ еще, что Боснія и Албанія, включающія въ себѣ до 2,400,000 Магометанъ Славянскаго происхожденія, находятся въ непрерывной оюзіи, и какъ мы видѣли въ войнѣ 1828 и 1829 годовъ, въ продолженіе которой они не принимали никакого участія, въ особенности Босняки, не выходяще на войну по найму, подобно Албанцамъ, но и эти послѣдніе, являвшіеся въ маломъ числѣ (около 6 т. чел.) подъ Шумлу, Варну и Видинъ, были преимущественно Мирдиты, т. е. Албанцы-католики. Слѣдовательно остаются почти одни только Османліи, числомъ 1,100,000, изъ которыхъ должно еще исключить многочисленный классъ Улемовъ, Дервишей, Рыджаловъ и другихъ возвышенныхъ классовъ и чиновниковъ, исключить Тимариотовъ, Займовъ, Беговъ, которые по закону хотя и должны участвовать въ войнѣ, вѣдая каждый известное число за собою; но законъ этотъ, съ тѣхъ поръ какъ Султаны перестали лично предводительствовать арміями, пришелъ въ упадокъ и постепенно изглаживается. Довольствіе, въ которомъ живутъ они въ своихъ чифликахъ, въ настоящее время не вызоветъ ихъ къ единодушному содѣйствію. И такъ, что же остается? Какая масса представляется къ набору рекрутъ для регулярныхъ войскъ?

Все это, по видимому, не было принято въ соображеніе помннутыми Туркофилами, ибо въ противномъ случаѣ они бы крайне затруднились возвести цифру даваемую ими Турецкой регулярной арміи до той, которую опредѣляютъ.

Онѣ не взяли также въ соображеніе, что Магометане далеко еще не сочувствуютъ введенной регулярной системѣ въ Турецкихъ войскахъ, во первыхъ потому, что они въ главѣ ея видятъ глауровъ и ренегатовъ, а во вторыхъ, что и самое обмундированіе нидзама

кажется ему не только тягостнымъ, но и совершенно противнымъ исламу. При введеніи регулярной системы въ войскахъ, Босняки первые оказали упорство, продолжающееся у нихъ и у Албанцевъ до сихъ поръ. Увидѣвъ Европейскую обмундировку, въ которой перевязь и португеза, переброшенные черезъ плечи, перекрещивающимися крестообразно на груди и на спинѣ, они вскричали: «какъ! насъ хотять такимъ образомъ керстити (крестить), на что же намъ Султанъ? Царь Московскій или Кесарь Вѣнскій, будутъ лучшими для насъ крестными отцами, чѣмъ сынъ Османа.» Этотъ выводъ Босняковъ поразилъ умы всѣхъ Магометанъ и въ ихъ глазахъ нынѣ Турокъ, Швабо и Московъ въ этомъ отношеніи почти равны между собою. Если мы теперь встрѣчаемъ покорность къ новой системѣ въ нѣкоторыхъ возвышенныхъ Туркахъ, то покорность эта основывается единственно на коренной пословицѣ Турковъ: надо цѣловать ту руку, которую нельзя еще отрубить, * но всѣ они преданы старому порядку.

Частные случаи, въ которыхъ регулярство Турецкихъ армій имѣло успѣхъ при самомъ, такъ сказать, рожденіи своемъ не есть для Магометанъ довольно сильное убѣжденіе, чтобъ получить силу восторжествовать надъ фанатизмомъ массы и обуздать враждебное оной своевольство, не подчиняющееся необходимымъ условіямъ дисциплины, безъ которой регулярныя войска ничтожны. Первоначально у нихъ существовавшія иррегулярныя массы, болѣе или менѣе, имѣли свой порядокъ въ общихъ дѣйствіяхъ, но не стѣсняли личныхъ порывовъ, легко воспламеняющихся мусульманскихъ головъ; введеніе регулярства видимо изглаживаетъ у нихъ молодечество, наѣздничество, которымъ во всѣ предшествовавшія войны Турки часто приводили въ изумленіе.

Притомъ же, независимо и этихъ мнимыхъ частныхъ успѣховъ, которыми преобразователи хотять убѣдить Мусульманъ въ преимуществѣ регулярнаго строя, эти послѣдніе видятъ и чувствуютъ, что общій исходъ войнъ ихъ, послѣ введенія регулярныхъ войскъ, былъ для нихъ болѣе, чѣмъ когда либо, пагубнымъ. Такъ на примѣръ война Греческая, войны съ Мехметъ Али, Пашею Египетскимъ; укрощеніе возстаній въ Босніи и Албаніи, гдѣ

* Въ этомъ случаѣ можно примѣнить сказанное объ одномъ лицѣ однимъ изъ нашихъ остроумныхъ людей, что онъ и Маратъ и Герцогъ д'Альба видѣлъ.

регулярныя подки истреблялись нѣсколькими сотнями Ускоковъ и Арнаутовъ, и гдѣ Решидъ Паша въ этихъ (конечно временныхъ только) усѣхахъ своихъ, въ особенности въ Албаніи, обязанъ былъ иррегулярнымъ войскамъ, а еще болѣе золоту и въ особенности ужаснымъ предательствамъ. Тоже должно сказать и объ укрощеніи частныхъ мѣстныхъ возстаній нѣкоторыхъ округовъ западной Болгаріи съ 1834 по 1841 годъ. Въ этихъ случаяхъ высылаемая регулярная войска изъ Видина, Софіи и другихъ мѣстъ оказывались недостаточными и были разбиваемы нѣсколькими Болгарскими гайдуками. Тогда прибѣгали къ наемнымъ Албанцамъ, и дѣла принимали другой оборотъ. Наконецъ, что сдѣлалъ пресловутый Омеръ-Паша, въ прошедшемъ году, съ своею регулярною арміею въ Черногоріи? Если что и было сдѣлано, то онъ обязанъ былъ въ томъ иррегулярнымъ Албанцамъ-католикамъ (Мирдитамъ); регулярные же баталіоны его были въ самомъ жалкомъ состояніи и не дойдя до непріятели всѣ разстроились и больше чѣмъ на половину погибли.

Нельзя отвергать, чтобъ Турецкія войска не были храбры, въ особенности при приближеніи явной опасности, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и не замѣтить, что введенная регулярность не упрочила еще между ними той дисциплины и повиновенія, которыя одни составляютъ условія прочности фронта, и если, можетъ быть, нынѣ они и достигли (впрочемъ въ чемъ я сомнѣваюсь) нѣсколько до искусства удерживать ряды подъ ядрами, за то личное удалество, отвага, нестыснливая прежде регулярностію, явно у нихъ ослабѣла и, по моему убѣжденію, въ настоящее время главная сила Турецкихъ армій будетъ состоять не столько въ регулярной ея арміи, сколько въ ополченіи на прежнемъ основаніи, въ особенности если Порта успѣетъ подвигнуть къ прямому участію въ этой войнѣ Босняковъ, и будетъ имѣть средства нанять Албанцевъ.

Обращусь къ Туркофиламъ. Эти ревнителіи исламизма, проповѣдая устройство и силу Турецкихъ армій, основываютъ всѣ свои выводы на бумагѣ, не принимая въ соображеніе ни народонаселенія, изъ котораго набирается регулярное войско, ни отношенія различныхъ областей къ Правительству и взаимныхъ между собою, ни политической связи, не только различныхъ племенъ, но и самыхъ Магометанъ между собою, словомъ, ихъ главная цѣль состоитъ только въ томъ, чтобы выставить неистощимыя, будто бы, матеріальныя средства блистательной Порты и тѣмъ обаять враговъ Россіи и подвигнуть ихъ къ содѣйствію этимъ мнимымъ средствамъ; но довольно объ этомъ, представимъ положительныя данныя.

Предъ открытіемъ войны 1828 — 1829 годовъ, по ближайшему распоряженію бывшаго Начальника Штаба 2-й арміи, нынѣ Генераль-Адъютанта Графа Киселева, мы получили возможность посредствомъ прочно образованной Высшей тайной заграничной полиціи, приспособленной къ условіямъ края, гдѣ она должна была дѣйствовать (независимо испытанныхъ агентовъ всѣхъ рязрядовъ), получать не только что подробнѣйшія свѣдѣнія о характерахъ и свойствахъ лицъ, какъ въ дѣйствующей арміи, такъ и въ крѣпостяхъ, но и приобретать изъ самыхъ источниковъ, какъ то изъ фирмановъ и другихъ распоряженій Порты, цифры предполагаемаго сбора въ разныхъ мѣстахъ войскъ для предстоящей войны, которая въ воззваніяхъ Султана названа также религіозною!

Изъ этихъ положительныхъ данныхъ видно было, что самыя строжайшія приказанія Султана были отданы для набора и сосредоточенія войскъ на разныхъ пунктахъ и войска эти должны были, неотмѣнно, въ началѣ Марта быть на сѣверной сторонѣ Балкана, а въ половинѣ Апрѣля неотложно занять назначенные пункты. Такъ напрям. главная дѣйствующая армія, въ Шумла*, должна была состоять изъ 120 т. чел.* подъ начальствомъ Гуссейнъ-Аги-Паши, въ это число назначалось 40 т. регулярныхъ войскъ подъ начальствомъ Галиль-Паши. Правый флангъ, подъ начальствомъ Ибрагимъ-Паши, долженъ былъ состоять изъ 60 т. человекъ, въ числѣ которыхъ 10 т. регулярныхъ. Армія эта должна была собраться въ Бабадагъ и окрестностяхъ. Лѣвый флангъ въ окрестностяхъ Видина, подъ начальствомъ Мехметъ-Паши, долженъ былъ состоять изъ 30 т. чел. съ частію регулярныхъ войскъ. Летучій отрядъ, подъ начальствомъ Кучукъ Ахметъ-Паши, долженъ былъ быть составленъ изъ 12 т. отборныхъ всадниковъ, которые, по первому извѣстію о переходѣ нашемъ чрезъ Прутъ, обязаны сдѣлать набѣгъ на Букарестъ. **

Цифра этой дѣйствующей арміи, такимъ образомъ, заключалась въ 222 т. чел.

Независимо этой арміи, гарнизоны Дунайскихъ крѣпостей, подъ

* Я умалчиваю, для краткости, о росписаніи, изъ какихъ именно областей каждая изъ арміи должна была быть составлена.

** Но наши уланы, совершивъ отъ Прута до Букареста пространство вчетверо больше, успѣли предупредить позитивскія распоряженія Турокъ.

Несомнѣнно, что эта цифра обозначалась Махмудомъ изображаясь съ аналами Мурада I, Магомета II и Салимана, но тѣ времена прошли вмѣстѣ съ воинственною и религіозно-фанатическою энергіею народа и съ Султанами завоевателями, прельщавшими войска свои богатой добычей въ странахъ, въ которыя они переносили свое оружіе. Уже болѣе вѣка, какъ Турки ведутъ войну въ своихъ границахъ, а это перестало и прельщать поклонниковъ Магомета, подобно тому, какъ Франгузы стремясь за Наполеономъ въ Италію, Германію, Голландію, Испанію, Португалію и Россію, съ жаждою добычи оказывали, можно сказать, чудеса храбрости, но едва театръ войны былъ перенесенъ въ ихъ отечество, какъ энергія и всѣ качества воина въ нихъ исчезли, и онъ два раза былъ ими оставленъ и преданъ. Обращаюсь къ предмету.

Грозное, баснословное ополченіе Турціи, и предвѣщаемое Убийчи, Скеномъ, Следомъ и другими имъ подобными, едва ли болѣе основательно, какъ и приготовленія Мухмуда къ войнѣ 1828 года. Въ этомъ случаѣ, конечно, въ ихъ описаніяхъ царствуетъ тотъ же анахронизмъ, ибо тщательное изученіе, или лучше сказать безпристрастное изложеніе, не дозволило бы имъ почитать нынѣшнихъ Османіевъ тѣми же, каковыми они были при помянутыхъ старыхъ Султанахъ. Я замѣтилъ уже, что у Османіевъ нѣтъ прежнихъ двигателей, не тотъ духъ завоеваній, и уже съ давняго времени они ограничиваютъ всѣ воинскія свои дѣйствія одною запитою того, что у нихъ остается еще во власти, а наконецъ время болѣе или менѣе смягчило ихъ религіозный фанатизмъ, приучило къ наслажденіямъ спокойной домашней жизни, къ торговлѣ, которую прежде почитали они униженіемъ для правовѣрнаго Мусульманина, въ особенности Османлія, по ихъ тогдашнему мнѣнію рожденнаго только для оружія, которымъ должно пріобрѣтать богатство и довольствіе.

Въ настоящее время Турція конечно будетъ почитать себя счастливою, если въ Маѣ мѣсяцѣ она будетъ въ возможности имѣть подъ ружьемъ 80 т. регулярнаго войска, да столько же иррегулярнаго, но и то съ содѣйствіемъ Англичанъ, если эти наймутъ и будутъ исправно платить Албанцамъ. Не только въ Турціи, но и въ государствахъ благоустроенныхъ, когда въ оныя переносится театръ военныхъ дѣйствій, отсѣкается возможность къ правильнымъ рекрутскимъ наборамъ и другимъ необходимымъ повинностямъ. Въ Европейской же Турціи, * гдѣ $\frac{1}{2}$, христіанъ, затрудненія еще болѣе увеличиваются

* Здѣсь разумѣется правый берегъ Дуная за исключеніемъ Сербіи.

и увеличатся до неимоверной степени отъ безначалія, отсутствія дисциплины, недостатка правильнаго, а вѣроподобно, и необходимаго продовольствія, что все неминуемо произведетъ безпорядокъ, насилие, грабежь, побѣги и т. п.

Предрекаемая высадка вспомогательныхъ Французскихъ и Англійскихъ войскъ и учрежденіе лагеря при Адрианополѣ, не думаю, чтобъ принесли существенную пользу Туркамъ. Независимо того, что между тремя помянутыми народами никогда не можетъ существовать взаимнаго сочувствія по вѣрованіямъ религіознымъ, нравамъ, обычаямъ и преимущественно по самолюбію и самохвалству каждаго изъ нихъ; положительно можно сказать, что общій лагерь ихъ будетъ представлять изъ себя три части, тайно одна къ другой враждебныя и которыхъ политическій союзъ не будетъ въ силахъ укрощать. Одно распредѣленіе начальствъ будетъ уже достаточнымъ поводомъ къ множеству столкновеній и распрей, которыя могутъ довести и до матеріальныхъ столкновеній въ особенности Французовъ съ Англичанами. Но сверхъ того болѣзни скоро постигнуть этихъ иноземцевъ въ лагерѣ при слияніяхъ Марицы, Тунжи и Арды, а если къ тому образуется еще малая война посредствомъ гайдуковъ, что при знаніи мѣстныхъ условій не трудно породить, тогда несомнѣнно этотъ лагерь будетъ въ томъ же положеніи, какъ Наполеонъ подъ Москвою. Къ гайдукамъ присоединятся Клефты, а за ними послѣдуютъ и потомки Кирражадей-Турки, въ особенности Албанцы, а также и Боснійскіе Ускоды усилятъ шайки, и послѣдствія могутъ быть неожиданныя. Движеніе этихъ союзниковъ къ Балканамъ, если бы они отважились на то, будетъ съ каждымъ шагомъ увеличивать ихъ опасное положеніе. Достигнувъ береговъ Дуная, численность ихъ уменьшится въ неожиданной или стѣсненіи; количество умершихъ, заболѣвающихъ, остающихся безъ призора отъ непреодолимыхъ, для нихъ, условій мѣстности, потрясутъ въ основаніи бодрость духа, первое качество воина, въ остарѣвшихъ еще до времени здоровыми * Употребленіе ими воловьяго мяса, одир-

* Мы знаемъ это на опытѣ, преимущественно въ войну 1828 и 1829 года, гдѣ 2-я армія, расположенная на границахъ предстоящаго театра войны, болѣе или менѣе свѣдѣла съ кавказами и въ послѣднія 10 лѣтъ ея тамъ пребыванія — особеннымъ неуспѣшнымъ пощеніемъ бывшаго начальника штаба оной Г. А. Графа Киселева была подготовляема къ перенесенію условій предстоящаго театра войны, и результаты этой предусмотрительности извѣстны.

туозныхъ напитковъ и т. п. усилить гибель въ рядахъ Англичанъ и Французовъ. Малѣйшая же неудача въ полѣ, и принужденіе отступить, чтобъ достигнуть мѣстъ высадки, будетъ сопровождаться тѣмъ же, что и въ Россіи въ 1812 году. Баши-Бузухи, Дели-Паши, Албанцы, жители Дели-Ормана, грабящіе и своихъ среди самаго мира, а наконецъ Гайдуки, Клефты, и изъ самыхъ регулярныхъ Турецкихъ войскъ, образуются шайки, которыя не упустятъ случая воспользоваться добычей: тутъ будетъ играть важную роль релігіозный фанатизмъ, раздуваемый дервишами, всегда въ большомъ количествѣ гнѣздящимися около войскъ. Здѣсь можно еще замѣтить и то, что Французскія арміи, болѣе наступательныя, чѣмъ обратно, и каждое ихъ отступление сопутствуемо обстоятельствами, которымъ не подвергаются многія арміи, а Русскія никогда; въ нашихъ арміяхъ духъ и дисциплина никогда не ослабѣвають.

Конечно Французы и Англичане, постигнувъ это, можетъ быть для своей безопасности, укроются въ Константинополь подъ предлогомъ защиты и спасенія онаго. Но и это едва ли не ускоритъ только эпоху, почти подобнаго же событія, когда Графъ Балдуинъ Фландрскій, подъ видомъ успѣшнѣе дѣйствовать съ крестоносцами, для освобожденія Гроба Господня изъ — подъ владычества Магомета; отнялъ у христіанскаго государя Константинополь и водворился въ немъ. Нынѣ же, въ противоположность, или на выворотъ, Французы и Англичане явятся въ Константинополь уже не защитниками Христіанства, но поборниками Магомета; въ такомъ случаѣ очень легко можетъ быть и повтореніе участи Балдуина, разбитаго и взятаго въ битвѣ въ плѣнъ Болгарскимъ царемъ Іоанномъ Асеномъ, въ 1204 г. въ Габровскихъ ущеліяхъ, и преданнаго смерти въ Тырновѣ. Проявляющееся движенію Грековъ въ Эпирѣ и Фессаліи можетъ быть только тогда губительно для Турціи и ея союзниковъ, когда примутъ въ немъ участіе Болгаре, къ которымъ въ этомъ случаѣ присоединятся и живущія между ними нѣкоторыя другія Славянскія племена. Одни же Греки Эпира и Греки Фессаліи не опасны какъ сами собою, такъ и средствами, которыя легко могутъ ихъ успокоить, одинъ только Славянскій элементъ въ томъ драгъ имѣетъ знаніе и... должно сказать, что элементъ этотъ скорѣе соединится съ элементомъ турко-татарскимъ, чѣмъ съ Греческимъ. Вражда Славянъ Юго-Запада Европы съ Греками не примирима, она осьмью или девятью вѣками старше самаго появленія здѣсь Турковъ, но и при нихъ Греки не переставали угнетать Славянъ,

занимая у нихъ главные мѣста управленія духовнаго и свѣтскаго, какъ-то Господарей Придунайскихъ Княжествъ и разныхъ острововъ великихъ и другихъ драгомановъ при разныхъ министерствахъ, и сопровождая Турецкія арміи въ земли Славянскія исправляли должности шпионовъ, лазутчиковъ, примирителей, разумеется въ пользу блестящей Порты, которой всѣ они нижайшіе и преданнѣйшіе слуги. Предметъ, о которомъ есть многое, что нужно было бы сказать.

Другіе думаютъ, что если Англія можетъ дать сухопутное войско, то оно будетъ дѣйствовать отдѣльно отъ Французовъ, и именно когда эти послѣдніе сдѣлаютъ высадку въ Галлиполи, Константинополь, Эносъ или Салоникъ и направятся въ Андрианополь, чтобъ соединиться съ резервною Турецкою арміею, то Англичане, независимо азіатскаго берега Чернаго моря, высалятъ свое войско въ Нижней или Южной Албаніи, въ Эпиръ, имѣя точкою опоры Корфу. Въ этой Албаніи, конечно, имѣя деньги, они найдутъ тысячи Албанцевъ, готовыхъ пристать къ нимъ; но что же могутъ они сдѣлать оттуда противъ Русской арміи? Ровно ничего. Напротивъ, платя Албанцамъ исправнѣе, чѣмъ платила бы Порта, они отдалятъ только сихъ послѣднихъ отъ театра дѣйствій Русскихъ войскъ. Сверхъ того, какъ ненадежно Албанское войско, и какъ легко можно будетъ, посредствомъ нѣсколькихъ ловкихъ людей, внезапно направить оное противъ нанявшихъ ихъ, если только возбудится Славянскій элементъ, господствующій въ Албаніи, въ особенности нынѣ, когда тамошнее народонаселеніе начало уже колебаться! Въ такомъ случаѣ и самые Ионическіе острова не будутъ вѣрнымъ оплотомъ для Англичанъ, потому что острова эти, въ самомъ близкомъ разстояніи отъ береговъ этой части Албаніи, и давно начали сочувствовать мысли о своемъ освобожденіи. Да и самой флотъ, который перевезъ бы сюда десантъ, будетъ едва ли въ безопасности, если взять въ соображеніе безпримѣрную отважность, Акрокераунскихъ химаритовъ въ корсарствѣ, ихъ жадность къ добычѣ, употребляемые для зажиганія судовъ способы, на которые усовершенствованіе науки смотритъ нынѣ, такъ сказать, съ презрѣніемъ, а это то самое именно и будетъ содѣйствовать ихъ успѣху. Впрочемъ положительно можно сказать, что Албанцы, находящіяся при арміи на Дунаѣ, узнавъ о возстаніи въ ихъ отечествѣ, или о высадкѣ Англичанъ, поспѣшатъ воротиться на родину или въ массѣ, или по частямъ, и въ этомъ случаѣ весьма трудно и даже едва ли возможно будетъ

удержать ихъ въ составъ главной дѣйствующей арміи противъ насъ на правомъ берегу Дуная.

Наконецъ говорить еще, что часть Французовъ можетъ сдѣлать высадку въ Антивари близъ Скодры въ Верхней Албаніи, гдѣ они встрѣтятъ сочувствіе въ Мирдитахъ, или Албанцахъ—Католикахъ. Но и это не приведетъ къ тому, чтобъ нанести вредъ дѣйствию Русскихъ войскъ, ибо Французы не рѣшатся выйти за предѣлы Албаніи по мѣстамъ, чрезвычайно труднымъ, съ цѣлю приблизиться къ театру нашихъ дѣйствій и чрезъ то отдалиться отъ точки, которую изберутъ для высадки. Тѣмъ болѣе это опасно, что въ этой Сѣверной Албаніи Славянскій элементъ еще сильнѣе, и каково бы ни было расположеніе правительствъ Черногоріи и Сербіи, во всякомъ случаѣ, при первой вѣсти о семъ, изъ областей этихъ, добровольно, по собственной охотѣ, явятся тысячи отважныхъ Гайдукъ для наживы, сосѣдніе Болгарскіе Гайдуки не отстанутъ отъ нихъ, и тогда Французской колоніи, которая рѣшилась бы на подобное движеніе, будетъ угрожать неминуемая гибель. Временное владычество Нанолена въ Далмаціи еще памятно: горсть Черногорцевъ поставила преграду намѣреніямъ Французовъ пробраться въ Сербію. Но если бы Австрія открыто пристала къ другимъ Западнымъ Державамъ и рѣшилась бы привести въ исполненіе давнишніе свои замыслы на Верхнюю Албанію и заняла ее подъ видомъ, конечно, въ началѣ союза съ Портою, то непременно вспыхнетъ неугасаемая народная война противъ Австрійцевъ ненавидимыхъ въ этой странѣ, даже и Албанцами-Католиками. Албанцы всѣ вообще помнятъ и никогда не забудутъ вѣроломнаго поступка Австріи въ 1789 году съ ихъ Визиремъ, потомкомъ Кастриота, Махмудомъ Базаклію, который искалъ было объявить себя независимымъ, положась на обѣщанія Австріи, съ условіемъ принять Христіанство. Онъ собралъ въ Подгорицѣ всѣхъ Беговъ, присягнувъ на Св. Евангеліи и коранѣ—сражаться за независимость отчины. Венеціанскій вельможа Бернардь Кабога присланъ былъ отъ Императора поздравить Базаклію и торжественно вручилъ ему большой серебряный крестъ. Но Албанцы вскорѣ замѣтили вѣроломство Австрійцевъ; успѣли выпроводить отъ себя 2 т. ихъ войска, пришедшаго къ нимъ на помощь, и Базаклій, открывъ вскорѣ замыслы Австріи, обезглавилъ ея агента Броньяра со всѣми его сообщниками, а головы ихъ отправилъ въ Константинополь, что примирило его съ Султаномъ. Албанцы не хотѣли промѣнять Султана

на Австрійскаго Кейзера, ихъ цѣль была и есть понынѣ самобытная независимость, ибо въ сущности ими никто еще не владѣлъ! Влоба ихъ къ Австріи не имѣетъ предѣловъ.

По моему убѣжденію, всякое содѣйствіе Туркамъ, на сухомъ пути, Французами, Англичанами и Австрійцами, въ помянутыхъ мѣстахъ, едва ли не будетъ для насъ болѣе полезно, чѣмъ вредно. Да и высадка этихъ союзныхъ войскъ въ Бургазъ или Варну не можетъ принести большаго вреда нашимъ дѣйствіямъ, ибо, чтобы помѣшать онымъ, должно будетъ слишкомъ отдаляться отъ точекъ десанта, въ особенности изъ Варны, отъ которой путь до Шумлы еще сносемъ, но далѣе, къ западу, для Французовъ, которые естественно не будутъ въ возможности привезти съ собою достаточно конницы, едва ли возможенъ, независимо отъ многихъ другихъ отношеній. Изъ Бургаза будетъ имъ еще затруднительнѣе подвигаться на западъ, чтобы достигнуть нашей операционной линіи, ибо слѣдуя по сему направленію, также безъ конницы, они могутъ быть окружены Болгарскими гайдуками. *

Но если Французы будутъ дѣйствовать и отдѣльно отъ Англичанъ, для избѣжанія неминуемаго взаимнаго столкновенія, то они ни въ какомъ случаѣ не могутъ избѣгнуть совиѣстничества съ Турками. Конница этихъ послѣднихъ неотмѣнно должна будетъ войти въ составъ Французскаго корпуса, ибо, какъ замѣчено выше, Французы не могутъ привезти съ собою необходимое число оной, да если бы и привезли, то лошади ихъ не долго послужатъ имъ. Все, что въ этомъ случаѣ они могутъ сдѣлать, будетъ заключаться въ томъ, что привезутъ съ собою пѣшихъ кавалеристовъ съ сѣдлами, предполагая запастись лошадьми въ Болгаріи. Но пусть они рассчитываютъ на это, основываясь на описаніяхъ своихъ путешественниковъ!

Можно положительно сказать, что безъ этой помощи Турки дѣйствовали бы лучше, но съ появленіемъ оной дисциплина вовсе исчезнетъ въ Турецкомъ ополченіи, побѣги усилятся еще болѣе, нежели бываютъ обыкновенно, взаимныя отношенія начальниковъ, послужатъ къ раздорамъ, которые неотмѣнно отразятся на войскѣ. Турокъ скорѣй сойдется съ Русскимъ, чѣмъ съ Французомъ, не говоря уже объ Англичанахъ, а тѣмъ болѣе о Швабо, какъ они на-

* Возможность высадки въ Крыму, Одессѣ, или другихъ мѣстахъ Чернаго моря здѣсь не рассматривается.

зываютъ Австрийцевъ. Я убѣдился въ этомъ на опытъ (съ 1820 по 1830 годъ) преимущественно въ 1827, 1828 и 1829 годахъ. Лагерь Гункиартъ—Скелисси, въ 1833 году, и пребываніе въ Букарестѣ въ 1848 и 1849 годахъ также доказало это, а событія настоящаго года, конечно, подтвердятъ еще болѣе.

Наглая угроза Англичанъ и Французовъ нашему отечеству можетъ еще быть объясняема преувеличеніемъ самообольщенія; но на чемъ основывается такая самоувѣренность Австріи? Не на обѣщаніяхъ ли Франція и Англія? Въ такомъ случаѣ можно, кажется, ее поздравить. Не уже ли она забыла положеніе свое, въ которомъ находилась до 1813 года, когда даже въ Вѣнѣ былъ Французскій Военный Губернаторъ; умалчиваю о неоднократномъ спасеніи ея Русскими. Забыла она также, какъ знаменитый ея полководецъ Гайнау, въ 1850 году, былъ исколоченъ и общицанъ въ Лондонѣ пивоварами и она осталась безмолвною, развѣ не потому ли впрочемъ, что это случилось именно въ пивоварнѣ, святилицѣ нѣмецкаго энтузіазма, а не въ другомъ мѣстѣ? И послѣ всего этого она еще пѣтушится противъ Россіи! Основываясь на томъ, какъ проповѣдуютъ союзныя Западныя Державы, что Россія дескать была подъ игомъ Татаръ, такъ почему же не попытать и намъ задать ей страхъ? Кусочекъ вѣдь лакомый! Но сообразили ли они—чѣмъ была Россія и что она есть теперь? Игу Татаръ въ части Россіи причиною были удѣльныя междоусобія того времени, а какъ только нѣсколько дружинъ соединились единодушно на Куликовомъ полѣ, то иго это было потрясено и наконецъ свергнуто, и когда еще? Въ то самое время, какъ эти Татары громили Турокъ и сажали ихъ Султановъ въ желѣзныя клѣтки, что однакоже отнюдь не мѣшало этимъ же самымъ Туркамъ, въ то же самое время, бить всегда и вездѣ Австрийцевъ съ Западными ихъ союзниками, два раза запирать всю Имперію въ стѣнахъ Вѣны, достигать съ грозными флотами своими южныхъ береговъ всей Западной Европы, разливать въ ней ужасъ, громить мѣста, къ которымъ направлялись; овладѣвать сильно укрѣпленными островами и ихъ крѣпостями, защищаемыми Западными рыцарями; словомъ, Турки побѣдами своими соединили въ одно враждующій на смерть между собою католицизмъ и рождающійся лютеранизмъ—заставивъ и Папъ и Лютера одинаково предавать проклятію Турковъ, что въ подобныхъ обстоятельствахъ есть сознаніе въ безсиліи т. е. «золъ, да не силенъ». Таковы отношенія между Русскими и тогдашними Западными союзниками и самымъ Карломъ V; т. е. Русскіе побили Та-

тарь, и выгнали ихъ отъ себя; Татары въ это время били Турокъ и чуть не разрушили ихъ владычества, а Турки въ это же время били Австрійцевъ съ ихъ Западными союзниками, брали крѣпость за крѣпостью и отторгали у нихъ область за область. Въ распри Россіи съ Франціею и Англіею другимъ соваться, значить оправдывать Русскую пословицу: «куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ плещей», или еще выразительнѣе и ближе, Малороссійскую: «Наны дерутся, а у чабановъ зубы трещать.»—Это послѣднее всего спорте можетъ случиться съ Австріею. Какое сравненіе можетъ существовать между солдатомъ Запада, или даже и цѣлаго міра, съ солдатомъ Русскимъ во всѣхъ отношеніяхъ? *

Ко всему вышесказанному нельзя не припомнить обстоятельства, замѣченнаго уже мимоходомъ въ другихъ мѣстахъ, что нынѣ Турція уже не та, что была прежде; нынѣ столько новыхъ, не существовавшихъ прежде путей, по которымъ можно легко достигнуть цѣли окончательнаго потрясенія нравственной организаціи составныхъ частей Турецкихъ арій, всегда сплывшихъ на живую нитку, а теперь безпрестанно распарывающихся по всѣмъ швамъ, если можно такъ выразиться. ** Возбужденный въ настоящей войнѣ фанатизмъ исламизма, электризирующій массу Магометанъ, именно и служить первымъ проводникомъ къ разчлѣненію частей и рѣшитель-

* Въ брошюрѣ: «Нѣкоторые замѣчанія по поводу двухъ сочиненій, вышедшихъ подъ заглавіемъ: Малая Война. Спб. 1851 г.» — высокая качества Русскаго солдата, и мудрое соединеніе въ полки, доказаны удовлетворительно.

** Нѣтъ ничего легче достигнуть въ этомъ отношеніи, смѣло могу сказать, неожиданныхъ результатовъ въ нашу пользу и даже въ пользу самихъ Турковъ; для внезапнаго освобожденія себя отъ ига, или пожалуй только отъ взысканія Французовъ и Англичанъ, но въ особенности отъ ренегатовъ и сброда матежничьяго навару Завладной Европы, нынѣ, когда на основаніи «орана», объявлена война религіозная, одно присутствіе гаура при арміи, а не только подчиненіе ему правовѣрнаго Мусульманина, есть несбыточное въ настоящей значеніи слова. При первомъ успешнѣйшѣмъ будетъ первымъ поводомъ разчлѣненія этой арміи, разчлѣтета, если посредствомъ предварительнаго принятыхъ мѣръ Мусульмане будутъ наведены на эту точку разсужденія. То же самое и ренегатство ненавидится у Турокъ. Въ Турціи во все времена язвемы христіане допущены были до принатія участія въ образованіи нѣкоторыхъ частей военной науки. Не говоря о принадлежностяхъ флота, мы встрѣчаемъ у нихъ инженеровъ, строящихъ крѣпости, пиротехниковъ, управляющихъ пороховыми заводами, приготавливающихъ снаряды, образователей артиллеріи и т. п., но все эти обязанности никогда до сихъ поръ не распространялись на

ной потерѣ воинской дисциплины и всякаго повиновенія. Этотъ религиозный энтузіазмъ исчезнетъ скорѣй, чѣмъ онъ былъ возбужденъ. Логика для сего необходимая, конечно, не была бы достаточною для убѣжденія въ ея истинѣ каждаго другаго Европейскаго народа, но для Турковъ она будетъ могущественною, чтобъ заставить ихъ слѣдно слѣдовать по оной. Надо долго обращаться съ Турецкимъ престонародіемъ, совершенно отличающимся отъ обитателей Константинополя, чтобъ познать и уловить ихъ слабую сторону вообще и различныхъ сословій или классовъ порознь и умѣть затронуть въ нихъ ту струну, которая рѣшаетъ въ немъ все. Мы, и Европейцы вообще, судимъ о Туркахъ по ихъ нравамъ и обычаямъ въ Константинополѣ, но это все равно, что если бы судить о Русскомъ народѣ по обществамъ Петербурга. Наполеонъ палъ жертвою этого заблужденія.

Настоящая борьба должна будетъ рѣшить вѣковые вопросы: достигнуть ли 8-мь милліонѣвъ православныхъ Славянъ * право имѣть свободу вѣроисповѣданія и совершенія обрядовъ? Останутся ли они подъ политическимъ игомъ Мусульманъ? Достигнетъ ли Западъ до вліянія, хотя косвенно, надъ этими Славянскими племенами, до чего онъ домогается разными путями? Будетъ-ли, вѣсть съ свободою религіи, политическое преобразование оныхъ по областямъ или иначе и какое? И наконецъ достигнетъ ли Россія (краеугольный камень всѣмъ Славянскимъ племенамъ различныхъ исповѣданій) до полного преобладанія въ религиозномъ и политическомъ отношеніяхъ надъ этими племенами, разрушивъ вліяніе магометанства и католицизма, соперничающихъ между собою въ прозелитизмъ и политическомъ вліяніи?

Эти важные вопросы должны рѣшиться не на Сѣверномъ, не на Балтійскомъ и не на Черномъ моряхъ, а на берегахъ Дуная и на пространствѣ отъ онаго къ Босфору, Пропонтидѣ и Адриатическому морю, именно среди ядра народа Болгарскаго.

Болгарія была уже свидѣтельницею борьбы Лидинія и Константина Великаго, между которыми рѣшилась судьба Западной

командованіе войсками. Объ этомъ предметѣ, по моему мнѣнію особенной важности, изложено самымъ удовлетворительнымъ образомъ, съ указаніемъ необходимыхъ данныхъ въ другомъ мѣстѣ.

... Зѣльсъ. Сербы, въ виду чароты

и Восточной Имперіи. Превъ XV столѣтій помять предопредѣлена Болгарии быть свидѣтельницею борьбы Запада и Востока съ Сѣверомъ. Успѣхи здѣсь уничтожаютъ все, что можетъ совершиться на трехъ помянутыхъ моряхъ, а потому все вниманіе обращаетъ на себя народъ Болгарскій, какъ единственно земледѣльческій и промышленный классъ въ Европейской Турціи, обладающій столькими гражданскими добродѣтелями, мужественный и не увлекающійся, подобно сосѣдямъ своимъ, соблазнами, но разъ рѣшившись на что, остается непоколебимымъ. Въ настоящей борьбѣ онъ долженъ играть главную роль. Нравственныя и матеріальныя силы возводятъ его на эту степень? Сочувствіе Болгаръ къ Россіи; происшедшее отъ единоверія, отъ современности, отъ ближайшаго, противъ всѣхъ другихъ Славянскихъ нарѣчій, сходства языка и отъ многихъ историческихъ воспоминаній, еще не достаточно покорблено провоками и кознями ея завистниковъ; одушевившись это славное племя могло бы только тяжестію своего народонаселенія (болѣе четырехъ съ половиною милліоновъ) одно подавить Турковъ, и тогда не только вопросъ объ Османской Имперіи, но и союзъ съ оной, будетъ рѣшенъ, такъ сказать, однимъ ударомъ. *

А. Въ продолженіи нашей войны 1828 и 1829 год. конечно регулярная пѣхота Турковъ имѣла нѣкоторые успѣхи, но если ихъ внимательно разсмотрѣть, то всѣ они произошли болѣе отъ нашей неосторожности, чѣмъ отъ превосходства Турецкаго преобразования. Такъ напр. въ 1828 году 14 Августа, подъ Шумлою, регулярная пѣхота Галиль-Паши нечаяннымъ нападеніемъ, ночью, на оконечность праваго фланга нашей позиціи, овладѣла редутомъ № 5, и бывшими въ оной шестью орудіями, обезглавивъ весь гарнизонъ, вмѣстѣ съ бригаднымъ Начальникомъ Генераль-Маіоромъ Вреде. Но извѣстна царствовавшая, на этомъ пунктѣ, съ нашей стороны оплошность: ** пѣхт., расположенная подъ возвышеніемъ, на которомъ стоялъ редутъ, въ нѣсколькихъ только шагахъ отъ онаго, имѣла ружья не заряженными, и изъ этихъ только людей нѣсколько че-

* См. гл. VIII. 6. Болгарія.

** Будучи на аванпостахъ во всю эту войну, мнѣ обстоятельно и близко это извѣстно, гдѣ болѣе, что я объѣзжалъ всю охранительную линію по два раза въ день и имѣлъ возможность, независимо оффиціальнаго свидѣнія, собирать свидѣнія съ мѣста, точныя.

ловить и успѣли охватить, (ружья въ редутъ были вычищены и въ полунагалищахъ внесены въ палатки, чтобъ для назначеннаго на утро смотра представить ихъ чистыми; фитили у орудій не были зажжены и т. п., а потому Турецкой регулярной пѣхотѣ и не трудно было овладѣть оными, безъ одного противъ себя выстрѣла, даже ружейнаго). Почти въ этотъ же самый моментъ лѣвый флангъ нашъ, при Марашѣ, былъ также атакованъ. Изъ укрѣпленнаго лагеря успѣли послать (въ с. Мараша, въ одной верстѣ отъ лагеря лежащее и гдѣ находился госпиталь) баталіонъ Уфимскаго полка, безъ предварительнаго обозрѣнія пути, который, по всѣмъ соображеніямъ, долженъ былъ быть осмотрѣнъ. Посланный баталіонъ внезапно очутился окруженнымъ и, вмѣстѣ съ командою: строй каре! былъ истребленъ. Въ 1829 году, 30 Мая, утромъ, подъ Кулевчею, баталіонъ Муромскаго полка, выдвинутый впередъ, безъ обозрѣнія мѣстности, а главное, ни въ чемъ не подкрѣпленный, имѣлъ ту же участь, хотя и былъ уже построены въ каре, изъ котораго никто живъ не остался.

И такъ, вотъ частные случаи торжества Турецкой регулярной пѣхоты и конницы, купленные единственно оплошностію противниковъ; а потому здѣсь нѣтъ мѣста тѣмъ выводамъ, которые дѣлаются, что будто бы эти успѣхи, которымъ примѣра (чтобъ Турки брали редуты такъ сильно, какъ № 5, вооруженные артиллеріею и истребляли каре), во всѣхъ предшествовавшихъ войнахъ не встрѣчается, * должно приписывать регулярному Турецкому образованію. Столь же нелѣпо приписывать убыль нашихъ генераловъ нововведенной системѣ. Если мы потеряли въ ту войну болѣе генераловъ, чѣмъ въ сложности во всѣ предшествовавшія пять войнъ, то этому были совершенно другія причины, о которыхъ здѣсь длинно было бы распространяться.

Теперь посмотримъ, вездѣ ли тамъ, гдѣ наблюдаема была необходимая предосторожность, успѣхи эти были одинаковы.

Такъ въ 1828 году, 28-го Августа, вся регулярная пѣхота, подъ личнымъ предводительствомъ Главнокомандующаго Гуссейнъ-Аги, Паши и начальника регулярныхъ войскъ Галиль-Паши, за часъ до сѣвѣта напала на наши центральные редуты № № XII и XXVII. Отбитые разъ, они вновь, побужденные своею картечью, бросились

* Только подъ Кагуломъ одинъ часъ каре! Генералъ-Лейтенанта Пломкина и т. п. были прорваны и только на время разстроены.

вторично и иныи тотъ же успѣхъ, не смотря, что въ двадцать разъ были сильнѣе гарнизоновъ помянутыхъ редутовъ. Алышахъ-Паши, показавшійся съ регулярною и иррегулярною конницею на лѣвомъ флангѣ, увидѣвъ готовность Генералъ-Лейтенанта (нынѣ Генералъ-Адъютанта и Графа) Ридигера встрѣтить ихъ стрѣлави, обратился въ бѣгство.

Въ томъ же году въ концѣ Сентября, когда бригада 5-я уланской дивизіи Генералъ-Маіора Набеля пришла изъ Силистріи къ Шумлы и, выходя изъ тѣснинъ, должна была присоединиться къ правому флангу нашей позиціи, большая часть регулярныхъ войскъ вышла изъ Шумлы, чтобъ препятствовать сему, но отважныя и хорошо обдуманныя атаки этой бригады, едва ли не въ десятеро малочисленнѣйшей Турокъ, отбили сихъ послѣднихъ съ значительною потерей.

Въ 1829 году 5-го Мая, Полковникъ (нынѣ Генералъ-Лейтенантъ) Бѣлогужевъ съ своимъ Охотскимъ полкомъ, направленный съ позиціи Эзи-Арнаутъ-Лара, въ Праводы, выдержалъ, въ двухъ верстахъ отъ оной, натискъ всей арміи Верховнаго Визиря, окружившаго его два карея, и хотя Бѣлогужевъ долженъ былъ бросить подбитыя четыре орудія и не разъ отбивать, послѣ сильнаго дѣйствія многочисленной артиллеріи картечью, врѣзывавшихся со всѣхъ сторонъ въ карей Турковъ, но сохранилъ однако же тотъ порядокъ, который одинъ можетъ противостоятъ яростнымъ нападеніямъ Турковъ. Они не могли подавить его карей массою въ пятнадцать разъ сильнѣйшею, съ многочисленною артиллеріею; онъ славно отбѣжался, хотя потерялъ половину своихъ людей, но не потерялъ порядка. *

Ограничиваюсь этими тремя частными примѣрами, въ которыхъ соблюдена была непытанная осторожность, въ противоположность тѣмъ, гдѣ она была вовсе упущена изъ вида, а потому и дала поводъ Турецкой регулярной иѣхотѣ восторжествовать. Замѣчу, мимоходомъ, о дѣйствіяхъ въ большихъ размѣрахъ. Умолчу о славной переправѣ чрезъ Дунай, но укажу лишь на сраженіе при Шумлѣ 8-го Юля 1828 г.: что сдѣлала тутъ регулярная Турецкая иѣхота? Укажу еще на блистательный подвигъ Генералъ-Адъютанта Барона Гейсмара, разбив-

* Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Полковникъ Генералаааго Штаба К..... завелъ его въ ловушку, какъ бы предоставляя Туркамъ всѣ преимущества въ нападеніи, и когда оно началось, то оставивъ Бѣлогужева, побѣдилъ сего съ допосѣмлемъ и за помощію! Подоспѣвшій 32-й Егерскій полкъ на выручку нанесъ уже Охотскій вѣдъ опасности пробавившихся и отсутствовавшихъ.

шагръ павелову съ 4-мя т. 20-тысячь въ Бейлештахъ, отнявшаго почти всю Артиллерию и знамена, весь лагерь и главную квартиру съ канцелярією Паши. Что могъ сдѣлать весь Шумлинскій гарнизонъ корпусу Генерала-Лотъ Инфантеріи Рудавича, когда его съ горстію солдатъ такъ невдучино расположили на прилегъ въ глубокой долинь Айдоглу? Въ 1829 году, при Кулевчѣ спустя нѣсколько часовъ послѣ истребленія Муромскаго баталіона, что сдѣлала Турецкая регулярная пѣхота, простоявшая въ кареяхъ на мутесъ Мадарды? Какую она оказала оборону авангарду Графа Ридигера, подъ начальствомъ Генераль-Маіора Цереметева въ Айдоств? и т. д. Укажу на знаменитые подвиги Князя Паскевича въ Персіи противъ регулярныхъ войскъ, прежде образованныхъ, чѣмъ Турціи; укажу на дѣйствія его въ Малой Азій въ 1828 и 1829 годахъ; изъ нихъ, болѣе чѣмъ изъ всѣхъ другихъ примѣровъ, нельзя не убѣдиться, что противу Турокъ главное есть знаніе рода войны. Упустивъ это изъ вида, конечно, несомнѣннымъ результатомъ будетъ то, что мы хотя конечно все таки восторжествуемъ, но потери наши будутъ болѣе чувствительны.

Нельзя согласиться, чтобъ Турки сдѣлались лучше чѣмъ они были; это торжественно уже опровергается дѣйствіями противъ нихъ въ Малой Азій генераловъ: Бебутова и Андроникова. Тамъ доказано, что Турки все тѣ же, каковыми они были и прежде, и что для дѣйствія противу нихъ главное заключается въ соблюденіи необходимыхъ условій, основывающихся на точномъ знаніи ихъ свойствъ, не всегда согласныхъ съ теоретическими правилами стратегіи и тактики. Примѣровъ сему приводить не нужно, ихъ какъ много, что изчисленіе оныхъ отвлекло-бы отъ настоящей цѣли: главы этой, я сдерживаю только; почему въ Малой Азій потеря наша такъ ничтожна при приобретеніи такихъ результатовъ, а въ Валахій потери такъ значительны? Все, что въ этомъ случаѣ и позволю себѣ сказать, есть только то, что причиною тому на регулярное войско Турковъ и не обрѣдъ иностранныхъ мятежниковъ, которые въ Турецкихъ арміяхъ могутъ только болѣе сдѣйствовать къ разстройству оныхъ.

ВАЖНОСТЬ ИМѢТЬ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ

О ПРОИСХОДЯЩЕМЪ НА ПРАВОМЪ БЕРЕГѢ ДУНАЯ И О ТАЙНЫХЪ КОЗНЯХЪ ВЪ КНЯЖЕСТВАХЪ;

СЪ УКАЗАНИЕМЪ НА ЕДИНСТВЕННЫЯ СРЕДСТВА КЪ ДОСТИЖЕНІЮ ТОГО, ВЪ
ПОЛНОМЪ ОБЪЕМѢ ВЫСШЕЙ ТАЙНОЙ ЗАГРАНИЧНОЙ ПОЛИЦІИ.

Можетъ быть въ цѣломъ мѣрѣ нѣтъ страны, которая въ мирное время представляла бы столько удобствъ къ собранію свѣдѣній о происходящемъ въ областяхъ, какъ Европейская Турція; но совершенно противное бываетъ, когда она ополчается. Затрудненія къ достиженію этого въ то время становятся непреодолимы для того, кому край и всѣ народы въ немъ обитающіе не совершенно извѣстны. Я говорю это не по теоріи, а на основаніи опытовъ постоянного, въ продолженіе 34 лѣтъ, изученія края, а потому и считаю себя какъ бы

¹ Опыты мои относительно Турокъ заключаются въ слѣдующемъ: въ бытность мою въ Бессарабіи, когда возникла гетерія, на меня возложено было Генералъ-отъ Инженеріи Сабанеевымъ и Генералъ-Мажоромъ Орловымъ собраніе свѣдѣній о дѣйствіяхъ Турковъ въ Придунайскихъ Княжествахъ и Болгаріи, для чего я неоднократно былъ посылаемъ, подъ разными предлогами, въ Турецкія крѣпости. Ознакомился я съ этими предметами при постоянномъ изученіи страны и свойствъ жителей, но не имѣлъ каждаго племени и разныхъ званий изловчась знатное количество въ Кишиневѣ и въ другихъ мѣстахъ Бессарабіи, куда они бѣжали изъ Константинополя и разныхъ Турецкихъ областей. Въ 1823 году, во время слушенія моего при Князѣ Воронцовѣ, на меня возложено было несравненно уже въ большихъ размѣрахъ, между другими занятіями, предопределеніе и этого. Во время Аккерманскаго Конгресса, въ 1826 году, я опять неоднократно былъ посылаемъ Княземъ въ Турецкія крѣпости и

обязаннымъ въ настоящихъ обстоятельствахъ изложить объ этомъ предметѣ мое мнѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомить съ нимъ тѣхъ, на которыхъ распоряженіе по сему будетъ возложено, какъ съ пред-

съ того еще времени учредилъ тайныя сношенія съ За порежцями (которые по переходѣ въ 1828 году нашихъ войскъ за Дунай, соединились съ нами). Въ 1827 году въ прѣздѣ Начальника Главнаго Штаба, Генералъ-Адъютанта (нынѣ Графа) Киселева, онъ, зная мои занятія, пожелалъ имѣть объ нихъ болѣе подробныя свѣдѣнія (я не состоялъ тогда при арміи) и мнѣніе: какимъ образомъ можно удовлетворительнѣе получать достовѣрныя свѣдѣнія о происходящемъ въ Княжествахъ, въ Болгаріи и Турціи. Въ письмѣ моемъ отъ 5 Сентября 1827 года, я изложилъ Его Сіятельству желаемое на счетъ народовъ, которые въ томъ краю могутъ быть для сего употребляемы и тѣхъ, которыхъ должно избѣгать. Отправясь въ слѣдъ за сими изъ Кишинева въ отпускъ въ Крымъ, проѣхавъ въ Одессѣ, Графъ Киселевъ и Управлявшій Новороссійскимъ краемъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Графъ Паленъ, прямой мой начальникъ, предложили мнѣ принять на себя доставленіе уже болѣе необходимыхъ свѣдѣній о Турціи, по случаю отправления части нашего Балтійскаго флота въ Средиземное море. Зная, что по тогдашнимъ обстоятельствамъ, кромѣ меня никто другой не могъ исполнить требуемаго съ такою скоростію и достовѣрностію, вмѣсто того, чтобы воспользоваться отпускомъ для взлѣченія болячки (нынѣ продолжашеяся), принялъ сказанное предложеніе и отправился назадъ на границы Австріи и Турціи, на Прутъ и на Дунай. Въ слѣдъ за симъ, Графъ Паленъ, предписаніемъ отъ 30 Сентября № 290, извѣстилъ меня, что «Начальнику Главнаго Штаба 2-й арміи Высочайше дозволено употребить меня для исполненія особеннаго порученія, а Графъ Киселевъ, независимо оффиціальнаго предписанія по сему предмету, отъ 30 Сентября № 533, изъ Тульчина, въ особомъ письмѣ отъ того же числа № 28, между прочимъ выразился слѣдующими словами, что.... «это доставитъ вамъ средство своими способностями и свѣдѣніями оказать новую услугу правительству, я остаюсь въ совершенной увѣренности, что вы оправдаете въ полной мѣрѣ засвидѣтельствованіе мое предъ начальствомъ, которое конечно не оставитъ безъ возмездія» и т. д. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ безпрерывно переѣзжая съ мѣста на мѣсто, я скоро вполнѣ удовлетворилъ всѣмъ желаніямъ и ожиданіямъ начальства, слѣдствиемъ чего было то, что армія наша ни разу не дѣлала напрасныхъ передвиженій. Въ Ноябрь того же года, когда война оказалась уже неизбежною, мнѣ поручено было приготовить всѣ, безъ изъятія, матеріалы для войны; на каковой конецъ я переѣзжалъ въ Княжества, наполненные Турками, ошесточенными Наваринскою битвою; явнымъ разрывомъ Россіи съ Турціею, обнаружившіяся выѣздомъ Посланниковъ изъ Константинополя, не остановилъ меня. Въ меня сдѣланы были въ разное время три выстрѣла, но я остался цѣлъ, а между тѣмъ агенты мои въ разныхъ мѣстахъ Австріи, въ Турціи до самаго Адрианополя, успѣли собрать самыя достовѣрныя свѣдѣнія не только о состояніи областей Турецкихъ и Австрійскихъ, но и о всѣхъ приготовленияхъ Турковъ, состояніи крѣпостей, флота, характера

метомъ основы не только всѣхъ военныхъ предпріятій, но и сохраненія солдатъ и огромныхъ суммъ.

Придунайскія Княжества должны служить точкою, изъ которой направляются всѣ пути къ собранію необходимыхъ свѣдѣній о томъ,

и свойствахъ Пашей и другихъ начальствующихъ лицъ и т. п.; что все, какъ значится въ письменныхъ засвидѣлствованіяхъ, оказалось вѣрнымъ во всѣхъ вычисленияхъ. Всему этому за снѣгъ составленъ былъ общій систематическій сводъ 3 Апрѣля, менѣе чѣмъ за мѣсяць до открытія войны для представленія на Высочайше усмотрѣніе Государя Императора. Независимо сего я доставлялъ фирманы, заключающіе распоряженія Порты. Агенты мой проинимъ въ тайны иностранныхъ Консуловъ и т. п.; я умалчиваю о безчисленномъ множествѣ другихъ свѣдѣній, относительно расположенія умовъ разныхъ классовъ народа, способахъ края и т. п., точность коихъ засвидѣльствована самими лествыми письменными отзывами высшихъ лицъ, какъ офенціально, такъ и во многихъ Французскихъ письмахъ Графа Киселева, который болѣе другихъ могъ оцѣнить какъ те положеніе, въ которомъ я находился среди Турокъ по выгладѣ Посланникова изъ Константинополя (какъ Полковникъ Генеральнаго Штаба), возни и условія некоторыхъ Консулатовъ, чтобы заставить меня удалиться и т. п., какъ и оцѣнить доставляемыя мною свѣдѣнія и материалы, обилнншіе не только свѣдѣніа о состояніи и притѣвленіяхъ Турковъ, въ полномъ развитіи этого предмета, но и политическіе; словомъ, о всемъ долженствовавшемъ идти къ соображенію при открытіи военныхъ дѣйствій. Графъ Дибичъ неоднократно письменно по этому предмету отзывался самымъ лестнымъ образомъ. Такъ въ письмѣ ко мнѣ Графа Киселева, отъ 29 Декабря 1827 года, № 240, между прочимъ сказано:..... «я читалъ записку о продовольственныхъ способахъ Молдавіи, составленную Полковникомъ Липранди съ особенною признательностію къ особеннымъ его трудамъ, я прошу васъ, Милостивый Государь, изъавить ему: оную отъ моего имени. Штабъ-Офендеръ сей вообще отличается постоянною ревностію и усердіемъ къ службѣ.» Такимъ образомъ немедленно совершенно удовлетворительно на меня возложено, я возвратился изъ за границы въ Тульчинъ, сдавъ остальные свѣдѣнія. Графъ Киселевъ, отпуская меня къ предлицъ многочисленнымъ военъ занятіямъ при Князѣ Воронцовѣ въ Кишиневѣ, поручилъ мнѣ составить записку «о средствахъ учрежденія вышей тайной заграничной полиціи,» какъ мнѣ на опытѣ уже извѣстной, что исполнить, я отпразднлъ оную изъ Кишинева въ Тульчинъ. Слуети около мѣсяца послѣ того, я получалъ отъ Князя Воронцова предписаніе изъ Одессы, что по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, я откомандированъ въ главную квартиру 2-й арміи и выгѣтъ другое предписаніе отъ Графа Киселева, отъ 12 Апрѣля № 121, въ которомъ между прочимъ было сказано, что упомянутая моя записка отъ 3-го Февраля была Графомъ Дибичемъ доводима на Высочайшее благоуваженіе съ предположеніемъ какъ отъ меня Фельдмаршалу представленнымъ, такъ и собственно Его Снѣльству принадлежачимъ. Въ послѣдствіе оныхъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ соизволять учредить вышѣ же тайную заграничную полицію и началь-

что происходитъ на правомъ берегу Дуная. Княжества эти вмѣщаютъ въ себѣ, въ изобиліи, всѣ элементы къ достиженію этой цѣли, но самое изобиліе это требуетъ крайней разборчивости и осмотрительности. Правило это, основное во всѣхъ странахъ и для всѣхъ временъ, въ особенности необходимо въ Княжествахъ, а при томъ

ство надъ оною поручить вамъ..... По испытанному усердію вашему къ службѣ Его Императорскаго Величества я несомнѣнно надѣюсь, что вѣрнейшая вамъ полиція будетъ образована въ точной соотвѣтственности съ цѣлю ея и принесетъ ожидаемую отъ нея важную пользу и т. д.» Далѣе будетъ показано какъ она дѣйствовала. Предметъ занятій моихъ расширялся: онъ обнималъ не только Турцію, но и нѣкоторыя другія государства и не смотря на то, что всю кампанію 1828 г. я находился на аванпостахъ, а въ 1829 командовалъ отрядомъ волонтеръ-партизанъ для очищенія порерѣзанныхъ сообщеній, исполненіе главнѣйшаго порученія продолжалось съ подымимъ неслабымъ успѣхомъ. Одно только происшествіе подъ Шумлюю, 28 Августа, доказывается въ какой степени эта часть была устроена. Проходя молчаніемъ множество писемныхъ засвидѣтельствваній, главнѣйшихъ лицъ арміи, объ успѣхѣ моихъ дѣйствій, какъ то: Фельдмаршала Князя Витгенштейна, Генералъ-Адъютанта Дибича, Графа Киселева, Графа Сухтелена, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Графа Палена и другихъ, я приведу нѣсколько строкъ изъ письма ко мнѣ Графа Киселева, изъ Бухареста, отъ 28 Января 1833 года, спустя уже болѣе трехъ лѣтъ послѣ войны, въ продолженіе которой онъ былъ примымъ моимъ дачальникомъ; вотъ что въ письмѣ этомъ между прочимъ сказано..... «что касается собственно до исполненія возложенныхъ на васъ порученій, то я поставилъ себя на долгъ вновь повторить то засвидѣтельствованіе, какое всегда съ удовольствіемъ изъдавалъ на счетъ успѣшнаго и удовлетворительнаго доставленія вами всѣхъ свидѣній, которыя на самомъ дѣлѣ оказались столько же вѣрными сколько полезными для арміи, и которыя безъ сомнѣнія высшее правительство при рассмотрѣніи не оставитъ безъ вниманія.» Я не говорю здѣсь о томъ, что въ продолженіе войны въ Финляндіи въ 1808—1809 годахъ, состоя въ разныхъ корпуссахъ, подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта (въ послѣдствіи Фельдмаршала в Кіевѣ) Барклая де Толли, Генералъ-Адъютанта Князя Долгорукова, Генералъ-Лейтенанта Тучкова 1-го, Генералъ-Адъютанта Графа Швалова и Графа Каменскаго; при Полковникахъ: Графѣ Галатѣѣ, Маркизѣ Шаулучи (послѣдствіи Генералъ отъ Инфантеріи); но въ особенности при Полковникѣ (позомъ Посланникѣ въ Бразиліи) Баронѣ Тейльфонѣ Сераскеркѣнѣ, въ Умео, я былъ ближнимъ свидѣтелемъ распоряженій поименованныхъ лицъ, по предмету собранія свидѣній, и не только все по этому предмету поручивалъ свою руку, но и неоднократно спрашивалъ лицъ, доставлявшихъ къ свидѣнію; въ 1813 году, находясь при Слондѣ Кистрига, на меня возложена было Генераломъ отъ артиллеріи Кавендишъ мѣсь собраніе чрезъ лазутчиковъ свидѣній о состояніи оной, гдѣ и по этой причинѣ сдѣлалъ связь; отсюда и была посылка въ Мемель и Зеленцигъ къ открытію тайныхъ складовъ и посылка въ прѣдѣлы Восточной Пруссіи, гдѣ и послѣдующихъ гдѣхъ, исправляя долж.

нынѣ, когда въ оныхъ тлятся искры вредныхъ учений, злыхъ направлений, занесенныхъ сюда изъ Западной Европы, преимущественно въ послѣдніе годы. При подобныхъ условіяхъ, самая строгая, самая тщательная осмотрительность должна руководить того, на кого возложатся

ность Оберъ-Квартирмейстера пѣхоты корпуса Генераль-Адъютанта Барона В и а н ц е н г е р о д е , я управлялъ секретнымъ отдѣленіемъ канцеляріи онаго, въ которомъ сосредоточивалось все, до излагаемаго предмета относящееся; архивъ этого отдѣленія, въ началѣ 1826 года, былъ переданъ мною въ Генеральный Штабъ. Въ 1815 году, оставаясь при кавалеріи корпуса Князя В о р о н ц о в а во Франціи, Его Свѣтлость поручилъ мнѣ наблюденіе за существовавшимъ тогда во Франціи обществомъ заговорщиковъ, подъ названіемъ булавокъ, что поставило меня въ сношеніе съ Французскими начальниками высшей тайной полиціи въ Арденахъ и Шампаніи; составленная мною секретная статистика этихъ мѣстъ, представленная въ 1818 году Князю, свидѣтельствуетъ о сказанномъ мною. Въ 1828 году мнѣ неоднократно случалось разсуждать съ покойнымъ Графомъ Бенкендорфомъ о высшей тайной полиціи, въ то время мною управляемой, въ особенности относительно Крымскаго Татарина Мемеши при Шумгѣ, Его Сіятельство изъявилъ желаніе, чтобы я мнѣніе свое объ этомъ предметѣ изложилъ на бумагѣ; исполняя желаніе Графа, я, составленную по окончаніи кампаніи, записку о семъ препроводилъ изъ Тульчина, в Его Сіятельство, въ письмѣ къ мнѣ, отъ 7 Сентября 1831 года № 1185, между прочимъ изъяснилъ: «съ большимъ удовольствіемъ прочиталъ я доставленное ко мнѣ ваше разсужденіе о устройствѣ высшей тайной полиціи и находя въ сочиненіи семъ весьма много истинно полезнаго, приношу Вамъ, Милостивый Государь, чувствительнѣйшую мою благодарность за доставленіе ко мнѣ онаго.» Дѣло Петрашевскаго въ 1848 и 1849 годахъ извѣстно,—равно и другія важныя секретныя дѣла, возлагавшіяся на меня въ продолженіи восьми лѣтъ бывшимъ Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Графомъ Ш е р о в с к и м ѣ ; въ 1849 году, по порученію Его Сіятельства, я составилъ подробную записку о секретной или Политической статистикѣ, включающей въ себѣ предметъ высшей тайной полиціи въ полномъ историческомъ развитіи. Таковы съ 1808 года практическія занятія мои не объ одной Турціи. Изъ всего этого можно видѣть, что предметъ, о которомъ я буду говорить, мнѣ знакомъ близко и съ давняго времени, почему считаю еще нелишнимъ прибавить, что и при исполненіи официальныхъ моихъ занятій по этому предмету, можно сказать, не проходило ни одного дня, въ который бы я не продолжалъ заниматься тѣмъ краемъ, находясь и въ частыхъ съ онымъ сношеніяхъ по обстоятельствамъ, меня окружавшимъ. Такъ, напримѣръ, независимо общей извѣстности занятій моихъ по Турціи, собранія рѣдкихъ сочиненій и картъ объ оной (съ начала книгопечатанія), свидѣтельствуемыхъ многими иностранными и нашими журналами, я долженъ сказать еще и то, что когда по представленіи мною въ 1832 году, Почетному Президенту Военной Академіи, Его Императорскому Высочеству, въ Божѣ почивающему, Государю Великому Князю Михаилу Павловичу записки «Нѣкоторыя разсужденія о военной наукѣ,» я былъ осчастливленъ письмомъ за собственноручною подписью Его

эти порученія. Въ особенноти важенъ выборъ агентовъ; тутъ такъ легко попасть на такихъ, которые, отправляясь за Дунай за собраніемъ свѣдѣній, будутъ видѣть въ этомъ самомъ вѣрное средство передавать таковыя туда съ лѣваго берега.

III.

Высочества, отъ 11 Апрѣля 1832 года, слѣдующаго содержанія: «Иванъ Петровичъ! Доставленные вами ко мнѣ нѣкоторыя разсужденія о военной наукѣ я имѣлъ счастье повергать на Высочайшее благоусмотрѣніе Государя Императора, и Его Величество, находя оныя во многихъ отношеніяхъ основательными, Высочайше повелѣть соизволилъ поручить вамъ заняться предполагаемымъ вами изложеніемъ въ военномъ отношеніи характеристическихъ свойствъ и политическихъ мнѣній Турецкихъ войскъ, о чемъ вы и имѣете быть увѣдомлены Управляющимъ Главнымъ Штабомъ Его Императорскаго Величества, Генералъ-Адъютантомъ Графомъ Чернышевымъ.» Въ слѣдъ за симъ, отъ 24 Апрѣля № 30, я получилъ упоминаемое повтореніе Высочайшей воли, въ слѣдующихъ между прочимъ выраженіяхъ:..... «то Его Величеству угодно, чтобъ вы занялись изложеніемъ какъ характеристическихъ свойствъ, такъ и политическихъ мнѣній Турокъ, на тотъ конецъ, чтобы сей трудъ могъ бы служить образцомъ въ описанной вами наукѣ.» Потомъ 11 Ноября № 223 Г. Военный Министръ, изъявляя удовольствіе о началѣ труда, между прочимъ говорилъ:..... «въ полной увѣренности, что сей полезный трудъ отвѣчать будетъ предположенной цѣли, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство продолжать оный во исполненіе Высочайшей воли, первоначально мною вамъ объявленной.» Оконченную первую половину труда, я, 14 Апрѣля 1834 года за № 15, отправилъ Г. Военному Министру для поднесенія Его Величеству, какъ составленную по Высочайшему повелѣнію, но къ несчастію она не достигла по-видимому своего назначенія, ибо 22 Ноября тогоже года № 277, я получилъ отзывъ Генералъ-Квартирмейстера Шуберта, что трудъ мой, «по приказанію Военнаго Министра былъ препровожденъ на разсмотрѣніе Военно-Ученаго Комитета, который въ состоявшемся по сему предмету журналѣ отозвался: что свѣдѣнія сіи, заключающія въ себѣ много поучительнаго и любопытнаго относительно военнаго и гражданскаго быта Турокъ, могутъ принести существенную пользу тѣмъ уже, что сведены въ одно цѣлое изъ многихъ, нынѣ весьма рѣдкихъ и не для всѣхъ доступныхъ сочиненій,» и возвративъ оный ко мнѣ, присовокупилъ, что «принятый мною азбучный порядокъ влечетъ за собою неудобства къ отысканію въ разныхъ частяхъ книги статей, касающихся до одного предмета (!),» вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ, «буде я пожелаю, издать помянутое сочиненіе въ свѣтъ на существующихъ правилахъ, но безъ пособія однако же правительства.» Получивъ столь неожиданный отзывъ, тогда какъ я, будучи за болѣзнію въ отставкѣ, занимался помянутымъ предметомъ въ продолженіе болѣе двухъ лѣтъ единственно по изъявленной, столь лестной для меня, Высочайшей волѣ, а при томъ безъ всякаго отъ казны пособія (при началѣ труда, было мнѣ предложено Княземъ Чернышевымъ, 22 Апрѣля 1834 года № 30, пособие, но я отозвался, что, не зная, достигну ли я до удовлетворительнаго изложенія столь новаго и образцоваго труда въ цѣлой Европѣ, принять заблаговременно ника-

Постоянное и наплывное народонаселеніе Придунайскихъ Княжествъ состоитъ: изъ туземныхъ Молдаванъ и Валаховъ разныхъ массовъ; изъ Трансильванскихъ и Венгерскихъ выходцевъ, одного происхожденія, языка и нравовъ съ туземцами, т. е. такихъ же Молдаванъ и Валаховъ; изъ различныхъ толковъ нашихъ раскольниковъ (извѣстныхъ тамъ подъ именемъ Липованъ), въ особенности по Поповщинѣ и Скопчеству;* изъ Болгаръ, Сербовъ, Поляковъ и другихъ Славянскихъ племенъ; изъ Грековъ различныхъ сословій и наконецъ изъ Армянъ, Жидовъ и Цыганъ.

Сверхъ того тамъ встрѣчаемъ нынѣ Австрійцевъ и другихъ Нѣмцевъ, Французовъ, Англичанъ, Италіянцевъ и вообще различныя всѣхъ Европейскихъ народовъ; исключая собственно Молдаванъ и Валаховъ (число которыхъ въ краѣ болѣе трехъ милліоновъ), прочіе находятся въ большемъ или меньшемъ количествѣ.

кого пособія не могу),—не имѣя же вовсе въ виду печатаніе сочиненія, по одному убѣжденію, что многое, вошедшее въ оное, не могло быть обнародовано, я оставилъ тогда же дальнѣйшее продолженіе труда. Въ 1842 году, когда составленное мною: «Обозрѣніе театра войны съ Турціею 1806—1812 года» къ сочиненію Генералъ-Лейтенанта Михайловскаго-Давилевскаго, было повергнуто на Высочайшее благоусмотрѣніе, то 7 Февраля того года за № 726, я получилъ отъ бывшаго Министра Внутреннихъ дѣлъ Перовскаго предписаніе слѣдующаго содержанія: «отъ 31 истиннаго Января Г. Военный Министръ сообщилъ мнѣ, что Государь Императоръ, прочитавъ съ особеннымъ удовольствіемъ поднесенное вамъ Его Величеству составленное вами обозрѣніе театра войны Россіи съ Турціею съ 1806 по 1812 годъ, и найдя его заслуживающимъ полнаго вниманія по вѣрнымъ и подробнымъ свѣдѣніямъ о Молдавіи, Валахіи, Болгаріи и Сербіи, а также по глубокому знанію географіи, статистики и исторіи описываемаго края, Высочайше повелѣть соизволилъ: сочиненіе это хранить, какъ любопытный документъ въ архивѣ Департамента Генеральскаго Штаба. Въслѣдъ съ тѣмъ Государь Императоръ въ изъявленіе особаго благоволенія къ Вашему отличному труду, Всемилостивѣйше изволилъ пожаловать вамъ брилліантовый перстень съ изображеніемъ имени Его Величества;» а въ слѣдъ за тѣмъ 2 т. руб. серебромъ. Я долженъ былъ войти въ исчисленіе нѣкоторыхъ только предметовъ на тотъ конецъ, повторяю, чтобъ показать, что къ начертанію сей записки служатъ опыты долгодѣтнихъ наблюденій и приложенія ихъ на мѣстахъ къ практикѣ; а только изъ подобныхъ опытовъ можно составлять теоріи.

* Раскольники по поповщинѣ, находящіеся въ Княжествахъ, въ особенности въ Молдавіи, нынѣ должны обращать на себя особенное вниманіе; тамъ между ними сосредоточивается многое, о чемъ правительству необходимо знать по разнымъ отношеніямъ. Предметъ этотъ вполнѣ изложенъ мною въ «Краткомъ обозрѣніи существующихъ въ Россіи расколовъ, ересей и сектъ, какъ въ религіозномъ такъ и въ политическомъ значеніи и т. д. въ Нолбрѣ 1853 года.

Изъ всѣхъ исчисленныхъ народовъ, казалось, не трудно было бы избрать агентовъ и лазутчиковъ для высшей тайной заграничной полиціи, но на дѣлѣ выходитъ противное. Въ настоящее время весьма важно не пугать тамошній правый берегъ новымъ лицомъ съ лѣваго. Сей часъ возбуждятся толки, родятся подозрѣнія, и агентъ, въ сущности порядочный, встрѣтитъ только препятствіе въ исполненіи своего порученія; если будетъ извѣстенъ, къ нему не будетъ никакого доступа. Онъ не узнаетъ вовсе ничего, или, что гораздо хуже, привезетъ свѣдѣнія невѣрныя, нарочно или отъ недоумѣнія. Не многіе могутъ быть употреблены лазутчиками въ настоящее время, въ областяхъ праваго берега Дуная, и появленіе лица, необычнаго въ тѣхъ областяхъ въ настоящее время, вовсе не возможно, слѣдовательно остается не много изъ поименованныхъ племенъ, которыя могутъ быть для сего употреблены съ меньшими неудобствами, относительно возбужденія къ себѣ подозрѣнія; я сдѣлаю всѣмъ имъ перечень, съ замѣчаніями свойствъ и способностей каждаго.

Молдаване и Валахи не могутъ быть употребляемы для сего за Дунаемъ, во первыхъ потому, что не способны къ необходимымъ въ такихъ случаяхъ проницательности, ловкости и смѣливости, воторыхъ было бы и опасно послать кого-либо изъ нихъ тайно за Дунай, по берегамъ котораго и въ маломъ отъ нихъ разстояніи есть многія Молдаванскія и Валахскія селенія, гдѣ посланные найдутъ себѣ знакомыхъ, пріятелей, друзей и родственниковъ, котормъ скорѣе самъ разболтаетъ все что знаетъ, нежели вывѣдаетъ отъ нихъ что нибудь, слѣдовательно это значило бы содѣйствовать къ передачѣ свѣдѣній съ нашей стороны. * Относительно же употребленія извѣстныхъ классовъ въ самыхъ Княжествахъ, то объ этомъ скажется особо, здѣсь идетъ дѣло только о правомъ берегу Дуная.

Караймы или Турецкіе Евреи, обыкновенно посѣщающіе только города и мѣстечки, въ то время были употребляемы мною съ большою пользою; но теперь это не возможно, а если бъ нашлись

* Я утвердительно могу сказать, что Молдаванъ или Валахъ, согласившійся тайно, въ настоящихъ обстоятельствахъ, переправиться чрезъ Дунай, есть шпионъ, посылаемый какимъ-либо лицомъ изъ Княжествъ для передачи извѣстій неприятелю, ибо иначе трусость этого народа не дозволитъ и помыслить ему о предпріятіи явиться на ту сторону въ чистомъ качествѣ нашего лазутчика. Подобный вызовъ или соглашеніе туземца можетъ послужить ловкому лицу къ открытію предателей въ Княжествахъ, а потому и не долженъ быть выпускаемъ изъ виду.

изъ нихъ кто и вызвались бы, или согласились на это, то въ такомъ случаѣ о всякомъ подобномъ должно сказать на вѣрное, что онъ Турецкій лазутчикъ. Тѣмъ болѣе должно сказать то же самое о Евреяхъ колонистахъ, такъ называемыхъ, Польскихъ. Этотъ народъ ожесточенъ противъ Россіи въ настоящее время до невѣроятности, и ему продать Русскихъ, или сдѣлать имъ зло, сколько то отъ него зависитъ, есть сущее наслажденіе, не говоря о болѣе существенныхъ выгодахъ, за которыя Жидъ готовъ на все рѣшиться. Они могутъ содѣйствовать по этой части, если направить такъ, чтобъ и сами они не знали въ чемъ дѣло. Такъ въ началѣ 1829 года въ Молдавіи Жиды были очень удачно употреблены мною, чтобъ открыть подозрительную переписку, въ которую было велѣно мнѣ Графомъ Дибичемъ провѣкнуть и пр. Во всякомъ случаѣ съ ними должно быть очень осторожну.

Армяне очень способны на подобныя дѣла и своими натуральными свойствами и своимъ положеніемъ; изъ нихъ въ особенности важны такъ называемые Сарафы, т. е. родъ Турецкихъ банкировъ или мѣняль, которые со всѣми жителями туземными болѣе или меньше въ связи и знаютъ все, что у нихъ дѣется. Бывало они почаще посѣщали большую частію города, въ настоящее время изъ Княжествъ дѣлать они этого уже не могутъ. Въ Русукѣ, Силистріи, Шумлѣ и въ другихъ городахъ, гдѣ есть Паша, коихъ они всегда самыя довѣренныя лица, * они встрѣчаются и въ селеніяхъ, гдѣ имѣютъ иногда родъ посессіи или откуповъ. Если съ таковыми одѣланы были уже связи ранѣе, то можно пользоваться и нынѣ; но вновь завести съ ними связи крайне трудно и опасно. Народъ этотъ хитрый, осторожный, робкій. Зная скорую Турецкую расправу, рѣдкій изъ нихъ рѣшится рисковать головою изъ за какой нибудь небольшой выгоды. Притомъ если пользоваться ими въ настоящее время, то свѣдѣнія отъ нихъ могутъ быть сообщаемы только лицами высылаемыми отъ нихъ съ живыми вѣстями; посылать же къ нимъ, даже и чрезъ Сербію, опасно; ибо стануть искать угодить обѣимъ сторонамъ—и нашимъ и вашимъ.

Цыгане, изъ которыхъ есть многіе съ большими способно-

* Неоднократно однако же довѣренность эта употребляется во зло, такъ надримѣръ въ войну 1806—1812 года, Казначей или Сарафъ Байрактаръ-Паша, известный Манукъ-бей, со всѣми драгоценностями своего благодѣтеля, бѣжалъ чрезъ Дунай къ намъ и т. д.

1830 году въ числѣ около 70 семействъ, изъ тѣхъ которые послѣдовали за нашей арміею изъ Сливно и окрестностей, испросили участокъ земли у Княгини Караджи, урожденной Княжны Морузи, которой принадлежитъ городъ Пloeшти, и тутъ поселились, они всѣ почти оружейники. Въ это время я былъ въ Пloeштахъ и содѣйствовалъ выполненію ихъ желанія по случаю родства жены моей съ Караджами. Въ заключеніе повторю, что во все сказанное о Болгарахъ, Греки, а въ особенности Фанариоты и Пероты, не должны быть ни сколько вѣнчиваемы по причинамъ, которыя объяснятся далѣе. *

Разбойники въ Турціи извѣстны подъ названіемъ гайдуковъ, ускоковъ, клефтовъ и т. п. Нѣкоторые изъ этихъ шаекъ, сдѣлавшись болѣе знаменитыми, принимаютъ и понынѣ названіе Кирджалей. ** Характеръ дѣйствій всѣхъ этихъ шаекъ, хотя и не

* Не знаю, ибо не приходило въ голову узнавать, живы ли два брата Мустанковы, которые въ Вукарестѣ были какъ бы старостами всѣхъ Болгаръ, и съ которыми я былъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ. Эти люди, если ловко привлекутъ ихъ (Боже сохрани чрезъ фанариота) на нашу сторону, могутъ не только что указать, но и набрать тѣхъ лицъ, которыхъ можно будетъ отправить на правый берегъ Дуная. Однакоже два брата Македонскихъ, родомъ изъ Болгаріи, но бывшихъ начальниками Пандуръ въ 1806—1812 и въ 1821 году во время возстанія Тодора Владимирскаго. Оба брата знаютъ Русскій языкъ и съ 1826 года занимали мѣста переводчиковъ въ Бессарабскомъ Верховномъ совѣтѣ, а съ открытіемъ войны перешли въ Валахію; они непримиримые враги Туркамъ, имѣютъ большое вліяніе на Болгаръ. Я съ ними въ продолженіи восьми лѣтъ былъ почти неразлученъ; одинъ изъ нихъ, Павелъ, находился при мнѣ, и имѣетъ орденъ св. Анны 3 степени.

** Шайка Кирджалей, образовавшаяся въ Румліи въ началѣ настоящаго столѣтія, получила свое названіе отъ основателя оной Георгія Кирджала, родомъ Болгара, изъ окрестностей Охриды; въ продолженіе многихъ лѣтъ заставляла трепетать Порту. Шайка эта произвела многихъ людей, которыхъ Султанъ вынужденъ былъ признать Пашами и вѣрить имъ значительныя пашалыки. Такъ напримѣръ, знаменитый Видинскій Визирь Пасванъ-Оглу, Серезескій бей Изманлъ Паша и т. п. Въ настоящее время, конечно не многіе изъ бывшихъ въ этой шайкѣ, во время ея знаменитости, остались въ живыхъ, а если и есть, то уже въ такихъ мѣстахъ, что подобное ремесло имъ не по силамъ; но многіе атаманы многочисленныхъ разбойничьихъ шаекъ и понынѣ берутъ это названіе, или потому, что ею предводительствуется сынъ бывшаго Кирджала, или дано ей имя въ память подвиговъ этой многочисленной шайки—арміи, въ которой были и Турки и Христіане всѣхъ областей. Многіе изъ настоящихъ Кирджалей служили въ отрядѣ волонтеръ-партизановъ въ 1829 году подъименъ начальствомъ. Въ изложеніи дѣйствій этого отряда видны всѣ подробности до сего относящіяся.

одинаковъ (какъ это можно видѣть изъ обзорѣнїя, въ политическомъ отношенїи, областей Европейской Турціи), но не менѣе того онъ отличается отъ разбойниковъ всѣхъ другихъ Европейскихъ странъ. Эти разбойничьи шайки Христіанъ, къ которымъ пристають часто Магометане одного происхожденїя съ Христіанами, имѣють главной основой ненависть къ Туркамъ, а потому устремляются болѣе на разграбленіе ихъ, въ особенности Беговъ, Спаговъ, Тимариотовъ, Занмовъ, кунцовъ и ихъ каравановъ. Попавшійся къ нимъ въ руки Турокъ живымъ отъ нихъ не отдѣляется. То же можно сказать и о Каравмахъ, а иногда и Армянахъ. Прочихъ же они грабятъ рѣдко, а если это и случается, то безъ лишенїя жизни.

Несомнѣнно нѣкоторые изъ этихъ людей, какъ это было прежде, находятся и въ настоящее время въ Княжествахъ при Агахъ (Полиціймейстерахъ) Яссы и Букареста, при Исправникахъ и даже у Бояръ въ ѣздовыхъ или тѣлохранителяхъ, когда они разъѣзжаютъ по своимъ помѣстьямъ. Люди эти, часто оставляя, по разнымъ причинамъ свое ремесло или навсегда или чаще на время, удаляются въ Княжества, гдѣ и вступаютъ въ помянутыя должности, а иногда нажившись занимаются въ оныхъ торговлею и промыслами. Всѣ они тщательно скрываютъ прежнее ремесло свое, и только съ трудомъ, при особенныхъ случаяхъ выигравъ ихъ довѣренность, можно заставить ихъ рассказывать о своихъ подвигахъ.*

* Объ этихъ людяхъ можно узнать отъ бывшихъ волонтеръ-партизановъ въ 1829 году, изъ коихъ конечно есть еще живые. Но и изъ нихъ не каждаго должно спрашивать о томъ, ибо если попадутъ на такого, который не захочетъ объяснить это, то можно быть увѣрену, что уже никто ничего не скажетъ, и тогда то, чего можно было ожидать отъ этого, навсегда исчезнетъ. Въ 1851 году, встрѣтившися въ Карлсбадѣ и въ Вѣнѣ съ многими знакомыми мнѣ Боярами, я распрашивала объ этихъ старыхъ моихъ сослуживцахъ въ дѣсахъ Дели-Ормана и Балканскихъ ущелій и узнала, что изъ нихъ находятся еще живыми капитаны: Иванча, Болгаръ, бывший главнымъ послѣ меня начальникомъ отряда, избранный единогласно всѣми волонтерами, что доказываетъ его знаменитость въ ихъ понятїи. Онъ очень старъ и живетъ въ помѣстьяхъ, какъ бы на пенсіи, у бывшего Молдавскаго гетмана Тодорицы Балша, который самъ мнѣ о томъ сказывалъ; Антонъ Чамъ и Димитрій Чука, Албанцы жившіе въ 1851 году въ Яссахъ; Коста Критикосъ, Фессалійскій Грекъ, бывший Кирджалешъ въ Галацалъ; Георгій Фотино Фессалець, бывший и знахаремъ въ отрядѣ, держитъ вблизи Яссы possessiо; Команъ, сформировавшій самъ 30 человекъ и ихъ начальникъ въ моемъ отрядѣ—въ городѣ Бузео; Папаязъ Оглу, Боснякъ, въ какомъ-то мѣстечкѣ Мелой Езлахіи; Муста-

Изъ числа этихъ людей можно найти такихъ, которые охотно перейдутъ опять за Дунай, въ чемъ по ремеслу ихъ не представится большаго затрудненія, уже по одному тому, что въ Турецкихъ областяхъ ни одно селеніе не выдаетъ разбойника; въ противномъ случаѣ оно неминуемо будетъ, рано или поздно, истреблено другими по ремеслу товарищами предааннаго; напротивъ каждое селеніе тщательно скрываетъ подобныхъ людей, предоставляя имъ всякую возможность добраться куда желаютъ, не смотря какой бы онъ области или какого бы происхожденія и исповѣданія ни былъ.

Почему нѣтъ ничего удобнѣе какъ образовать изъ нихъ не только самыхъ вѣрныхъ лазутчиковъ, но и извлечь пользу несравненно важнѣйшую. Люди эти могутъ въ тылу Турецкихъ армій и между корпусами истреблять обозы, перехватывать курьеровъ, разрушать мосты и даже схватывать указанныхъ лицъ, и живыми или мертвыми доставлять ихъ по назначенію. По существующему порядку вещей въ Турецкихъ арміяхъ и въ областяхъ, ими занимаемыхъ, все это болѣе или менѣе возможно. Подобное дѣйствіе можетъ имѣть гораздо большіе еще размѣры при строгомъ соблюденіи всѣхъ необходимыхъ къ тому условій, тѣсно связанныхъ съ полнымъ познаніемъ господствующаго характера въ каждой области и взаимныхъ отношеній всѣхъ долженствующихъ дѣйствовать на этомъ поприщѣ.

• а Дмитрій, бывшій Магометанинъ, но мною окрещенъ, изъ Филиппополя,—въ Букурестѣ. О другихъ не могли мнѣ дать свѣдѣній, но сказывали, что есть еще многіе, какъ напримѣръ: капитаны: Цвѣтко, Стойко-Павловичъ, Шерензгаки, Апостоль Христо (бывшій однимъ изъ мовхъ байрактаровъ) и пр. Ихъ выдали въ Букарестѣ и Яссахъ, но гдѣ живутъ, не знаютъ. Означенныя лица могутъ быть секретно спрошены отъ моего имени, но должно, чтобы они въ этомъ были увѣрены у 14 класса Рок-а-Фукса, находившагося при мнѣ съ 1823 по 1830 годъ неотлучно; его знаютъ всѣ волонтеры. Онъ женился въ Яссахъ и находится тамъ землемѣромъ. Если бы представилась необходимость, то я могу ему написать, чтобы онъ моимъ именемъ указалъ на нѣкоторыхъ волонтеровъ; безъ письма же сего едва ли онъ сдѣлаетъ это. Находяшіеся при отрядѣ нѣкоторое время (они оставили оный по болѣзни) офицеры: С. Петербургскаго Уланскаго полка Штабъ-Ротмистръ Карлызѣевъ и 8 егерскаго полка Поручикъ Дабиничъ могли бы въ этомъ случаѣ содѣйствовать, но я не знаю, гдѣ они находятся; я когда-то слышалъ, что первый въ отставкѣ, а послѣдній былъ Маіоромъ и кажется въ должности дежурнаго штабъ-офицера какого то корпуса; онъ былъ офицеръ отличный во всѣхъ отношеніяхъ; Капитанъ Ясенскій давно умеръ; провіантскій чиновникъ отряда, Сельвани, какъ я слышалъ, былъ также въ отставкѣ и жилъ въ Крыму.

Сверхъ того самые Турки могутъ быть превосходными лазутчиками, а наконецъ и дѣйствовать въ пользу нашу, противу своихъ войскъ и своего правительства; это у нихъ не ново, къ этому они пріобыкли, и это продолжаютъ они дѣлать и по настоящее время, въ разныхъ мѣстахъ. * Въ первомъ случаѣ я приведу только два примѣра изъ начала кампаніи 1829 года. ** Въ Январѣ этого года, узнавъ, что крѣпость Силистрія и правый берегъ Дуная, вверхъ отъ оной, нуждается въ соли, которую всегда получали изъ Валахіи, я донесъ о семъ Генералъ-Адъютанту Киселеву, отъ котораго, 26 Января за № 173, я получилъ предписаніе, въ которомъ, между многими особенной важности порученіями, предписывалось воспользоваться помянутымъ недостаткомъ ощущаемымъ Турками въ соли. Распоряженіе Генералъ-Адъютанта Графа Киселева оправдалось самымъ удовлетворительнымъ успѣхомъ. Я отправился немедленно въ Букарестъ, гдѣ переговорилъ съ откупщикомъ соляныхъ промысловъ, Барономъ Мейтани, уговорилъ его сдѣлать, на малое количество соли, находящейся въ Зимницѣ (противу Никополя), уступку, и въ тотъ же часъ поѣхалъ въ эту послѣднюю. Здѣсь успѣлъ посредствомъ ловкаго лазутчика дать знать Туркамъ, что они могутъ тайно покупать у казаковъ соль, прѣзжая за оною ночью. Скрывъ всѣ признаки своего участія, я отправился на назначенный пикетъ, откуда, по условленному знаку выкропки огня, лодка съ тремя Турками не замедлила явиться на берегу. Здѣсь приготовлено было только 20 окъ (60 фунтовъ) соли. Турки удивились, что она имъ продается въ половину дешевле нежели въ обыкновенное время; между тѣмъ двое изъ бывшихъ со мною Арнаутъ, переодѣтыхъ въ казацкіе шинели, выдавая себя за Крымскихъ Татаръ, разговорились съ ними, подчивая виномъ и водкою. Турки рассказывали имъ все со всею откровенностію, не только то о чемъ ихъ спрашивали, но и обо всемъ, что только знали сами, на счетъ предположеній къ веснѣ и т. д. Испросивъ поз-

* Въ политическомъ обозрѣніи областей—предметъ этотъ излагается.

** Я умалчиваю о кампаніи 1828 года, въ продолженіе которой было множество случаевъ, доказывающихъ точность полученія свѣдѣній отъ самихъ Турокъ, въ особенности же свѣдѣнія о Крымскомъ Татаринѣ М е м е ш е, полученіемъ котораго, можетъ быть, отклонилось весьма важное событіе. Пребываніе мое въ Княжествахъ въ концѣ 1827 и 1828 года доказываетъ, что могутъ доставлять и свѣдѣнія чиновные Турки. Въ свое время это было извѣстно, и здѣсь было бы длинно говорить о семъ.

воленіе прїѣхать на слѣдующую ночь, они явились уже на трехъ лодкахъ, 9 человекъ, привезли мнимымъ Казакамъ и Татарамъ въ подарокъ табакъ, рассказали еще много, и пробывъ почти до разсвѣта, уѣхали. На третью ночь явились опять съ однимъ еще не бывшимъ; адъсь приготовленъ былъ шашлыкъ, и я, желая удержать долѣе одного изъ нихъ (который казался мнѣ понятливѣе прочихъ), поручилъ угощать его больше, такъ что когда собрались ѣхать назадъ, то онъ былъ уже не въ состояніи; я уговаривалъ его товарищей оставить оныяѣлаго у насъ, потому что въ такомъ видѣ онъ можетъ перевернуть и лодку. Татары-Арнауы поклялись Кораномъ, что онъ будетъ тщательно скрытъ въ продолженіи дня и что на слѣдующую ночь они возьмутъ его. Проспавшись, Турокъ чрезвычайно испугался, но когда увидѣлъ мнимыя мѣры предосторожности, предпринятыя будто для его сокрытія, совершенно успокоился, послѣ чего не трудно было уговорить его ѣхать въ Зимницу, надѣвъ бурку и вмѣсто чалмы фуражку. Я велѣлъ приготовить, въ особенной гостинницѣ, для насъ помѣщеніе, гдѣ провели мы цѣлый день, угощая Турка, но давая пить сколько нужно было, чтобъ сдѣлать его разговорчивѣе. Онъ совершенно удовлетворилъ всему желаемому, обѣщая и на будущее время сообщать, если что будетъ нужно, присовокупляя, что пора кончить войну, что она для нихъ гибельна и т. п. Ночью я отвезъ его на пикетъ, скоро явились опять тѣ же лодки, остававшійся Турокъ перевозилъ наше гостепримство, бранилъ вмѣстѣ съ прїѣхавшими за нимъ Султана, и все изъявляли желаніе даже намъ помогать и пр. Снабдивъ ихъ на этотъ разъ солью совершенно бесплатно, я сказалъ, что на слѣдующую ночь нашъ пикетъ смѣнится другими, а потому чтобъ они не прїѣзжали болѣе, покуда опять не дойдетъ до насъ очередь стоять на этомъ пунктѣ. Они намъ отдали весь бывший съ ними табакъ и отправились обратно. Такимъ образомъ червонцевъ за двадцать получены были такія свѣдѣнія и съ такою точностію, что для пріобрѣтенія оныхъ никакой суммы не было бы достаточно.

Когда я стоялъ съ отрядомъ въ Туртукаѣ, посѣщавшіе меня Турки извѣстили, что Скордскій Паша имѣетъ намѣреніе дѣйствовать вопреки начавшихся переговоровъ въ Адрианополѣ; я немедленно донесъ о томъ со всеми подробностями Генераль-Адъютанту Графу Киселеву, командовавшему правымъ флангомъ арміи въ Букарестѣ. Его Сіятельство препроводилъ это къ Главнокомандующему, но тамъ не повѣрили, и я получилъ за это извѣстіе родъ замѣчанія, но велѣдъ за симъ событія оправдали это свѣдѣніе.

Распросы плѣнныхъ Турокъ (когда ихъ дѣлаеть не Фанаріотъ и не Перотъ и вообще не Грекъ), если это будетъ производиться сообразно съ ихъ свойствами и привычками, могутъ дать полезный результатъ. Подъ Шумлюю я не разъ доказывалъ это. По моему убѣжденію, Турки не только что могутъ служить весьма важнымъ пособіемъ къ собранію свѣдѣній объ ихъ самѣхъ, но и могутъ легко быть направлены къ открытому намъ содѣйствію въ этомъ случаѣ; изъ приближенныхъ къ театру нашей войны, должны обратить на себя вниманіе Турки пространнаго Дели-Орманскаго гѣса. Въ политическомъ обзорѣніи областей и въ дѣйствіи отряда волонтеровъ-партизанъ объ этомъ говорится подробнѣе.

Самые распросы выходцевъ, дезертировъ и плѣнныхъ, въ войнахъ съ Турками, требуютъ положительнаго знанія свойствъ и характера этого народа, не только общаго, но и частнаго по племенамъ. * Турка нельзя спрашивать тѣмъ же способомъ какъ Грека, Болгара—какъ Армянина, Еврея—какъ Цыгана, Сербана—какъ Валаха, Босняка—какъ Албанца и т. д. Малѣйшее невниманіе къ ихъ обычаямъ можетъ повлечь за собою иногда самыя пагубныя послѣдствія. При томъ много значить у различныхъ обитателей Турецкой Имперіи и происхожденіе лица, которое ихъ спрашиваетъ. Турокъ будетъ рассказывать съ большею откровенностію драгоману, находящемуся при арміи, если драгоманъ этотъ Перотъ или Фанаріотъ; но будетъ воздерженъ, если онъ Грекъ (то есть Мореіотъ или другой); напротивъ того, Сербъ, Валахъ и Болгаръ скорѣе будутъ откровенны со всякимъ, если онъ не Фанаріотъ или не Перотъ, которыхъ впрочемъ они не различаютъ и отъ другихъ Грековъ. Примѣровъ тому множество. **

* Равнымъ образомъ условія канитуляціи и т. п. не могутъ быть производимы одинаково со всякимъ непріятелемъ. Подобныя сношенія съ Турками особенно отличаются отъ всѣхъ прочихъ и неотлѣнно требуютъ совершеннаго знакомства съ ихъ понятіями.

** Кто былъ поды Шумлюю въ 1828 году, тотъ вѣроятно помнитъ торжественное тому доказательство. 27 Августа рано утромъ, схвачено было казаками три Турка и два Болгара. Когда они были приведены ко мнѣ на аванпосты, я снялъ съ нихъ допросы, и по обыкновенію велѣлъ ихъ кормить и поить находившимся у меня агентами, съ тѣмъ, чтобъ удобнѣе вступить въ разговоръ. Во время обѣда принесли мнѣ къ подписи эти допросы, и я велѣлъ тотчасъ же ихъ, вмѣстѣ съ плѣнными, отправить въ Главную Квартіру. Въ слѣдъ за симъ подошелъ ко мнѣ одинъ изъ моихъ Арнаутъ и тихо сказалъ мнѣ, чтобъ одного изъ Бол-

Независть Славянскихъ областей къ Грекамъ усилилась еще болѣе, когда Турки, разрушивъ Восточную Имперію, утвердились въ оной. Съ того времени коварство, внушаемое имъ фанаріотами, содѣлалось душою политики Оттоманской Имперіи. Султаны оправдывали совѣсть свою въ нарушеніи клятвъ ложнымъ толкованіемъ Корана, какъ въ отношеніи къ иностраннымъ Государствамъ, такъ и въ

гарь не отправлять, потому что онъ рассказываетъ что-то очень важное, и что ласками онъ согласится объяснить мнѣ оное. Я велѣлъ его оставить, и когда другіе были отправлены, Болгаръ былъ введенъ ко мнѣ въ палатку. Въ это время обѣдалъ у меня Адъютантъ Генераль-Адъютанта Графа Киселева, Князь Урусовъ (нынѣ Военный Губернаторъ въ Нижнемъ Новгородѣ). Усадивъ Болгара, я далъ ему кофею и трубку; тогда онъ рассказалъ слѣдующее: что прошедшую ночь Турки уже собрались за часъ до разсвѣта, съ значительными силами напасть на центральные наши редуты № № XII и XXVII, между тѣмъ какъ шестытысячный отрядъ изъ конницы долженъ былъ обойти ночью нашъ лѣвый флангъ и со стороны Касапы ударить въ тылъ онаго, но что предпріятіе это не было приведено въ дѣйствіе по одному обстоятельству и отложено къ непремѣнному исполненію на слѣдующее утро (28 Августа.) Я немедленно отправилъ Болгарина этого, вмѣстѣ съ показаніемъ, въ Главную Квартиру, на лошади, куда въ слѣдъ поѣхалъ и Князь Урусовъ, свидѣтель происходившаго. Часа чрезъ полутора я найпоспѣшнѣйше былъ потребованъ въ Главную Квартиру, гдѣ мнѣ Графъ Дибичъ и Графъ Киселевъ объявили, что Болгаринъ отказался отъ словъ своихъ и на всѣ дѣланые ему вопросы Драгоманомъ дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Ф..... отозвался незнаніемъ. Всѣ были того мнѣнія, что при спросѣ его мною на аванпостѣхъ произошло недоумѣніе и даже вымыселъ. Одинъ только Генераль-Адъютантъ Графъ Киселевъ думалъ иначе и счелъ нужнымъ прояснить это обстоятельство, почему тотчасъ и потребовалъ меня съ аванпостовъ. Я былъ удивленъ происшедшимъ, и когда Ф..... въ присутствіи Графа Дибича и Графа Киселева утвердительно сказалъ мнѣ, что Болгаринъ на всѣ его вопросы рѣшительно отозвался незнаніемъ всего того, что было въ моей запискѣ, тогда я просилъ, чтобъ Болгаринъ былъ тотчасъ же приведенъ на очную ставку съ Ф..... Это было немедленно исполнено, въ палаткѣ Графа Дибича, въ присутствіи Фельдмаршала Графа Киселева и нѣкоторыхъ другихъ. Лишь только Болгаринъ увидѣлъ меня и Арнаута, которому онъ первому объявилъ о намѣреніи Турокъ, то немедленно повторилъ все мнѣ сказанное, указывая изъ палатки на упомянутые редуты. Ф..... въ недоумѣніи, поставленный въ непріятное положеніе, обратился къ Болгару съ упрекомъ, называя его даже шпиономъ и пр. утверждая, что это выдумка и т. д. Болгаръ весьма хладнокровно и съ улыбкою отвѣчалъ ему, что онъ его объ этомъ не спрашивалъ (въ послѣдствіи Болгаръ сказалъ мнѣ, что онъ болдся этого господина, т. е. Ф..... столько же какъ и Турокъ, при которыхъ не хотѣлъ объявить сего и просилъ отправить ихъ отъ меня прежде). Послѣ всего этого, мнѣнія были еще раздѣлены, ибо Ф..... доказывалъ несомнительность показаній. Но Графъ Киселевъ настоялъ сдѣлать немедленно распоряженіе къ усилю упомянутыхъ ре-

жестокостяхъ, которыя они употребляли въ покоряемыхъ областяхъ, преимущественно же въ Славянскихъ. Въ этомъ Славяне обвиняютъ болѣе Фанариотовъ, которые посредствомъ пронырствъ и предательства, достигнувъ до высшихъ степеней при дворѣ Султана, успѣли достигнуть и до преобладанія полною довѣренностью Визирей и Ряджаловъ. Притворная терпѣливость этихъ Грековъ, низкое ихъ порабоженіе владыкамъ своимъ, всегдашняя готовность слѣдовать за ихъ бунчугами въ званіи толмачей (драгомановъ), шпионовъ, примирителей, помогали доказывать Оттоманамъ преданность и приверженность ихъ къ Блистательной Портѣ; напротивъ того, правильную строптивость Славянъ представляли они вельможамъ Порты какъ необузданность и неукротимость. Сами же, достигая до степеней великихъ Драгомановъ, Господарей Молдавіи и Валахіи, Князей или Беевъ разныхъ острововъ, Каймакановъ и т. п., при первомъ удобномъ случаѣ нарушали присягу въ вѣрности, даваемую всенародно, въ присутствіи самаго Патріарха, на Св. Евангеліи. Изъ личныхъ своекорыстныхъ видовъ они содѣлывались измѣнниками, не упуская при томъ тѣснить и давить народъ обоихъ Княжествъ и другихъ областей, куда они, какъ откупщики, являлись всегда съ многочисленной стаей, голодныхъ и голыхъ своихъ родственниковъ, долженствовавшихъ занимать прибыльнѣйшія мѣста при временномъ управле-

датовъ артиллерією и пѣхотою; отправлены были конгревовыя ракета и приняты всѣ другія надлежащія мѣры. Показаніе Болгара оправдалось вполнѣ; за часъ до разсвѣта, 28 Августа, Турки, подойдя въ темнотѣ къ помилуемымъ редутамъ, стремглавъ бросились на нихъ съ необыкновенною яростію, такъ, что несмотря на всѣ распоряженія, сдѣланныя къ встрѣчѣ ихъ въ названный моментъ, многіе успѣли уже взобраться на валы. Будучи отбиты, но побужденные картечью, пущенною въ бѣгущихъ по приказанію Гуссейнъ Али-Паши, они съ новымъ ожесточеніемъ бросились опять на редуты, но также безъ успѣха. На разсвѣтѣ появилась на флангѣ нашемъ и Турецкая конница; но какъ редуты были удержаны, то и она возвратилась. Такимъ образомъ, если бы не сдѣлано было новыхъ распоряженій на основаніи показанія Болгара, которому многіе не вѣрили, то редуты были бы навѣрное взяты, и тогда армія наша, стлавшая уже лѣвый флангъ свой въ Ески-Стамбула и даже въ Мараша и Касапы, была бы разрѣзана на двѣ половины и едва ли бы могла удержать свою позицію и даже оставаться при наблюденіи Шумлы, чтобъ прикрывать этимъ осадѣ Варны. Обстоятельство это представлялось тогда чрезвычайно важнымъ, ибо угрожавшая опасность была видима. По окончаніи дѣла, я былъ потребованъ въ Главную Квартіру, гдѣ Фельдмаршалъ и Графъ Дибичъ среди всего штаба и другихъ, предъ палатками, благодарили меня, обнявъ по нѣскольку разъ.

нiя ихъ. Развращенiе нравовъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, столь глубоко виоренено ими въ туземныхъ жителей Славянъ Молдави и Валахи, что не скоро еще изгладятся слѣды пагубнаго ихъ владычества. Нарушенiе клятвъ, въ оправданiе чего Господари выставляли всегда причиною религiю, не только навлекало неминуемо месть на области, но и утверждало злобу Магометанъ противъ всѣхъ вообще Христанъ, которыхъ они, не различая Грековъ отъ Славянъ, называли всѣхъ вообще невѣрными въ храненiи святости присяги.

Отнятiе дѣтей, обращенiе ихъ въ мусульманство или наполненiе ими гаремовъ, были частными дѣйствiями подозрѣнiй, внушаемыхъ Греками. Каждое возмущенiе Славянъ служило имъ способомъ къ отягощенiю еще большимъ ярмомъ своихъ единовѣрцевъ. Казалося, будто частное благо каждого Славянина уменьшало благо всѣхъ Грековъ. Вотъ причины ненависти, которую всѣ Славянскiя племена, поселившiяся на Юго-Западѣ Европы, не престають питать къ Грекамъ. Я не буду здѣсь говорить, что эта ненависть существовала уже до появленiя Оттомановъ въ Европѣ; вѣроломные поступки Восточныхъ Императоровъ, въ отношенiи къ воинственнымъ Славянскимъ племенамъ, были поводомъ къ этой ненависти. Она усилилась во время порабощенiя страны сей Оттоманами, она питается до сихъ поръ потому, что Греки и понынѣ исполняютъ въ земляхъ, обитаемыхъ Славянами, должности лазутчиковъ и предателей. Ненависть къ Грекамъ этихъ племенъ столь сильно вкоренилась въ нихъ, что они приписываютъ имъ причины всѣхъ бѣдствiй, ихъ постигшихъ съ самаго начала ихъ поселенiя въ тѣхъ странахъ, до настоящихъ временъ. Они всѣ вообще предпочитаютъ лучше быть подъ игомъ Османлиевъ, чѣмъ видѣть Грека своимъ властителемъ. Протекутъ вѣка прежде истиннаго примиренiя этихъ народовъ; этого чувства достаточно было, чтобы заставить Серба, Болгара, Албанца, Черногорца и прочихъ равнодушно смотрѣть на подвиги (въ 1821 и 1828 годахъ) героевъ Эллады, Пелопонеза, Эгеи и Ionii; даже радоваться ихъ неудачамъ и сожалѣть объ успѣхахъ. Каждая страница исторiи Оттоманской Имперiи послѣднихъ вѣковъ представляетъ убѣдительныя доказательства всему сказанному.

Таковы отношенiя Славянскихъ племенъ въ продолженiе двѣнадцати вѣковъ къ обитающимъ въ Турцiи Грекамъ. Отношенiя эти сроднились съ характеромъ каждого Славянина тѣхъ мѣстъ, ибо въ продолженiе, повторяю, двѣнадцати вѣковъ, они не преставали усиливать эту ненависть, которая течетъ въ ихъ крови, и чувства этого

они не въ силахъ уже потушить въ себѣ. Я умалчиваю здѣсь о всѣхъ угнетеніяхъ, которыя Славяне претерпѣваютъ отъ Греческаго Духовенства, не буду говорить о коварствѣ многихъ дипломатическихкихъ лицъ, изъ Грековъ, которыя отягощали нѣкоторыя Славянскія племена; не упомяну и о Перотахъ, которыхъ Славяне не отличаютъ отъ Грековъ или Фанаріотовъ, и которые были столь пагубны для народовъ, гдѣ эти достойные сподвижники Фанаріотовъ употреблялись. Все это, какъ принадлежащее къ политическому обозрѣнію областей, тутъ мѣста имѣть не можетъ. Здѣсь же я хотѣлъ только указать, сколь опасно употреблять Фанаріота, Грека и Перота въ сношеніяхъ съ Славянами Турецкихъ областей. Эти люди должны быть вовсе устранены отъ подобныхъ порученій; во первыхъ, на нихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя положиться относительно ихъ нравственности, образованной на поприщѣ интригъ и ухищреній Фанара и Перы, съ которыми связи ихъ неразрывны и прекращаются только смертію. Ихъ родственники, ихъ друзья, ихъ взаимныя отношенія и у многихъ имущество находятся въ Перѣ и Фанарѣ, и конечно все ихъ благосостояніе зависитъ болѣе отъ благосостоянія Порты, чѣмъ государства, которому они кажутся служащими. Пагубное вліяніе этихъ выродковъ болѣе всего видимо въ Придунайскихъ Княжествахъ. Во вторыхъ, на нихъ нельзя положиться и потому, что они ненавидимы въ краѣ, въ которомъ должны дѣйствовать, и нельзя ручаться, чтобы Сербъ, Болгаръ и т. п., направленный Фанаріотомъ для доставленія какого либо свѣдѣнія, не доставилъ бы онаго совершенно въ превратномъ видѣ, съ единственною цѣлію повредить ему.

Употреблять же Фанаріота для подобныхъ порученій, съ цѣлію знать происходящее только въ Княжествахъ, значить, искать быть обманутымъ на каждомъ шагѣ, завлеченнымъ въ сѣти и не замѣтнымъ образомъ содѣлаться его агентомъ, чтобъ содѣйствовать ему обогащать себя, запутывать все, противопоставлять одного противу другаго, затруднять исполненіе всѣхъ принимаемыхъ мѣръ къ проволочеству и т. п., ибо, по духу и свойствамъ Фанаріотовъ, это именно ихъ элементъ, и только въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, которыя они съ удивительною ловкостію порождаютъ, они находятъ болѣе удобствъ къ извлеченію собственныхъ своихъ выгодъ и увеличивать число недовольныхъ на правительство. Не трудно привести всему сему примѣры.

Несомнѣнно, что въ настоящее время устройство тайной по-

лиция въ Княжествахъ есть необходимость, которая, по множеству обстоятельствъ, ни на минуту не должна быть откладываема. Идеи, развитыя Сенъ-Маркъ-Жирарденомъ (извѣстнымъ поборникомъ мятежниковъ Польскихъ), въ 1836 году посѣщавшимъ Княжества * и напечатавшимъ по возвращеніи своемъ въ Парижъ въ нѣсколькихъ нумерахъ *Journal des Débats* длинный рядъ писемъ, скоро дали нлодь. Съ тѣхъ поръ, Бояры, прежде интриговавшіе чрезъ своихъ Чокоевъ, начали сами составлять партіи; введенный регламентъ представлялъ имъ пространное къ тому поприще; при самомъ введеніи, оппозиція эта уже обнаружилась, но энергическія мѣры Графа Киселева разсѣяли оную, если не могли окончательно потушить. Съ отъѣздомъ Графа, она болѣе и болѣе усиливалась; каждый годъ ознаменовывался, въ обоихъ Княжествахъ, какими либо подобными событіями, болѣе или менѣе важными. Раздраженіе народа усиливалось въ Молдавіи грабительствами Господаря Михалаки Стурдзы; въ Валахіи Господарь Александръ Гика, самъ чуждый сего, далъ полную свободу Боярамъ. Такъ какъ самъ онъ лично болѣе другихъ былъ преданъ Россіи, то оппозиція противъ него тѣмъ скорѣе усилилась. Последнія съ нимъ происшествія, лишившія его княженія, были первымъ успѣхомъ оной. Ободренная симъ, она сдѣлала болѣе съ Бибескомъ; изступленіе милиціи и главной массы, оставшейся глухою къ рѣчамъ самаго Митрополита, вынудили и его наконецъ пристать къ мятежникамъ съ болѣею частію Бояръ. Княжества сдѣлались центромъ демагоговъ всѣхъ странъ, ибо нигдѣ они не были столь обезпечены отъ надзора какъ тамъ. Княженіе Стирбея утвердило еще болѣе этотъ духъ якобинизма. Бибеско и Стирбей (первый пошлый д...ъ, другой извѣстный Іезуитъ), потомки Бранкована, предателя Петра Великаго на Прутѣ, оба питаютъ тайную вражду къ Россіи. Последний видимо покровительствовалъ отъявленнымъ демагогамъ и внималъ рекомендаціямъ Фуадъ-Ефенди, Омеръ-Паши, Англійскаго и Французскаго Консуловъ въ раздачѣ мѣсть, лишая таковыхъ тѣхъ, которые казались преданными Россіи. ** Пребываніе въ Букарестѣ Фу-

* Я въ одно время съ нимъ былъ и въ Яссахъ и въ Букарестѣ; на одномъ изъ обѣдовъ, данныхъ Гетманомъ Тодоромъ Валашемъ, одинъ изъ первоклассныхъ Бояръ Верникъ Василій Болонеска Россетъ предложилъ тотъ соединеніи депутатовъ береговъ Сены съ депутатами береговъ Баллуя и пр. Оглушительные возгласы послѣдовали этому току.

** Въ политическомъ обзорѣни При-Дунайскихъ Княжествъ предметъ этотъ разсмотракъ подробно.

адъ-Эфенди обворожило многихъ, сдѣлало его идоломъ первоначальныхъ дамъ Княжествъ,* доставило ему возможность сдѣлать связи съ нѣкоторыми Боярами и съ значительными Фанариотами, живущими въ Молдавіи и Валахіи. Омеръ-Паша, нынѣшній Главнокомандующій, также сдружился со многими. Пусть вспомнятъ разсадникъ Геліада и Пойнара въ Валахіи, Асаки и Когольничана въ Молдавіи. Къ этому должно присоединить образовавшійся въ Лондонѣ, по примѣру Поляковъ, Венгерцевъ и Итальянцевъ, демагогическій клубъ изъ Валахскихъ Бояръ и духовныхъ лицъ. Клубъ этотъ вмѣщаетъ въ себя одного изъ самыхъ рьяныхъ сподвижниковъ Бояра Дмитрія Братьяно,** подписывающаго всѣ воззванія (изъ коихъ, будучи за границею въ 1851 году, я видѣлъ таковое выпущенное въ Августъ того же года.) Переписка его съ Лордомъ Дудлей-Стюартомъ въ 1853 году и отвѣты Лорда, что онъ не упуститъ случая всколыхать этотъ предметъ въ Нижней Палатѣ, и не сомнѣвается, что положить предѣлъ деспотизму, даетъ наставленіе какимъ образомъ Княжества должны поступать и т. п. Въ Парижѣ, Валахское демагогическое отдѣленіе напечатало въ Юнѣ 1853 года протестъ противу занятія нашими войсками Княжествъ, взываетъ къ возстанію земляковъ, а Францію, Англию и Турцію къ поддержанію ихъ. Этотъ длинный протестъ напечатанъ и въ газетахъ и особенно брошюрою въ большемъ развитіи. Протестъ этотъ подписали: Болякъ (просто Полякъ) градской глава Букуреста, Стефанъ Голеско и К. А. Росетти, члены временнаго правительства въ 1848 году; Иосафъ Архимандритъ, И. Е. Войнеско—Министръ Статсъ-Секретарь.*** Дерзкія выраженія во всѣхъ этихъ воззваніяхъ, протестахъ и прокламаціяхъ, способны однакоже поколебать нѣкоторую часть обитателей Княжествъ. Пусть не усыпляютъ бдительности и не вдаются въ обманъ

* Независимо частныхъ свидѣній, мною слышанныхъ отъ Бояръ въ 1851 году въ Карлсбадѣ и въ Вѣнѣ, можетъ служить доказательствомъ напечатанная въ 1850 году книга: *La Valachie moderne par la Princesse Auguste Ghika*

** Братъ его Иванъ Братьяно, въ Парижѣ, также извѣстный демагогъ. Другія подробности относятся къ политическому обозрѣнію Придунайскихъ Княжествъ.

*** Исключая перваго и Архимандрита, котораго зналъ по слышанію, съ остальными я близко былъ знакомъ и въ послѣдній разъ всѣхъ ихъ видѣлъ въ 1836 году. Неужели въ настоящихъ обстоятельствахъ не найдутъ возможности всѣхъ ихъ захватить. Это не трудно было бы сдѣлать.

тѣ, которымъ все кажется улыбающимся.* Пусть вспомнить необыкновенное явленіе въ Молдавіи, когда, въ 1831 году, часть поселянъ, прилегающихъ къ границамъ Трансильваніи, будучи возбуждена Боярами, возстала противъ распоряженій нашего правительства въ Княжествахъ, и дерзнула вступить въ перестрѣлку не только съ казачишъ пикетомъ, но и съ пѣхотнымъ..... Народъ тамъ смиренъ самъ по себѣ, но легко подстрекается. Къ сему должно присоединить тайныя происки агентовъ нѣкоторыхъ консулатовъ, въ томъ числѣ разныхъ лицъ, живущихъ по селеніямъ и едва ли достаточно извѣстныхъ мѣстнымъ полицейскимъ властямъ, которыя впрочемъ могутъ и не желать открытія оныхъ; все это, съ множествомъ другихъ обстоятельствъ, требуетъ бдительнѣйшаго надзора за всѣмъ, что тамъ происходитъ. Это важно и для сохраненія способовъ края, съ истощеніемъ которыхъ пребываніе наше тамъ будетъ затруднительно и повлечетъ растрату огромныхъ суммъ. Бояре легко склоняются къ совѣтамъ враговъ Россіи; это началось со времени заключенія Букурестскаго мира въ 1812 году, и съ тѣхъ поръ многіе изъ нихъ не разъ подозрѣваемы были въ разныхъ козняхъ, хитро ими сплетенныхъ, въ которыя не всякій Европейскій дипломатъ, если онъ близко не знакомъ съ краемъ, проникнетъ и избѣгнетъ сѣтей, искусно разставленныхъ **

Впрочемъ въ Княжествахъ тотъ, на кого возложится этотъ надзоръ, если онъ будетъ знать свойства обитателей разныхъ происхожденій (легко ускользающихъ отъ наблюденій лицъ, не съ давняго времени знакомыхъ съ обычаями туземцевъ и отношеніями партій, которыя образуются вокругъ каждаго Бояра, его вліяній и т. п.) не встрѣтитъ большаго затрудненія въ разъясненіи всего, что можетъ относиться не только до внутренняго состоянія умовъ, интригъ, происковъ и ухищреній, но легко распространить это и внѣ Княжествъ. Бояре Княжествъ не требуютъ тѣхъ строгихъ мѣръ, которыя въ подобныхъ случаяхъ принимаются въ другихъ странахъ. Бояръ обезоруживается тотчасъ, коль скоро увидитъ, что онъ понятъ, тогда внезапно перемѣняетъ онъ даже свой образъ мыслей и готовъ дѣйствовать по тому направленію, которое ему дадутъ. Тамъ не трудно, при точномъ знаніи личностей и связей, заставить всякаго об-

* Такъ за два часа до внезапнаго возстанія, Вѣнскіе вельможи думали видѣть безсиліе злонамѣренныхъ, и наконецъ должны были искать спасенія.

** Предметъ этотъ имѣетъ мѣсто въ политическомъ обозрѣніи Княжествъ.

наружить дѣйствія его отца, сына, брата- и т. п. Женщины тамошнія могутъ содѣйствовать съ особенною пользою къ тому, чтобъ проныкать въ самыя тайныя сношенія своихъ мужей, братьевъ, обожателей, если только засѣять ловко въ нихъ ревность, сильнѣйшую страсть послѣ корыстолюбія; тогда нѣтъ жертвы, которую бы женщины тѣхъ мѣстъ не принесли. * Арнауты или ѣздовые суть люди, коимъ извѣстны всѣ тайны господъ. Вообще они неподкупимы деньгами; но къ кому имѣютъ личную довѣренность, тотъ легко можетъ склонить ихъ на свою сторону обѣщаніями, въ особенности ничто ихъ такъ не прельщаетъ, какъ надежда быть капитаномъ (смотрителемъ) какаго либо мѣстечка, перевоза, почты, базара и т. п. Все это я говорю по опыту.

По моему убѣжденію, для успѣшнаго дѣйствія по всѣмъ вышеизложеннымъ предметамъ, то есть 1-е по собранію свѣдѣній о правомъ берегу Дуная въ тѣхъ размѣрахъ, которые угодно будетъ начертать Правительству, хотя бы это было и для образованія, какъ замѣчено выше, вооруженныхъ лазутчиковъ между самими Турками, и 2-е, по наблюденію въ самыхъ Княжествахъ за тѣми, которые могутъ быть подъ вліяніемъ иноземцевъ и въ сношеніяхъ, какъ съ ними собственно, такъ и чрезъ нихъ съ Турками (что несомнѣнно есть) и наконецъ на открытіе собственно лазутчиковъ, подозрительныхъ людей и т. п.; словомъ, въ полномъ значеніи слова, по предмету развѣдыванія высшей заграничной и внутренней, въ Княжествахъ, полиціи, можно не иначе достигнуть, какъ официальнымъ назначеніемъ Генераль-Полиціймейстера При-Дунайскихъ Княжествъ, лица непременно военнаго, чрезвычайно дѣятельнаго, не стараго и крѣпкаго сложенія, ибо обязанности его будутъ требовать усиленныхъ трудовъ и частыхъ разъѣздовъ. Онъ предварительно долженъ знать вполнѣ край и его особенности потому что, не зная совершенно ни онаго, ни Турокъ, и всего до нихъ относящагося, онъ не можетъ направлять и агентовъ; ему необходимо имѣть точное знаніе о всѣхъ связяхъ; проницательный человекъ изъ этого можетъ извлечь неисчислимую пользу для своихъ занятій; имѣть за собой заслуги, извѣстность отваги, потому что могутъ представляться такіе случаи, гдѣ эта послѣдняя увѣнчиваетъ предпріятіе, а при томъ онъ долженъ будетъ имѣть дѣло часто съ такими людьми,

* Смотри тамъ же.

какъ упомянуто выше, которыхъ одна лишь извѣстность его отваги подчинить ему безусловно, какъ бы они ни были буйны, ибо въ понятіи этихъ людей она одна составляетъ право власти. * Онъ долженъ быть характера энергическаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кроткаго, свойствъ вкрадчивыхъ и общежительныхъ, ибо нигдѣ болѣе, при подобной должности, это не представляется до такой степени необходимымъ какъ въ обоихъ Княжествахъ. Образъ жизни его не долженъ быть роскошный, но неотмѣнно открытый каждый вечеръ, гдѣ бы онъ ни случился во время переѣздовъ своихъ. Онъ долженъ собирать вокругъ себя разнородные кружки, чтобы вести съ ними веселія и откровенныя бесѣды. Въ этихъ бесѣдахъ и въ особенности при непреодолимой страсти Бояръ къ карточной игрѣ (въ которой онъ не долженъ участвовать въ извѣстной степени) каждый обнаружитъ свой характеръ болѣе чѣмъ въ другихъ случаяхъ. Для зоркаго наблюдателя иногда одно слово имъ увлеченное поведетъ къ важнымъ открытіямъ, если онъ будетъ умѣть ловко схватить нить.

Офіціальная обязанность Генераль-Полиціймейстера должна заключаться въ обыкновенныхъ дѣйствіяхъ полиціи, то есть онъ будетъ надзирать какъ Инспекторъ всѣхъ мѣстныхъ полицій городскихъ и земскихъ. Это дастъ ему возможность скоро вникнуть во многіе предметы, ознакомиться съ многими лицами, необходимыми для тайной цѣли его назначенія. Если можно выразиться сравненіемъ, то обыкновенная полиція съ своею пожарною командою конечно должны бдительна и неуспынно стоять на стражѣ, смотрѣть не развлекаясь ничѣмъ, чтобы при малѣйшемъ признакѣ подать вѣсть и двинуть мѣры Правительства; но не всегда пожаръ обнаруживается вспышкой пламени, не всегда обозначается и дымомъ, часто тлѣетъ онъ малою искрою гдѣ нибудь внутри зданія и тогда можно бѣ было его затоптать ногой, если бѣ эта искра была примѣчена заблаговременно; или нѣтъ даже еще и искры, но въ домѣ господствуетъ крайняя неосторожность съ огнемъ, или собрано множество удобовоспламеняемыхъ матеріаловъ, иногда безъ намѣренія, а иногда съ злымъ умысломъ, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ поджечь. Отъ обыкновенной полиціи нельзя и требовать, чтобы она занималась раскрытіемъ и предотвращеніемъ всѣхъ подобныхъ случаевъ, подготовляющихъ

* Одни уже эти качества отымають возможность Фанариоту, Пероту, Греку или Валаху занимать съ пользою это мѣсто.

пожары, иначе она уклонится отъ прямой своей цѣли, состоящей въ усмотрѣннн и погашеннн самыхъ пожаровъ. Между тѣмъ высшая тайная полиція, обращая вниманн на все, содержитъ Правитель-ство въ полной извѣстности обо всемъ и чрезъ то даетъ оному воз-можность не чувствительнымъ образомъ разбивать грозу, прежде чѣмъ она разразится.

Въ качествѣ какъ Генералъ Полиціейстера, каждый его прїездъ, куда бы то ни было, не обратитъ никакого особеннаго вниманн, не возбудитъ дальнѣйшихъ подозрѣнн, ибо вездѣ есть или городскія или земскія полиціи, вездѣ слѣдовательно прїездъ его можетъ имѣть естественное простое объясненн. Онъ вездѣ будетъ подавать отъ себя руку помощи, когда представится къ тому поводъ, и онъ бу-детъ врямой начальникъ, и ему не нужно прибѣгать къ открытымъ листамъ, которые, какъ я знаю по опыту, часто болѣе вредятъ, чѣмъ оказываютъ пользу. Обязанность эта доставитъ ему возможность ока-зывать иногда покровительство притѣсняемымъ городскими Агами или Цынутными Исправниками, а чрезъ то уменьшится число не довольныхъ и прїобрѣтутся люди готовые, въ знакъ признательности, содѣйствовать ему въ дѣлахъ болѣе важныхъ. Разѣзжая вездѣ, онъ будетъ окомъ главнаго Начальника края, который чрезъ него легко мо-жетъ давать тому или другому классамъ то направленн, которое за-благоразсудитъ. Генералъ-Полиціейстеръ долженъ быть обязанъ обо всемъ доносить ему, какъ о происшедшемъ, такъ и о всѣхъ своихъ главныхъ предположенняхъ. *

Такимъ образомъ эта офнціальная, эта гласная обязанность со-

* По офнціальному занятію онъ долженъ дѣлать это обыкновеннымъ по-рядкомъ. По тайной же обязанности, относительно предметовъ высшей полиціи, собственно въ Княжествахъ доносить—Начальнику оныхъ; о непрнатеѣ же—Главнокомандующему или Начальнику Главнаго Штаба арміи. Но могутъ встрѣ-тнться случаи, которые должны быть извѣстны и Начальнику Княжествъ; въ такомъ случаѣ они докладываются ему или лично, или донесеннми въ собственныя руки, такъ, чтобъ, ня подъ какимъ видомъ оныя, не могли быть извѣстны кому бы то ни было въ канцелярнхъ. Это должно распростра-ниться и на многое, собственно до Княжествъ относящееся. Конечно такой ходъ дѣлъ вооружитъ всю канцелярню противъ Генералъ-Полиціей-стера, но дѣйствуя иначе, нельзя будетъ сохранить тайну, развѣ ловкость Ге-нералъ-Полиціейстера, и прозорливость Начальника Княжествъ устранитъ противудѣйствне бюрократн, которая неотмѣнно будетъ почитать себя оскор-бленною. Никто болѣе меня не испыталъ этого во множе-ствѣ случаевъ, начиная съ 1815 года.

вершено покроетъ главное занятіе Генералъ-Полиціймейстера, по высшей тайной полиціи какъ внутренней, такъ и виѣнней. Ему представится совершенное удобство видѣться и принимать у себя лицъ, которые являясь къ Главному Начальнику обыкновенной полиціи, не навлекутъ на себя подозрѣнія, что они агенты секретной. Ему удобно быть во всякое время на берегахъ Дуная, чтобъ собирать свѣдѣнія въ важныхъ обстоятельствахъ отъ переплывающихъ чрезъ Дунай тайно его агентовъ, въ условное время и въ извѣстномъ мѣстѣ, и переправлять таковыхъ туда. Онъ долженъ спрашивать всѣхъ плѣнныхъ и выходцевъ, ибо при его познаніяхъ, легко онъ можетъ проникнуть во многое. Разумѣется, что независимо приличнаго содержанія и экстраординарной суммы, въ части которой онъ обязанъ отдавать отчетъ, Генералъ-Полиціймейстеръ долженъ избрать себѣ помощниковъ и составить свой штатъ самъ, ибо все должно лежать на его личной ответственности. Словомъ, если часть будетъ такъ образована, тогда отъ главы ея можно всего требовать и всего ожидать.

И. Ливранди.

ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ.

Про Илью Муромца.

1.

(Симбирской губ., Кореунск. уѣзда, села Усть-Урень).

Намъ не жалко пива пьянаго,
Намъ не жалко зелена вина,
Только жалко смиренной бесѣдушки.
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошія
Про старое, про бывалое,
Про стараго казачка, Илью Муромца.
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
По чистому полю похалъ * погуливать.
Не пыль-то въ полѣ запылалася,
Не туманъ-то съ моря подымается,
И не бѣлы снѣжки въ чистомъ полѣ забѣлалася;
А забѣлалася у него буйная головушка,
Со частой со сѣдой мелкой бородушкой,
А затуманился подъ ѣмъ добрый конь,
А запылалася за ѣмъ сила добрая.
И подѣзжаетъ онъ въ тремъ дороженькамъ;
На дороженькѣ лежитъ бѣлъ горючъ камень;
На камушкѣ есть подписано,
Есть подписано и подпечатано:
«По которой мнѣ дороженькѣ идти, ѣхати:
«Во право мнѣ ѣхать—женатому быть,
«А во лѣво ѣхать—богатому быть,

* Похалъ.

«А прямо ѣхать—убитому быть.
 «Мнѣ женатство-то не ко радости,
 «А богатство мнѣ—не къ разуму.
 «Дай поѣду, я поѣду по этой по дороженькѣ,
 «По которой мнѣ убитому быть.»
 И повстрѣчались ему станишнички:
 «Ужь и ой еси вы, станишнички,
 «А по русскому васъ назвать разбойнички!»
 А станишнички сомигнулись,
 Сомигнулись и улыбулися.
 «Вамъ убить то меня не за что,
 «А взять то вамъ съ меня нечево:
 «Камзодецъ на мнѣ во пять сотъ рублей,
 «А колпачекъ на мнѣ во всю тысячу,
 «А коня то на базаръ я не вываживалъ,
 «Цѣнь-то ему не примадывалъ.»
 А станишнички сомигнулись,
 Сомигнулись и улыбулися.
 Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
 Сталъ постряхивать,
 И свой тугой лукъ сталъ натягивать,
 И пуцаетъ свою кленову стрѣлу,
 И пуцаетъ во сыръ во матерый дубъ,
 И рашипъ дубъ во ножевы черенья.
 Станишнички испужалися,
 И веѣ врезъ разбѣжалися,
 Въ третьи суточки на то мѣсто собиралися:
 — Ужь и ой еси старой казакъ,
 — Старой казакъ, Илья Муромецъ,
 — Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
 — Возьми къ себѣ насъ во товарищи,
 — Во. Донскіе во козаченьки! —

(Отъ плотника Егора, — глѣтъ за 50, чедовѣка бывалаго).

2.

(Той же губ. и того же уѣзда, выселокъ Александровка).

Не дорого намъ пива пьянаго,
 А дорога намъ бесѣда смиренная.

Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
 Говорятъ рѣчи хорошія:
 Въ селѣ было во Муромѣ,
 Во деревнѣ было Корочаровѣ,
 Жилъ былъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
 Сынъ Ивановичъ, богатырскій сынъ.
 Онъ просилъ у своего батюшки
 Великаго благословеньица:
 «По дикой степи мнѣ погуляти,
 «Добра коня понаѣздити.»
 Онъ и ѣхалъ путемъ, дороженькой,
 Онъ подѣхалъ къ тремъ дороженькамъ,
 И началъ себѣ думу думати,
 Думу думати, думу крѣпкую:
 «По которой мнѣ будетъ ѣхать дороженькѣ:
 «Ежели по праву ѣхать—богатому быть,
 «А по лѣву ѣхать—женатому быть,
 «А по средней ѣхать—убитому быть.
 «Мнѣ женитьба не ко младости,
 «А богатство мнѣ не къ радости;
 «Дай поѣду я, гдѣ мнѣ убитому быть;
 «Убить-то меня не за что.»
 Подѣзжалъ-же ко Оку рѣкѣ,
 Чрезъ Оку рѣку конь перескакивалъ,
 Рѣзвыхъ ногъ не обмакивалъ.
 Тутъ стояли-же воры и разбойнички,
 По русскому придорожнички.
 Натягаетъ онъ свой тугой лукъ,
 Пускалъ стрѣлу во сырой дубокъ,
 Ращипалъ дубокъ въ ножевыя черевыщи,
 И тутъ воры-разбойники испугались,
 По дикой степи растрѣлялися,
 По камышнички размирялися.

(Отъ крестьянина Кузьмы Ослова, уроженца Нижегород. губ.).

3.

(Той же губ. и того же уѣзда, села Усть-Урень).

Намъ не жалко пива пьянаго,
 Намъ не жалко зелена вина,
 Только жалко смиренную бесѣдушку.
 Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
 Говорятъ они рѣчи хорошія
 Про стараго казачка, Илью Муромца.
 Изъ-за горъ было, горъ высокиихъ,
 Изъ-за лѣсовъ, лѣсовъ темныхъ,
 Не бѣла заря занималася,
 Не красно солнце выкаталося:
 Выѣзжалъ тутъ добрый молодецъ,
 Добрый молодецъ, Илья Муромецъ
 На своемъ конѣ богатырскимъ;
 Побѣдила его головушка,
 Посѣдила его бородушка.
 Ёдетъ онъ путемъ, прямой дорогою,
 Подъѣзжаетъ добрый молодецъ
 Ко тремъ ко дороженькамъ,
 Ко дороженькамъ ко широкимъ.
 На дороженькѣ бѣлъ горячъ лежалъ камень,
 На камнѣ печать положена:
 «По которую мнѣ доброму молодцу
 «Будетъ ѣхать по дороженьку:
 «Есть по средней дорожкѣ ѣхать—быть убитому;
 «По лѣвой сторонушкѣ ѣхать—быть богатому;
 «По правой мнѣ ѣхать сторонушкѣ—быть женатому:
 «Мнѣ жениться не ко младости,
 «А богатство мнѣ не къ разуму;
 «Поѣду, добрый молодецъ, по средней по дороженькѣ.»
 На той на дороженькѣ стоялъ сирѣ матерый дубъ,
 Подъ дубомъ стоялъ ставъ разбойничковъ,
 Ихъ не много, ихъ не мало—сорокъ одинъ человекъ.
 И завидѣли они издалека русскаго богатыря,
 Выходили къ нему по пяти и по десяти человекъ.
 Ихъ сердца на его коня богатырскаго разгорѣлися,
 Межъ себя они разговаривали:
 — Что мы жили, такого коня не видывали:

— Ужь ты стой, постой, добрый молодець!

— Ужь ты стой, постой, Русскій богатырь! —

«Охъ вы братцы, товарищи! Съ меня вамъ взять нечего!

«Я своего коня на базаръ не важивалъ,

«Никто цѣной его не окладывалъ;

«На мнѣ шубенка во пять сотъ рублей,

«На мнѣ шапочка во три сотенки;

«Рукавички на мнѣ въ одну сотенку.»

Вынимаетъ добрый молодець,

Вынимаетъ Илья Муромецъ

Изъ колчана калену стрѣлу,

Натягаетъ тугой лучокъ,

Намѣчаетъ сыръ матерый дубъ:

Онъ раципъ его во мелки кусочки.

Разбойнички всѣ перепугнулись,

Они всѣ врозь отъ него разбѣжались,

На третьи суточки къ нему собралися:

— Ужь ты, добрый молодець, Русскій богатырь!

— Ты поди къ намъ во товарищи;

— Сколько хочешь бери золотой казны,

— Платя цвѣтнаго, лошадей и табуны!

Илья Муромецъ на нихъ разсмѣхнулся:

«Охъ вы, братцы мои, неприятели!

«Не охотникъ я у васъ овецъ пасти;

«Покажите мнѣ дороженьку

«По Черниговъ градъ проѣхати,

«Черезъ горы Сарачинскія,

«Черезъ лѣса, черезъ Брымскіе,

«Гдѣ Соловей стоитъ, самъ разбойничекъ!»

Поѣхалъ Илья Муромецъ,

Поѣхалъ путемъ-дорогою;

Соловей разбойничекъ его завидѣлъ же:

Полетѣлъ и встрѣчаетъ его.

Напустилъ на него громкій свистъ;

Илья Муромецъ на него разгорчился,

Вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу,

И намѣчаетъ онъ Соловья разбойничка,

И сплибъ его какъ овсянаго снопа;

Заложилъ его Илья Муромецъ

Во торока своя крѣпкіе,

И поѣхалъ путемъ прямой дорогою,
Въ Кіевъ градъ Богу помолитися,
Кіевскому князю поклонитися.

У Кіевского князя было собраніе:
Всѣ князья съѣзжались, бояре къ ему.
Илья Муромецъ въ палаты восходилъ,
Поклонился князю Кіевскому.

«Ужь ты что и какой ты богатырь?»

— Богатырь я самъ Илья Муромецъ.—

Кіевскій Князь распрошати его сталъ:

«Ужь ты что есть за такой богатырь?»

«Гдѣ проѣхалъ, проѣзживалъ?»

— Черезъ горы ѣхалъ Сарачинскія,

— Черезъ лѣса! ѣхалъ Брымскіе.—

— Тутъ никто конный не проѣзживалъ,

— Никто пѣший не прохаживалъ?

— А я проѣхалъ, Илья Муромецъ,

— Соловья разбойничка во илѣнь его взялъ?—

Кіевскій Князь сталъ говорить ему:

«Ужь ты Илья добрый молодецъ,

«Возьми его къ себѣ во валадушки,

«Прикажи ему, Илья Муромецъ, посвистати!»

Илья Муромецъ, добрый молодецъ,

Посадилъ его на лѣвую ручешку,

Приказалъ ему посвистати:

«Соловей разбойничекъ посвищи не во весь свистъ,

«Посвищи-ка Соловей разбойничекъ, въ шолсвиста».

Соловей разбойникъ разгордился,

Засвисталъ онъ во весь свистъ—

Во всѣ бесѣдушки люди перепужались.

(Отъ ратника Н. Карпованкова).

4.

(Той же губ. и того же уѣзда, выселокъ Александровка).

Какъ по морю, морю Хвалынецкому,

Плавалъ тутъ корабь ровно тринадцать лѣтъ,

На якорь корабь не останавливался,

И ко берегу корабь не приваливался.

На батюшкѣ, на Соколѣ, на черномъ кораблѣ,
 Было два торго и четыре кабака,
 Было два богатыря сильные, могучіе:
 Первый богатырь—Симеонъ молодой,
 А другой богатырь—Илья Муромецъ.
 На Ильюшенькѣ шубеночка худехонька:
 Лѣва пола въ пять сотъ рублей,
 Правая пола во всю тысячу,
 Всей то шубеночкѣ, цѣны ей нѣтъ.
 Ильюшенька по кораблю похаживаетъ,
 Тросточкой по пуговкамъ поваживается,
 Его пуговики разбѣглися,
 Его петельки разгорѣлися,
 На всякой на пуговкѣ по лютому звѣрю,
 По лютому звѣрю, по заморскому льву.
 Думали-гадали станицинички,
 По русскому назвать-воры, разбойнички,
 Думали-гадали, какъ корабль, разбить
 Корабль разбить, Илью во подонъ взять.
 Его лютые авѣрья разревѣлися,
 Всѣ станицинички перепугалися,
 Во легкія во лодочки по металися,
 По синему по морю разстрѣлялися,
 Въ третій день сходилися,
 И звали его во товарищи:
 — Ты будешь у насъ атаманушкой. —
 «У отца я былъ, у матери,
 «Не охочь я былъ стадо пасти:
 «По лѣсамъ то я не стаивалъ,
 «По дорогамъ-то не ѣзживалъ.
 «Гдѣ мнѣ проѣхать черезъ лѣса Брымскіе,
 «Черезъ лѣса Брымскіе, черезъ горы Сарацинскіе».
 — Тутъ дорога запапа тридцать годовъ:
 — Соловей разбойникъ тутъ гнѣздо свилъ,
 — Гнѣздо свилъ на семи дубахъ. —
 Не доѣхалъ онъ за тридцать поприщевъ,
 Конь его спотыкаться сталъ:
 «Ну-ка ты конь, вороній кормъ!
 Не видавши страсти, ужаста, спотыкаться сталъ!»
 Пріѣзжаетъ ко царю ко Владиміру,

Сидятъ богатыри во бесѣды;
 Входитъ въ палату, молится чужимъ образомъ,
 Поклоняется на всѣ стороны,
 Величаетъ царя Владиміра.

(Отъ 80-ти-лѣтняго старика слѣпца.)

Б.

Какъ во городѣ во Муромѣ,
 Въ селѣ было Карачаровѣ:
 Не сильная погода поднималася,
 Не зелена дубрава разшумѣлася,
 Не бумажные листочки разстилаются,
 Не сыренькой дубочекъ къ землѣ клонится,—
 Тутъ кланяется Ильюша отцу съ матерью,
 Онъ ни просить ни золота, ни серебра:
 «Не надо мнѣ одежды драгоценныя
 Не прошу у васъ закону, молодой жены, —
 Вы пожалуйте мнѣ велико благословеньице
 Мнѣ во Кіевъ ко заутрени,
 Мнѣ во Царь-градъ ко обѣденкѣ,
 Мнѣ послушать четья-пѣнья церковнаго,
 Да еще послушать звону колокольнаго.»
 — Охъ ты гой еси, чадо милое!
 — Молодешенекъ Ильюша похваляется,
 — Какъ во дальнюю дорогу собирается,
 — Эта дороженька не малая,
 — Скоры гонцы гоняють черезъ двѣнадцать дней,
 — Воловымъ шагомъ-два мѣсяца. —
 Поспѣваетъ Ильюша на своемъ добромъ конѣ,
 Не держали Ильюшу ни горы, ни доли,
 Не быстрыя рѣки, ни темные лѣса;
 Погоняетъ своего коня по крутымъ бедрамъ,
 Пробиваетъ у добра коня тѣло до бѣлыхъ костей,
 Поспѣшаетъ Ильюша къ обѣденкѣ.

(Зап. И. Ив. Азутинскій въ Самарѣ.)

Про Добрыню Никитича.

(Елисейск. губ. Минусинск. округа, с. Верхне-Кумебарское).

Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
 Не кудрявая ко сырой да приклоняется;
 Ужь какъ кланяется сынъ да своей матушкѣ,
 Добрый молодець Никитушка Добрыничъ-сынъ
 Что честной вдовѣ Афимѣ Александровнѣ:
 «Ужь ты гой еси, родимая моя матушка,
 «Что честна вдова Афимья Александровна!
 «Ужь ты дай мнѣ ка свое благословеньице,
 «Мнѣ-ка ѣхати да во чисто поле,
 «Что искать себѣ названнаго братами,
 «Что стараго казака да Илью Муромца!»
 — Какъ возговорить ему да родна матушка:
 «Ужь ты гой еси, родимо мое дятатко!
 «На кого ты оставляешь свою матушку,
 «На кого ты покидаешь молоду жену?»
 — Какъ отвѣтъ держалъ добрый молодець:
 «Оставляю я васъ, матушка, на Бога.»
 Что даетъ ему мать свое благословенье:
 «Благословить те Богъ, мое дити родимое!
 «Что на добрыя дѣла и всѣ подвиги!
 «Ужь ты ѣзди-ко дитя во чистомъ полѣ,—
 «Чистехонько, хорошѣхонько!»
 Тутъ началъ сряжаться добрый молодець;
 Онъ въ сѣдельце черкасское коня сѣдлагъ,
 Во уздницу во тесменную зауздывалъ,
 Что бралъ нитку шолку шамаханскаго,
 Да тугой лукъ и калены стрѣлы.
 Осѣдлавши онъ садился на добра коня,
 Самъ возговорилъ таковы рѣчи:
 «Ужь ты гой еси, родима матушка,
 «Что честна вдова Афимья Александровна!
 «Ты жди ко-ся меня ровно три года;
 «Ты не дожدهшься меня ровно въ три года,
 «Ты бери мои золоты ключи,
 «Отырай-ка тогда золоты ларцы,
 «Вынимай мою золоту казну,

«Подавай ее по попамъ, по монашенкамъ,
 «По честнымъ по родителямъ,
 «Поминайте меня добра молодца!
 — А ты гой еси, моя молода жена!
 «Хороша Настасья, дочь Нивулишна!
 «Ужь ты жди меня ровно девять лѣтъ;
 «Если въ девять лѣтъ меня не дождешься,
 «Хоть важужь пойди, хоть вдовой сяди!»
 Ужь какъ видѣли добра молодца, какъ коня сѣдлагъ,
 А не видѣли, какъ съ двора съѣзжалъ.
 Что не пылъ столбомъ поднималася,—
 Одна откопоть оставалася,
 Какъ уѣхалъ Никитушко во чисто поле,
 Добрыничъ свѣтъ во раздольице.
 Онъ годъ ѣдилъ по чистому полю,
 И не можеть наѣхать Ильи Муромца.
 Съ той печали со кручинушан
 Натягаетъ онъ свой тугой лукъ
 И спускаетъ свою калену стрѣлу.
 Улетала та его стрѣлочка
 Во село ко Маринѣ красной дѣвушкѣ,
 Къ красной дѣвушкѣ да во высокъ теремъ,
 Во окошечко во косящатое,
 Во стеколышко во заморское.
 Увидалъ тутъ добрый молодецъ
 Во чистомъ полѣ бабушку задворенку.
 «Ужь ты гой еси, бабушка задворенка!
 «Ты сходи-ка къ Маринѣ красной дѣвицѣ
 «За моей ли то каленой стрѣлой!»
 Тутъ пошла бабушка задворушка скорѣшенью.
 Пришедши ко Маринѣ, красной дѣвицѣ,
 Поклонилась ей низешенько,
 Говорила ей честнешенько:
 «Ужь ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
 «Что послалъ меня къ тебѣ добрый молодецъ,
 «Добрый молодецъ Добрыня Никитичъ сынъ,
 «Велѣлъ онъ тебѣ поклониться,
 «И просить у тебя его калену стрѣлу».
 — Какъ отвѣтила Маринца, красна дѣвица,
 Той ли бабушкѣ задворенкѣ

«Кто эту стрѣлочку застрѣливалъ,
 «Пусть тотъ за стрѣлочкой самъ придетъ.»
 Съ тѣмъ отвѣтомъ бабушка задворенка
 Воротилась во чисто поле
 Ко удалу добру молодцу,
 Ко Никитѣ Добрыничу.
 А Маринка, красна дѣвица,
 Полетѣла вслѣдъ сорокою,
 Чтобы выслушать его рѣчи.
 Говорить ему тутъ бабушка задворенка:
 «Ужь ты гой еси, удалой добрый молодець!
 «Отвѣтила мнѣ Марина красна дѣвица,
 «Что кто ту стрѣлочку застрѣливалъ,
 «Тотъ пусть за стрѣлочкой самъ придетъ.»
 Какъ отвѣтилъ добрый молодець
 Той бабушкѣ задворенкѣ:
 «Я не иду къ ней, сукъ гончія,
 «Ко совѣ заморской, ко змѣѣ семиглавы!»
 Что услышала таковы слова
 Та Марина, красна дѣвица,
 Отъ тѣхъ словъ она осердилась.
 Обернула за то Никитушку,
 Обернула туромъ золоты рога.

Черезъ дальнее перечаильце, (?)
 Шли калыки перехожіи,
 Перехожіи, переброжіи
 До села егородной тетушки,
 Старой дѣвицы, Татьяны Александровны.
 Пришедши къ ней просить милостыню.
 Какъ спроситъ ихъ Татьянушка:
 «Вы отколь идете калыки перехожіи,
 «Изъ какой страны изъ дальнія?» —
 Отвѣчали ей калыки перехожіи:
 «Мы идемъ теперь изъ чиста поля.»
 — «Ужь вы что тамъ въ полѣ видѣли?»
 — Ужь мы видѣли въ томъ чметомъ полѣ
 «Три тура да три великіи,
 «Что единъ-отъ дуръ да золоты рога».

—Говорила тутъ стара дѣвица
Тѣмъ каликамъ переходяимъ:
«Вы послушайте меня, калики переходяи,
«Воротитесь вы въ обратный путь
«Ко Маринѣ, красной дѣвицѣ,
«Вы снесите ей мою грамотку
«И скажите ей со угрозою,
«Чтобы того она тура—золоты рога
«Отвернула бы въ прежній видъ;
«Буде она меня не послушаетъ,
«То я сама подымуся къ ней,
«Оберну ее сорокой бѣлохвостю
«И пуцу летать весь вѣкъ безъ отдыху.»
Тутъ калики послушались,
Низешенько ей поклонилися,
Поклонившись шли въ обратный путь
Къ той Маринѣ, красной дѣвицѣ,
Принесли ей строгу грамотку,
Говорили таковы слова:
«Ужь ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
«Получи отъ насъ къ тебѣ грамотку,
«Отъ родимой твоей тетушки,
«Отъ Татьяны Александровны.»
—Тутъ Марина испугалася,
За ту грамоту робко принималася,
И читала ту грамоту скорешенько.
Прочитавши пошла во чисто поле
И кричала тура-золоты рога.
Прибѣжалъ къ ней туръ, какъ рысь добра.
Тутъ стала она тура уговаривать:
«Ужь ты гой еси, могучій, сильный богатырь,
«Что удалый добрый молодецъ Никитушка!
«Ты возми меня за себя замужъ.»
—Какъ отвѣтъ держалъ добрый молодецъ:
«Ужь ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
«Еще есть у меня молода жена,
«Хороша Настасья дочь Никулишна.»
Тутъ Марина повивялася,
Говорила ему таковы слова:
«Ужь я думала, что ты холость есть.»

Во пути-то во дороженькѣ
 Девять лѣтъ Никитѣ миновалося.
 Его мать родна и молода жена
 Дожидалися, дожидалися,
 Не могли его дождатися.
 А жена то его была умная,
 На ней стали сваты свататься.
 Тутъ позволила его мать родна,
 Позволила ей замужъ идти,
 За Алешеньку за Поповича.
 Повелись тутъ пиры, столы свадебны;
 И поѣхали они ко Божьей церкви,
 Ко святому храму вѣнчатися.
 Провожала ихъ его матушка,
 У высокаго терема съ дубова крыльца
 Горючими слезами заливалася,
 Во слезахъ она рѣчь промолвила:
 «Что не знаетъ-то и не вѣдаетъ
 «Мое милое чадо, Никитушка,
 «Что идетъ замужъ его молода жена
 «За Алешу за Поповича.»

На ту пору, на то времячко,
 Не ясенъ соколъ пролетывалъ,
 Не ясной-то онъ пропаркивалъ,
 Какъ пріѣхалъ Никита изъ чиста поля,
 А Добрыничъ свѣтъ изъ раздольца.
 Онъ скрычалъ, слычалъ громкимъ голосомъ:
 «Еще здравствуетъ ли тутъ честна вдова,
 «Честна вдова, Афимя Александровна?
 «Шлетъ тебѣ челобитье любезный сынъ —
 «Что Никитушка Добрыничъ свѣтъ.»
 Какъ услышала она таковы слова,
 Говорила она добру молодцу:
 — «Ужь ты гой еси, пролетной младъ ясенъ соколъ
 «И провѣжій добрый молодецъ
 «Ужь ты гдѣ видалъ Никитушку?»
 Не отвѣтилъ онъ ни одно слово,
 Приворачивалъ коня къ дубову крыльцу,

Онъ вязалъ коня къ золоту кольцу,
 Самъ упалъ ей во рѣзвы ноги,
 Говорилъ ей таковы слова:
 «Ужь ты здравствуй, моя мать родна,
 «Что честна вдова Афимья Александровна!
 «Что здорова ли моя молода жена?»
 Родна матушка тутъ заплакала,
 Во слезахъ ему слово молила:
 «Ужь ты гой еси, любезный сынъ!
 «Ты Никитушка, Добрыничъ свѣтъ!
 «Какъ поѣхалъ ты во чисто поле,
 «Говорилъ ты намъ таково слово:
 «Девять лѣтъ тебя дождатися;
 «Девять лѣтъ уже миновалося.
 «Не могли мы тебя дождатися.
 «Твоя жена была умная, разумная,
 «На ней стали сваты свататься!»
 «Я дала ей благословенье замужъ ийти,
 «За Алешеньку да за Поповича,
 «И теперь у нихъ почестенъ пирь.»
 Какъ пріѣхали они ко Божьей церкви,
 Тутъ возговоритъ Никитушка Добрыничъ свѣтъ:
 «Ужь ты гой еси, родимая моя матушка!
 «Что честна вдова Афимья Александровна,
 «Ты дай-ка мнѣ свое благословеньице
 «Мнѣ-ка ѣхати къ Алешѣ на почестенъ пирь
 «И надѣтъ мнѣ платье скоморохово,
 «Взять съ собой гудки скомороховы.»
 Какъ дала ему мать благословеньице,
 Тогда бралъ Никита золоты ключи,
 Отпиралъ свои ларцы кованые,
 Бралъ казны золотой сколько надобно
 И поѣхалъ Никита на почестенъ пирь.
 Пріѣхалъ онъ ко двору да ко Алешину,
 И давалъ слугамъ злата-серебра,
 Никто Никиту не задерживалъ.
 И входилъ онъ въ палаты белокаменны,
 Гдѣ Алешинька сидѣлъ съ молодой женой,
 За широкими столами за дубовыми.
 Не дойдя Никита низко кланялся.

«Еще здравствуй ты первобрачный князь
 «Со своей со княгиней—другобрачною!
 «Ты изволь-ка князь да слова молвити:
 «Мнѣ взыграть въ гудки да скомороховы.»
 — Какъ сказалъ ему Алеша Поповичъ свѣтъ:
 «Ты играй, скоморохъ, сколько надобно!»
 Заигралъ онъ въ гудки да скомороховы.
 Тутъ Натальюшка да догадалася:
 Ужь какъ быть тѣмъ гудкамъ да Никитушки.
 Какъ возговорить Добрыня Никитичъ свѣтъ:
 «Ты позволь-ка мнѣ, первобрачный князь,
 «Со своею княгиней другобрачною,
 «Мнѣ налить тебѣ чару зелена вина,
 «А другую чару меду сладкаго.»
 —Какъ сказалъ ему Алеша Поповичъ свѣтъ:
 «Наливай, скоморохъ, сколько надобно,
 «Подноси-ко кому тебѣ хочется.»
 Наливалъ онъ чару зелена видна,
 Подносилъ его князю первобрачному,
 А другую чару меду сладкаго,
 И спускалъ туда свой значень перстень,
 Подносилъ княгинѣ другобрачные,
 Подавалъ онъ чару, приговаривалъ:
 «Выпивать до дна, увидеть добра,
 «А не выпивать до-дна, не видать добра.»
 Она выпила чару всю до-дна.
 Увидала она значень перстень,
 Обручальный перстень со Никитою.
 Надѣвала перстень на праву руку,
 Выходила вонъ изъ-за дубова стола,
 Со слезами въ ноги Никитѣ падала:
 «Я твоя жена мужа перваго!»
 Тогда стоя Алеша призаплакался,
 Онъ всплеснулъ свои руки бѣлыя,
 Во слезахъ Алеша слово вымолвилъ:
 «Ужь вы гой еси, бояре и князя,
 «И всѣ мои гости любезны!
 «Я теперь Алеша подманишь сталъ.
 «Ужь какъ всякой женителъ, онарывается,
 «Да не всякому женитьба удавается,

«Какъ мнѣ-то Алешинькѣ Поповичу,
 «Что не уснано-то, не улежано,
 «За бѣлы груди не подержано.

Туть всё гости съ пиру собиралися,
 Собиравшись домой разъѣзжались,
 А Никитушка Добрыничъ свѣтъ,
 Уводилъ домой молоду жену,
 Что Настасью дочь Никулишну.—

(Зап. Кн. Н. А. Костровымъ. Сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

2.

(Слѣб. губ. Корсунск. уѣзда, выселокъ Александровка).

Добрыня былъ Микитинъ сынъ,
 Три года Добрыня хлѣбничаль,
 Три года горшечничаль,
 Три года приторговываль,
 Три года приворовываль,
 Три года по Киеву гуляль.
 Спрашиваль Добрыня:
 «Гдѣ Маришкинъ дворъ?»
 Маришкинъ дворъ на семи столбахъ;
 У Маришкина двора два терема стоятъ,
 Два терема златоверховые,
 На домахъ два голубя сидять.
 Въѣзжаетъ Добрыня на широкій дворъ,
 Сымаеть со плечь тугой лукъ,
 Накладываетъ калену стрѣлу,
 Убиваетъ сиза голубя,
 Того ли змѣя Притугальника,
 Маришкина друга милаго.
 Закидалася Маришка, заметалася,
 Въ цвѣтно платьѣ наряжалася,
 Брала Добрыню за бѣлыя руки,
 Вела въ палаты каменные,
 Сажала за столы дубовые,
 За скатерти бранныя,

Отпирала темны заходы,
 Наливала зелья лютаго
 Подносила Добрынюшкѣ:
 «Выкушай Добрыня, Микитинъ сытъ!»
 —Прежде хозяина и поѣтъ не пьеть.—

(Запис. мною отъ 80 лѣтн. старика слѣнца.)

3.

(Моск. губ, въ г. Коломнѣ)

Изъ славнаго изъ города изъ Царя было града—
 Выѣзжаетъ тутъ Добрыня сильный, славный богатырь,
 Онъ и хвалится, выхваляется славный городъ Кіевъ взять.
 «Я и Кіевъ славный городочекъ мимоходомъ его возьму,
 «А Илью Муромца, Ильюху, въ ногахъ его стопчу,
 «А Россійскаго князя Владиміра мечомъ голову срублю.»
 Илья Муромецъ, Ильюша, призадумавши стоять,
 Онъ повѣсилъ свою буйную головушку ниже могучихъ плечъ.
 Что не пылъ то въ полѣ пылитъ, не дубравушка шумитъ,
 Илья Муромецъ свою збрую шевелитъ.
 Онъ осѣдываетъ своего добраго коня,
 Онъ накладываетъ сѣдельцо новое черкасское,
 Онъ подтягиваетъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
 Онъ подтягиваетъ двѣнадцать пряжекъ серебряныхъ,
 Онъ не для красоты, а для крѣпости.
 И поѣхалъ Илья Муромецъ во чистое поле.
 Онъ встрѣчаетъ, Илья Муромецъ, Добрыню богатыря.
 Побѣдилъ Илья Муромецъ Добрыню богатыря,
 И предалъ его Добрынюшку злой смерти.

(Сообщ. А. Ш. Островскимъ.)

Чурилушка Пленковичъ.

Чурилушко Пленковичъ, доброй молодець,
 Вставай по-утрушко ранѣшенько,
 Снаряжайся, Чурило, хорошехонько,
 Обувай сапожки на ножки—зелень сафьянъ,
 Зеленаго сафьяну турецкаго,
 Баскаго покрою нѣмецкаго,
 Щегольскаго шитья Новгородскаго—
 Подъ пята-пята воробей пролетаетъ.
 Наливаетъ онъ тазъ ключевой воды,
 Умываетъ Чурило лице бѣлое,
 Утираетъ Чурило въ тонко полотно,
 Надѣваетъ Чурило цвѣтно платье,
 На головушку шапочку въ пятьсотъ рублей,
 Чтобы спереду не видно лица бѣлаго,
 Сзади бы не видно кудерь желтыхъ.
 Ходить Чурилушко Пленковичъ
 Во стойло во конинное,
 Онъ беретъ себѣ коня да мелатарманка,
 Сѣдлаетъ сѣдельшко черкасское,
 Онъ подтягиваетъ 12 крѣпкихъ подируговъ;
 Подпруги были шелковыя,
 Шелку были шемахинскаго,
 Не ради красы, а ради крѣпости
 Только видѣли Чурилушку,
 Сидючи на добра коня, —
 Не видѣли Чурилушку поѣдуци,
 Видѣли во чистомъ полѣ куревку.
 Увидѣла Катерина Микулична,
 Поскорешенько въ окошечко бросалася:
 «Слава Богу да слава Господу,
 «Что прѣхалъ Чурилушко Пленковичъ.»
 Она скоро тутъ шла по новымъ сѣнямъ,
 Отпирала тутъ двери дубовыя,
 Встрѣчала Чурилушку Пленковича,
 Брала его за бѣлы руки,
 Человала его да въ сахарны уста;
 Она провела во свѣтлую свѣтлицу,

Садил на стульица кленовыя,
 За эти за столы, за дубовыя;
 Нанесла ѣства сахарніи,
 Налила питья медьяныя,
 Подходящи ко столу да покламялася:
 «Что кушай-ко гостыюшко родимой.»
 Садилася она вмѣстѣ кушати съ нимъ.
 Схватила Катерина Микулична
 За этого коня да вѣдь за добраго.
 Она скоро тутъ шла широкимъ дворомъ,
 Отворила воротечка широкія;
 Она брала Чуриловина конюшка,
 Она вела на стойло на кониное,
 Она сыпала пшонушки сытніи.
 Приходила тутъ во свѣтлую свѣтлицу,
 Она брала дощечку да шашечку:
 «Станемъ-ко, Чурилушка,
 «Во шашки играть.»
 Они часъ-то—тъ играли.
 Тутъ и спроговорить Чурилушка:
 — Ай же ты, Катерина Микулична,
 — Лучше сядемъ на кроваточку забавимся. —
 Изъ заднихъ воротъ да изъ челядинныхъ
 Тутъ увидѣла дѣвченочка черная,
 Она черна злодѣйка челяденная,
 Испроговорить Катеринѣ Микуличнѣ:
 «Это што у тя, Катерина, за гость гостить,
 «Будто братъ родной?
 «Донесу Бермасу сыну Васильевичу.»
 Испроговорить Чурилушко Пленковичъ:
 — Ай же ты дѣвченочка черная,
 — Не доноси на Катерину Микуличну,
 — Вотъ тебѣ полтина на бѣлилушка,
 — И другую тебѣ дамъ да на румянушка,
 — Вотъ-те третья полтина на костычь-сарафанъ,
 — Ай же, ты дѣвченочка черная,
 — Вотъ тѣ шапочка въ пятьсотъ рублей,
 — Пушиста, ушиста, зависиста,
 — Чтобы спереди невидно лица чернаго,
 — Чтобы сзади не видно пучка шиваго. —

Тутъ испроговорить Катерина Микулична:

«Лучше эти полтинушки мнѣ отдай,

«А эту шапочку самъ сноси.»—

Поворотъ держитъ дѣвчинушка черная,

Она скоро-то шла по чисту полю,

Поскорѣ того да во Божью черкву.

Некрестя она идетъ да лича чернаго.

Увидалъ да Бермасъ сынъ Васильевичъ

Онъ вѣрную свою да ту служаночку,

Подходяй жъ онъ къ ней поближешенько,

И разговариваетъ ричь да умильнешенько:

«Ай же моя вѣрная служаночка,

«Со какимъ идешь со радостнымъ извѣстиемъ?»

Испроговорить дѣвченокка черная:

—Какъ у твоей Катерины Микуличны

—Да гость гостить, будто братъ родной.—

Тутъ ужъ онъ запирае книги да Божьи,

Замыкаетъ церкви онъ священныя,

Садится тутъ онъ да на добра коня,

Поѣзжаетъ онъ да къ своему дому.

Увидала тутъ Катерина Микулична,

Что приѣхалъ Бермасъ да сынъ Васильевичъ:

Куды класть Чурилушку Пленковича?

И спроговорить Чурилушко Пленковичъ:

«Ай же Катерина Микулична,

«У васъ есть то въ домѣ да кованы ларцы,

«Вы замкните меня во кованный ларець.»

Какъ пошла она по новымъ сѣнямъ,

Тутъ встрѣчала она да своего мужа.

«Что же ты, Катерина Микулична,

«Въ одной рубашкѣ безъ костычка, *

«Въ однихъ чулочикахъ, безъ башмачковъ.

Отвѣчать тутъ Катерина Микулична:

—Послѣ васъ то вѣдь я да понеразмоглась.—

Поворотъ тутъ держитъ Бермасъ да сынъ Васильевичъ

Къ той дѣвченоккѣ черной:

«Стала говорить; такъ договаривай,

* Сарафана.

«Стала доказывать, доказывай.»

Испроговорить дѣвченокъ черная:

— Ай же ты, любимой нашъ хозяйнушко,

— Сходите вы на стойку на кониную,

— Тамъ увидаете конюшка Чурилина. —

Сходилъ то Бермасъ да сынъ Васильевичъ

На стойло на кониное,

Увидалъ тамъ конюшка Чурилина.

Туть приходить онъ ко своей Катеринѣ Микуличнѣ:

«Что же есть Чурилинно конишечко?»

Отвѣтъ держитъ Катерина Микулична:

— Во чистомъ полѣ оны да развѣзжаются

— Со моимъ оны братцемъ родимымъ,

— Оны другъ другу встрѣчу стрѣчались,

— Оны златыми крестами побратались,

— И добрыма конями помѣнялись.—

И поворотъ держитъ Бермасъ да сынъ Васильевичъ

Онъ ко своей ко вѣрной служаночкѣ:

«Что знаешь, такъ теперь же ты доказывай.»

Испроговорить вѣрная служаночка:

— Ай же ты, любимый нашъ хозяинъ,

— Извини, прости ты насъ да во всей глупости,

— У васъ есть то въ домѣ кованы ларцы.

— Ты возми ко ларець да во бѣлы руки,

— Подними-ко ларець да выше головы,

— Ты пусти ко ларець да на дубовый полъ—

— На три части ларець да поразлетится,

— Оттуль выскочитъ Чурилушко Пленковичъ.

Поскорешенько онъ туть поворачается

Во свои во свѣтлыя свѣтлицы:

Туть бралъ онъ свои да кованы ларцы;

Онъ кидаетъ ларець да о дубовый полъ—

Оттуль повыскочилъ Чурилушка Пленковичъ.

Молодецкое сердечко разгорѣлося...

Онъ беретъ да свою саблю острую

Срубилъ туть у Чурилы буйну голову:

Онъ сдымаетъ саблю да выше головы,

Срубить хочеть у Катерины буйну голову.

Съ горючьми слезами она да помолилася,

Своему да мужу покорилася,

Чтобъ не срубилъ бы онъ да буйной головы.
Молодецкое сердечко уходилося.

(Обоняше. Зал. Е. В. Барсовъ, сообщ. Л. Н. Майковичъ.)

Изъ времянь татарщины.

1.

(Иск. губ. Островскаго уѣзда.)

Не вода въ города понахлынула—
Злы татарины понаѣхали.
Какъ меня молоду въ полонъ берутъ,
Во полонъ берутъ, полонить хотять.
Ахъ ты, батюшка, выкупай меня!
Ты давай за меня сто городовъ,
Сто городовъ, сто и пригородковъ.
—Не вода въ города понахлынула,—
Злы татарины понаѣхали.
Какъ меня молоду во полонъ берутъ,
Во полонъ берутъ, полонить хотять.
Ахъ ты, матушка, выкупай меня!
Ты давай за меня сто локоть полотна...

(Очевидно неоконченная. Сообщ. И. А. Семевскій.)

2.

(Вятск. губ.)

Не спала бъ я, не дремала,
Ничего во снѣ не видала, 2.
Только видѣла одинъ шатрикъ. 2.
Что въ томъ шатрикѣ злой Татаринъ, 2.
Передъ нимъ стоитъ русска дѣвка, 2.
Она плачетъ и возрыдаеть, 2.

Злой Татаринъ унимаеъ:

«Ты не плачь, не плачь русска дѣвка! 2.

«Я куплю тебѣ синю шубу.»

—Мнѣ синей шубы не носити, 2

Зла Татарина не любить.»

«Ты не плачь, не плачь русска дѣвка!

«Я куплю тебѣ зарукавье.»

—Мнѣ рукавицы поносити,

Зла Татарина полюбити.

(Сообщ. Н. А. Александровымъ.)

3.

Я изъ Крыму, братцы, изъ Нагаю;

И (гдѣ?) стояли орды бусурманскія.

А ѣхали два братца родные;

Подъ большимъ-то братомъ конь уставаеъ,

А меньшей за большаго умираеъ.

Ай гой еси, мой братецъ родимой,

А я тебя братецъ посверстнѣ

А пѣшій ту дороженьку поведу.

Когда было добру молодцу время,

Народъ-господа его почитали,

А стало доброму молодцу безвременье,

Никто де молодца не почитаетъ,

А самъ себѣ молодець размышляетъ:

«Соколъ ли то на семь свѣтъ не птица?

На его то безвременье бываеъ,

Онъ пѣшъ по чисту полю гуляетъ.

Худая та птичка куличонка,

И то надъ соколомъ насмѣлась,

Напередъ-то его залетѣла.

Вольная птичка пташечка перелеточка,

Куда она захотѣла, туда и полетѣла,

Гдѣ жьсто излюбила, тутъ и сѣла,

Садилась вольна пташечка въ чистомъ полѣ

При широкой при Московской при дороженькѣ

Во бѣлую яруу во пшеницу;

Горемышную свою пѣсенку зашѣла:
 Не ной, не ной ретивое сердечко,
 Не плачь, не плачь душа красная дѣвица, —
 Ни батюшка, ни матушка за мужъ выдала—
 Сама, увы, дѣвица похотѣла
 За вольнаго за низоваго бурлака; —
 Сказали: у бурлака денегъ много,
 У него одинъ хлысть да котомка вязовая,
 Котомка вязовая да бичевка пеньковая.

(Сообщ. Г. Н. Потанинскій. Самарск. губ.)

ПРО ВАНЮШУ КЛЮШНИЧКА

и

Князя Волхонцоваго.

(Сарат. губ. Хвалыинск. у. с. Безобразовка.)

1.

Ахъ былъ я, братцы, во святой Русѣ,
 Во святой было Русѣ, въ каменной Москвѣ.
 Тамъ построены полаты новы каменные.
 Какъ во этихъ во полатахъ жилъ Волхонскій князь,
 Не одинъ то-онъ жилъ княжечикъ—съ молодой своей княгиней.
 У этого у князя былъ душа Ванюша—вѣрный ключничекъ.
 И жилъ душа Ванюша со молодой со княгиней со его,
 Ни сколько ни мало, ровнехонько три года.
 На четвертымъ на годочку самъ князь довѣдался,
 Самъ князь довѣдался, Волхонскій дослышался
 Отъ молоденькой дѣвченокки, отъ сѣнной,
 Отъ сѣнной, отъ самой послѣдней.
 Выходилъ князь Волхонскій на крашенъ, на новъ крылецъ,
 Закричалъ князь Волхонскій громкимъ голосомъ своимъ:
 «Ужъ ты, душевѣка Ванюша, вѣрный ключничекъ ты мой!
 «Ты поди сюда Ванюша на крашенъ, на новъ крылецъ.»
 Какъ и взялъ его князь Волхонскій за правую руку,

Какъ повель князь Волхонскій въ особую комнату его,
 Какъ и зачалъ князь Волхонскій крѣпко Ванюшу спрашивати:
 «Ты скажи душа Ванюша всеё правду мнѣ,
 «Всеё правду мнѣ, правду истинную, —
 «Ты съ какого со время съ моей княгиней началъ жить?»
 — Знать то я не знаю, князь Волхонскій, и не вѣдаю. —
 И ударилъ князь Волхонскій по бѣлу Вани лицу,
 И по бѣлому по личику, по щекѣ румяной,
 Изъ бѣла лица кровь-руда брызнула,
 Изъ очей его ясныхъ слезы покатались, словно градъ.
 Выбѣгалъ князь Волхонскій на крашенъ бѣлъ крылецъ,
 Закричалъ князь Волхонскій своимъ громкимъ додосомъ:
 «Ужь вы слуги, мои слуги, слуги вѣрные мои,
 Ужь вы стройте-ко, ребята, крашенныя рельца,
 И вейте поскорѣ шелковыя петельки,
 И повѣсьте вы, ребята, вѣрнаго моего ключника,
 Вѣрнаго моего ключника, душу Ванюшку.
 —Подвели душу Ванюшку къ крашеннымъ ко релѣцямъ.
 И сталъ душа Ванюша крѣпко умаливати:
 «Ужь вы, братья мои, ребята, прежніе товарищи мои!
 Вы подайте мнѣ гитару, я сыграю на нее.
 Онъ сталъ играть, играть, да приговаривать.
 И всю правду зачалъ рассказывать:
 То-то ребята сколько было пошито, пошдено,
 Съ молодой княгиней сколько погуляно,
 И цвѣтное платье сколько поношено.
 — И повѣсили Ванюшеньку за правое ребрышко.
 И онъ на релѣцахъ качается, —
 Молода княгиня о немъ печалится.
 И на третій день княгиня сама скончалася,
 Подъ этими релѣцами вострымъ ножищемъ зарѣзалася.
 Выбѣгалъ князь Волхонскій на крашенъ на новъ крылецъ, —
 Закричалъ князь Волхонскій: хлѣбъ оубо не кушати!

(Видно на концѣ)

(Записана мною 23 Іюля 1872 г. отъ крест. бѣд. Сем. Вдовина.)

2.

1. :
(Томской губерніи).

По Устрѣтенской большой улицѣ
Строились полаты бѣлокаменны,
Что во этихъ во полатахъ жилъ Волхонскій князь.
У того ли было у князя собраньице не малое,
Собиралися къ нему князя бояре все,
Ужъ какъ сильные могучіе богатыри.
Еще кто изъ нихъ хвалятся своей силою,
Еще кто хвалятся золотой казной.

А какъ нашему князю нечѣмъ похвалятся,
Похвалился нашъ Волхонскій молодой женой,
Молодой своей женой, душой княгинейю.

Выходила тутъ, выступала млада ключница,
Ключница на ключника съ докладомъ шла:

— «Охъ ты, гой еси, нашъ батюшка Волхонскій князь!

— Пьешь ты, ѣшь, забавляешься,

— Ничего же ты не знаешь, не вѣдаешь,

— Какъ живетъ твоя княгиня съ младымъ ключникомъ,

— Не годъ она живетъ, не два живетъ,

— «Какъ живетъ твоя княгиня ровно три года. —

Выходитъ князь Волхонскій на широкій дворъ,

Засвистѣлъ онъ, закричалъ своимъ вычнымъ голосомъ:

«Охъ вы, гой еси, мои слуги вѣрные!

— Вы подите, приведите ко мнѣ млада ключника.»

Ужъ какъ ключница съ докладомъ шла:

«Охъ ты, гой еси, ключникъ! тебя князь требовали,

Онъ министромъ тебя хочетъ жаловать,

Не министромъ, думнымъ советникомъ.»

Высвистѣлъ нашъ ключникъ на широкій дворъ,

— Запавотѣлъ, закричалъ своимъ нѣжнымъ голосомъ:

«Охъ вы, гой еси, мои слуги вѣрные!

Вы подите, приведите мнѣ добра коня,

Добра коня виноходнаго,

Засѣдайте мнѣ его сѣдомъ черкасскимъ.»

вним

Бралъ себѣ ключничекъ плеть шелковую,

Выходилъ нашъ ключникъ на широкій дворъ,

Какъ садился ключникъ на добра коня,

Его до брый конь стоитъ не тряхнется,

Что у ключника кудри не ворохнутся.
 Отправлялся ключникъ на широкій дворъ:
 — «Вы прощайте мои слуги вѣрныя,
 Слуги вѣрныя мож неимѣнныя!»
 Прїѣзжалъ ли ключникъ на широкій дворъ,
 Никому-то коня взять не приказывалъ,
 Ни къ столбу то его не привязывалъ,
 Ни къ кольцу-то ни къ значеному,
 Заходилъ-то ключникъ во палатушки:
 «Охъ ты, гой еси, батюшка Волхонскій князь,
 Ты на что меня къ себѣ требовалъ?»
 — Ты послушай-ка, млада ключникъ, хочу тебя жаловать,
 Министромъ тебя, думчимъ сенаторомъ,
 Промежду двумя столбами дубовыми,
 Перекладиной тебя дубовою.
 Повели млада ключника на висѣлицу,
 Княгиня во палатахъ бѣсится,
 Ключникъ во петелькѣ качается,
 Во палатушкахъ княгиня кончается.

(Изъ ст. Г. Н. Потанина: «Югозападная часть Томской губ. въ отношеніи». въ Этногр. сборникѣ изд. Имп. Геогр. Общ., выпускъ II, 1864 г. стр. 95-6.)

3.

(Пермск. губ. Камышлов. уѣзда.)

Какъ во далече-далече въ каменной Москвѣ,
 Въ той было улочкѣ Успенской,
 Тутъ живетъ-проживаетъ батюшка Волхонскій князь,—
 У него да проживаетъ молодой денщикъ,
 Молодой денщикъ да Ванька клюшничекъ,
 Молодой его княгини полюбовничекъ.
 Онъ не годъ живетъ, Ванюшка не два года,
 Онъ живетъ у него да три годочка,
 На четвертый годочекъ князь довѣдался,
 Самъ на него прогнѣвался.
 Выходитъ князь на высокъ балконъ;

И кличетъ онъ громкимъ голосомъ:
 «Есть ли при мнѣ слуги,-слуги вѣрные мои?
 «Вы пойдите, приведите Ваньку ключника.
 Ведутъ-то, ведутъ Ванюшеньку не пьянова,
 А ведутъ его избитова.
 Его буйная головушка изломана,
 Каленорова рубашка вся изорвана,
 Матерева жилетка кровью призабрызгана,
 Приводятъ Ванюшку ко князю кайтятся.
 Началъ его князь грозно спрашивать:
 «Ты давно ли, Ванюшка, съ княгиней знаешься?»
 Отвѣчаетъ князю Ванюша ключничекъ.
 «Я, сударь, не знаю, не вѣдаю....
 —Я за то тебя, Ванюшка, подарить хочу,
 — Двумя селами со деревнями...
 «Я самъ знаю про то вѣдаю:
 Хочешь ты дарить двумя столбами съ перекладиной,
 Четвертой то шелковой петелькой
 За мою вину, да за проступочку,
 За веселую мою да гуляночку.
 Не веди ты на насъ гнѣвъ да свою цѣнюшку,
 Веди ты гнѣвъ да на свою жену,
 На свою супругу благовѣрную.
 За охотниками она была охочая...
 Не домолвилъ Ванюша ключничекъ,
 И ужъ качается въ шелковой петелькѣ,
 Между двумя столбами съ перекладиной.

(Записана Членомъ сотрудничкомъ Имп. Русск. Геогр. Общ. А. Я.
 Кокосовымъ.) (Собр. Л. Н. Майковымъ.)

4.

(Москва.)

Ужъ на горкѣ возлѣ рѣчки
 Стоялъ новъ высокъ теремъ;
 Ужъ и въ этомъ теремкѣ,
 Жилъ да былъ Волхонскій князь,*

* Во матушкѣ было въ каменной Москвѣ,

Какъ у эвтаго-ль у князя
 Были слуги вѣрные,
 А ужъ всѣхъ то ихъ вѣрнѣе
 Былъ Ванюшка ключничекъ,
 Молодой его княгини
 Вѣрный полюбвничекъ.
 Ужъ и годъ любилъ Ванюша,
 Онъ другой любилъ.
 А на третій годъ про эвто
 Самъ ли князь довѣдался,
 Черезъ сѣнную ли дѣвчонку
 Самую паскудную.*
 Ужъ и вышелъ князь Волхонскій
 Онъ на свой красенъ крылецъ,**
 Ужъ и крикнулъ князь Волхонскій
 Своимъ зычнымъ голосомъ:
 «Ой вы, гой еси, мои холопья,
 Слуги мои вѣрные!
 Вы возмите-ка, возмите
 Заступы желѣзные,
 Вы копайте-ка, копайте
 Двѣ ямы глубокия,
 Вы поставьте тутъ, поставьте
 Два столба точеныя,
 Вы кладите между ними
 Тонку перекладину,

Что еще того подадите—
 Во просечонкѣ до Дмитровскомъ —
 Тамъ живетъ-то, поживаетъ
 Батюшка Волхонскій князь.
 Не одинъ онъ поживаетъ—
 Съ молодой княгиней.
 * Онъ не годъ то съ ней гедуетъ,
 Не другой годъ съ ней живетъ,
 Что на третьемъ на годочкѣ
 Скоро князь довѣдался
 Черезъ бестію кавалью
 Да сѣнную дѣвку.
 ** На новое на крыльцо.

Вы повѣсьте, вы повѣсьте
 Петельку шелковую;
 Вы подите, приведите
 Вора Ваньку ключника.»
 Ой ведутъ Ванюшу,
 Руки ноги скованы,
 Шелкова его рубашечка изодрана,
 Его буйная головка
 До мозгу проломлена,
 А сафьяны сапожки
 Кровью залиты.*
 Ой ведутъ, ведутъ Ванюшу!
 Самъ князь усмѣхается:
 «Ты скажи, скажи, Ванюшка,
 «Ты скажи мнѣ, варваръ мой!
 «Ты съ какой поры со времени
 «Со княгиней свѣдался?
 — «Ничего, сударь, не знаю,
 — Ничего не вѣдаю.
 — Ужь и гдѣ-же мнѣ холопу
 — Со княгиней знатися?.....
 Закричалъ тутъ князь Волхонскій
 Своимъ зычнымъ голосомъ:
 «Ой вы слуги мои, слуги мои вѣрные!
 — Вы повѣсьте-ка, повѣсьте
 — Вора Ваньку ключника!
 — «Нѣтъ постойте-ка, постойте,»
 Вы мои товарищи!
 Ужь вы дайте мнѣ потѣшить
 Нашего боярина.
 «Ужь и третій годъ я, сударь,

* Что ведутъ Ванюшу
 За бѣлые руки,
 Какъ у Ванюшки
 Головка проломлена,
 Горнестурова рубашечка
 Вся изодрана;
 А сафьяные сапожки
 Кровью принаполнены.

Со княгиней знаюся:
 Что въ этомъ теремочкѣ
 Много было гуляно,
 На пуховой ли перинѣ
 Много было лежано,
 За бѣлыя ли за груди
 Много было хватано,
 Про твою ли, сударь, нижость
 Часто было ругано! —
 — «Ну повѣсьте же, повѣсьте
 Вора Ваньку ключничка,
 Молодой жей княгини
 Вѣрна полюбовничка!
 Ужь пускай же воръ Ванюшка
 Пускай покачается,
 Молода моя княгиня
 Пускай попечатается!» —

5.

(Воронжск. губ. Бобринск. уѣзда.)

Какъ поссорилась Ванюшка
 Со сѣною дѣвушкою,
 Что съ твоемъ шельма, сѣною! —
 Съ самою послѣднюю.
 Начала знамениточка:
 Угрозы угроживаю:
 «Ты добро, добро, ты Ванюшка,
 Добро шельма динничекъ!»
 Что дойдутъ эти рѣчи:
 Рѣчи самою знамо:
 «Охъ ты князь, князь нашъ Волховскій,
 Все ты пьешь, гуляешь,
 Ничего ты въ селомъ, донѣ,
 Не знаешь, не вѣдаешь:
 Что молада твоя княгиня

* Въ дѣлѣ каждое двустишіе додводесяти два раза.

Живеть съ Ванькою кляшничкомъ!
 Закричалъ же князь Волхонскій:
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Ой вы, слуги, мои слуги,
 Слуги мои вѣрные!
 Вы подите, приведите
 Ко мнѣ Ваньку кляшничка,
 Молодой моей вотъ княгинѣ
 Вѣрна полюбовничка.»
 — Ты поди-ка, Ванюша,
 Поди, тебя баринъ зоветъ;
 Какъ и хочеть тебя баринъ,
 Хочеть тебя жаловать
 Какъ своимъ ли, своимъ, Ванюша,
 Своимъ воронимъ конемъ».
 Что идетъ, идетъ ли Ванюша,
 Идетъ широкимъ дворомъ;
 Какъ на Ванюшкѣ-то рубашка
 Съ кровью перемѣшана.
 Закричалъ же князь Волхонскій
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Охъ вы, слуги, мои слуги,
 Вы подите-же, берите
 Лопаты широкія,
 — Вы копайте, вы копайте
 Вы ямы глубокія,
 Становите вы столбочки,
 Столбочки точенны,
 Вы кладите перекладъ,
 Перекладъ клееный,
 Вы цѣпайте, вы петельку
 Петельку шелковую!»

* Вы берите-же ребята
 Лопаты желѣзныя,
 Ужь вы рыйте-же копайте,
 Дѣлайте ямы глубокія,
 Становите-же ребята
 Два столба точенны,
 Вы кладите перекладъ,
 Перекладъ клееный,
 Вы цѣпайте, вы петельку
 Петельку шелковую!

Закричалъ-та Ваня ключникъ
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Охъ ты, князь, нашъ князь, Волхонскій!»^{*}
 Прикажи мнѣ пѣсню сѣсть; **
 «Что съ твоей младай вотъ дядигиш
 Пошито, погуляно,
 Въ сахарныя вишь устожи:
 Было поцѣловано!»
 Закричалъ тутъ князь Волхонскій,
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Охъ, вы слуги, мои слуги,
 Слуги мои вѣрные!
 Вы возьмите же Ванюшку,
 Цапайте за голову!»
 Какъ и Ванюшка въ петелькѣ,
 Въ петелькѣ кочается,
 Молодая его вотъ дядигиша
 Въ терему канчается,
 А какъ самъ то князь Волхонскій
 Стоитъ, улыбается.
 Выходила сѣнная дѣвка
 Самая послѣдняя:
 «Охъ, ты князь, князь нашъ Волхонскій,
 Загубилъ ты три души:
 Эхъ какъ двѣ души вотъ дядигиши
 «Третья на дядигиши!»[†]

Перекладину дубовую;
 Вы вбавайте-тка, ребята,
 Два кольца золотыя.
^{*} Охъ ты, батюшка, Волхонскій князь!
^{**} Во садикѣ во, разененькомъ,
 Тамъ стояла ли, стояла
 Броватка тесовая,
 Какъ на этой ли кроваткѣ
 Перина пуховая,
 Какъ на этой ли перинѣ
 Ваня часто спиналъ...

[†] По народному объясненію, это значитъ, — нягига была боромана.

6.

(Калужск. губ.)

Ужь какъ жилъ-то, поживалъ
 Батюшка Волконскій князь.
 Какъ у этого у князя
 Былъ Ванюша ключничекъ,
 Молодой его княгини
 Вѣрный полюбовничекъ.
 Ужь и годъ живетъ Ванюша,
 Ваня и другой живетъ,
 А на третій-то годочекъ
 Самъ-отъ князь довѣдался,
 Черезъ дѣвку, черезъ сѣнкую,
 Черезъ самую последнюю.
 Выходилъ нашъ князь Волконскій
 На крыльцо высокое,
 Говорилъ нашъ князь Волконскій
 Своимъ слугамъ вѣрнымъ:
 «Ужь вы слуги мой, слуги,
 Слуги мои вѣрные!
 Вы возьмите-тка, возьмите
 Лопаты желѣзныя,
 Вы копайте-ка, копайте
 Дѣв'имъ глубокия,
 Вы поставьте-ка, поставьте
 Два столба высокіе;
 Положите-ка, положите,
 Перекладину кленовую,
 Вы возьмите, приведите
 Вора Ваню ключничка,
 Молодой моей княгини
 Вѣрна полюбовничка.
 Пускай Ванюша головушка,
 Пускай покачаѣтся,
 Молодая то княгиня
 Пуцай попечалится.»
 Ведуть Ваню, ведутъ Ваню,
 Ваню вора, ключничка

Какъ у Вани то голова
 До мозгу проломлена,
 А сафяновы сапожки
 Кровью понаполнены,
 Миткалина рубашка
 Вся на немъ изорвана.

(Записана А. Н. Афанасьевымъ.)

7.

Московск. губ., Коломна.

Любила княгиня своего лакея,
 Любила ровно четыре года.
 Увѣдалъ князь про княгиню,
 Что любить она своего лакея.
 —Есть ли у меня вѣрные слуги,
 Вѣрные слуги мои лакеи?
 Берите вы, слуги, тугіе луки,
 Стрѣляйте вы въ бѣлое тѣло,
 Въ бѣлое тѣло лакея.
 Бросайте вы тѣло въ быструю рѣку! —
 Увѣдала княгиня про своего лакея:
 —Есть ли у меня вѣрные слуги,
 Вѣрные слуги мои лакеи?
 Вязите, вязите шелковы неводы,
 Бросайте вы неводъ въ быструю рѣку,
 Ловите, ловите бѣлое тѣло,
 Бѣлое тѣло моего лакея.
 Кладите вы тѣло въ золоту гробницу,
 Несите вы тѣло во свѣтлицу!
 Вздуньте, вы вздуньте, буйные вѣтры,
 Выньте, вы выньте душу изъ князя,
 Душу изъ князя моего мужа,
 Выхватите вы душу въ бѣлое тѣло,
 Въ бѣлое тѣло моего лакея!

Моего лакея, моего милаго.
 Кого я любила, того-бы оживила!—
 Кого не любила, того-бы погубила.

(Собр. А. Н. Островскаго.)

8.

(Псковск. губ.)

Далече-подадече было въ каменной Москвѣ,
 Во второй улицѣ во Дмитровкѣ
 Жилъ, проживалъ Волхонскій князь.
 У этого князя жилъ Ванюшка ключничекъ,
 Молодой его княгини вѣрный полюбовничекъ.
 Онъ не годъ живетъ Ванюша,
 Ванюшка и другой живетъ,
 Ну на третій годочекъ самъ князь дождаася
 Отъ такой дѣвочки дѣвчонки,
 Дѣвчонки отъ свинной,
 Отъ свинной отъ самой послѣдней.
 Закричалъ князь Волхонскій на своихъ на вѣрныхъ слугъ:
 —Слуги ли вы мои, слуги, служачочки вѣрныя,
 Подите-ка, возьмите лопаточки желвныя,
 И роите, копайте двѣ ямы клубокія;
 Вы ставьте, поставьте два столба почѣтые,
 Вы кладите перекладню новую, ясовую!
 Вы бейте, вколотите два кольца желвныя,
 И вѣшайте, повѣшайте, двѣ петли шелковыя! —
 Закричалъ князь Волхонскій на своихъ на вѣрныхъ слугъ:
 —Охъ вы слуги мои, слуги вѣрные мои!
 Вы ведите, приведите вора Ваню ключничка,
 Молодой моей княгини вѣрнаго полюбовничка.
 Ведутъ Ваню по большой по улицѣ,
 По славной, по Митровской.
 У Ванюши головка покломана,
 Кашмировыя платкомъ головушка сшита,
 Коленкорова рубашечка провѣя вся вышита.

Самъ стоитъ князь Волхонскій, надсмѣхрется,
 Надъ его буйною головушкой надругается;
 А Ваня князю возмѣдается:
 —Позволь, князь Волхонскій, ногу прѣсно спѣть:
 «Дальше-подальше въ каменной Москвѣ
 «Жилъ проживалъ Ванюшка ключничекъ,
 «У этого князя былъ зеленый садъ,
 «Въ этомъ садикѣ горенка новая,
 «Въ этой горенкѣ кровать тесовая,
 «На кровати перинушка пуховая.
 «Въ этомъ во садикѣ Ваней погуляно,
 «На этой на перинѣ много полежано,
 «Въ этой во горенкѣ съ молодой княгиней погуляно,
 «Съ молодой княгиней полежано,
 «Молоду княгиню за груди подержано,
 «По черному по соболу Ваней поцрано.
 Надъ Ванюшкой головушкой князь надругается:
 «Пусть Ванюшина головушка покачается,
 «Пусть молода княгиня въ терему кончается!»

(Сообщ. М. И. Сорокина.)

ПѢСНЯ О ВАНѢ КЛЮЧНИКѢ.

(Самара.)

Спѣла ягодка лѣсная,
 Пре-укрыта и спѣла;
 Свѣтъ-княгиня молодая
 Съ княземъ въ теремѣ жила....

* * *

Какъ у князя былъ Ванюша,
 Кудреватый молодой—
 Ваня ключникъ, злой разлучникъ,
 Мужа стараго жены....

* * *

Я не дарилась княгиню.....
 Ни парчой, ни кумичомъ,
 Она льнула ко дѣвигѣ,—
 Какъ сорочка ко плечу....

* * *

Цѣловала, миловала,
 Подносила чару мнѣ.....
 Потайкомъ меня клала
 Спать на князеву постель.

* * *

По известнымъ наговорамъ
 Князь дознался про вину,
 Князь дознался, допадался,
 Песадилъ подъ ключъ жону....

* * *

Ужь вы слуги, вы холопы,
 Слуги вѣрные мои!....
 Вы подите, приведите,—
 Ваню ключника ко мнѣ

* * *

Вотъ ведутъ, ведутъ Ванюшу,
 Ванѣ вѣтеръ кудри вѣть,
 А княгиня за Ванюшу
 Свою душу отдаетъ....

* * *

Ты скажи, скажи, Ванюша,
 Сколь съ княгиней долго жилъ?

.....

* * *

—О томъ вѣдаетъ подушка,
И пуховая постель,
И тканьево одѣяло,
Полотняна простыня.—

* *
*

—Ужь вы слуги, вы холоды,
Слуги вѣрные мои
Ужь вы выройте дѣла ны
И поставьте два стола....

* *
*

Вы повѣсьте на Ванюшу
Во шелковую петлю.
Вотъ висеть, висеть Ванюша
Во шелковой во петлѣ.

* *
*

И Ванюшу все качаетъ,
Какъ былинку на межѣ, и
А княгиня во свѣтлицѣ
Умираетъ на ножѣ.

(Новѣйшая, сочиненіе: Вас. Е. И., Аполлово-У)

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ БАСИЛЬЕВИЧЪ

1.

Царь собирается въ походъ на Казань. Грозный вѣщаетъ
съ рѣдкими:

(Сочиненіе: д. б. Карска. гдѣсь, ука. Указ.)

«Ты куда, куда собираешься
«Православный царь изъ Москвы, въ Казань?
Не одинъ то православный царь собирается,—
Береть добраго молодца и меня съ собой,
А мнѣ, доброму молодцу, вѣхать не хотѣлось,

Хотѣлося въ Москвѣ пожить, при дворцѣ служить,
 При дворцѣ служить государевомъ.
 Ничего то мнѣ въ Москвѣ не пожалилось,*
 Да только жалко мнѣ зеленаго саду,
 Да жалко мнѣ (добру молодцу) въ саду три деревца:
 Первое деревцо—кипарисово,
 Другое деревцо—зелена груша,
 Третье деревцо—сладко яблонько.
 Кипарисово деревцо—родной батюшка,
 А зелена груша—родная матушка,
 Сладко яблонько—молода жена.
 Гдѣ батюшка плачетъ—тутъ рѣка течеть,
 Гдѣ матушка плачетъ—илуки быстраы текутъ,
 Гдѣ жена плачетъ—тумагъ съ дождемъ.

(Записано мною въ 1856 году отъ ратника Н. Картавинова)

2.

Казань-городъ.

У колодеца было да у студенаго,
 У того яблца да подземельнаго,
 Красна дѣвица да воду черпала,
 Добрый молодець коня поилъ;
 Онъ коня поилъ да коня добраго,
 Онъ красную дѣвичу да обманывалъ,
 Обманывалъ, подговаривалъ:
 «Ты види, дѣвица, за меня замужъ,
 «За меня замужъ во Казань городъ.
 «Нашъ Казань городъ на горѣ стоитъ,
 «Казань рѣченька да медомъ течеть,
 «Можки ручейки да зеленымъ зливомъ,
 «По горамъ да поввысокимъ
 «Лежать камешки да самоцвѣтныи,
 «По лугамъ да по зеленымъ

* Не жалко.

«Трава растетъ да вѣдь шелковая,
 «На травѣ цвѣтутъ цвѣты лазуревы,
 «По лѣсамъ да лѣсамъ темнымъ
 «Дороги звѣри—куны заморскіе,
 «Еще съ по морю-морю синему
 «Изпо-синему морюшку турецкому —
 — Тутъ онъ хвастаетъ своимъ житьемъ-бытьемъ: —
 «Ужь у меня по морю-то ходитъ 30 кораблей,
 «Какъ единъ-то корабль изукрашенъ былъ,
 «Ещё корма да носъ излажены по турецкому,
 «Ещё парусы на корабляхъ камчатые,
 «Снурочки на корабляхъ шелковые,
 «Мѣсто глазъ-то было еще вставлено
 «По дорогому по камню по яхонту,
 «Мѣсто бровь-то было да проведено
 «По дорогой куняцѣ по заморской».
 — Не подговаривай же, добрый молодецъ, не обманывай;
 — Я сама знаю, сама вѣдаю
 — Про славной вашъ про Казань-городъ:
 — Въ Казань-городѣ я родилася,
 — Въ Казань-рѣченькѣ я крестилася,
 — Въ мелкихъ ручейкахъ бѣло мылася.
 — Казань-рѣченька водой течеть,
 — Мелки ручейки да горючими слезьми;
 — По горамъ вашимъ высокимъ
 — Не камышки да самоцвѣтныи;
 — Лежать головы да все буйныи;
 — На лугахъ трава не шелковая,
 — Растеть травонька да все бодотная;
 — По лѣсамъ да вашимъ темнымъ
 — Звѣри да все съѣдучи,
 — Зміи да все клевучи.
 — Изъ-по морюшку по турецкому
 — Ходятъ корабли все да шведскіи.
 — По пустымъ ты, добрый молодецъ, расхвастался,
 — Я замужъ пойти да тутъ не вадумала.

(Зап. Членомъ-сотрудникомъ Имп. Русск. Геогр. общ. А. Я. Кокосовымъ, сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

Походы Грознаго и жалоба войска.

а)

(Тверск. губ. Весьегонск. уѣзда, сел. Смердыня).

Ты долина ль, моя долинушка,
 Раздолье мое широкое!
 На тебѣ ли моя долинушка
 Ничего не уродилось:
 Что ни травушки, ни муравушки,
 Ни лазорева цвѣточка.
 Уродился ли на этой долинушкѣ
 Одинъ только садичекъ зеленый.
 Мимо этого-ли садика
 Пролежала путь-дороженька.
 Что по этой ли по дороженькѣ
 Никто не ходилъ, не прохаживалъ,
 Только шли-прошли по этой дорожкѣ
 Одни горькіе солдатушки,
 Они шедши преуспали,
 На нихъ тонкія рубашечки
 Крѣпко къ тѣлу припотѣли.
 Ничего то ли въ этомъ садикѣ,
 Ничего то въ немъ не слышно, —
 Только слышно въ этомъ садикѣ,
 Какъ кукушка скуковала.
 Не кукуй сѣрая кукушечка,
 Не кукуй такъ жалобненько!
 Безъ тебя ли намъ, кукушечка,
 Безъ тебя намъ жить тошнохонько:
 Распрогнѣвался на насъ благовѣрный царь,
 Благовѣрный царь, свѣтъ Иванъ Васильевичъ,
 Какъ загналъ онъ насъ во чужіе края, *

* Разнословіе:

(Тульск. губ.)

Загналъ насъ православный царь
 Безъ вѣсти далече, 2.
 Безъ вѣсти далече

Въ чужіе края дальные,
 Что къ синю морю Хвалынскому,
 Ужъ какъ биться ли съ басурманами,
 Съ басурманами, злыми татарами.

(Зап. семинарист. Тверской семинаріи).

б)

(Сарат. губ. Сердобск. у. с. Паша.)

Ты долина моя, долинушка,
 Охъ да широкое мое раздолье!
 Ничего, ничего-то ты, моя долинушка,
 Ничего ты намъ не уродила:
 Да ни травыньки, ни муравыньки,
 Ни лазорева-то цвѣточка;
 Уродила же ты моя долинушка,
 Уродила же ты намъ кустъ калинки,
 Какъ на томъ, на томъ кусточкѣ
 Сидѣла горькая кукушка.
 Вотъ кукушка, она горькая, горемычная,
 Жалобнехонько она кукуеть.
 Не кукуй-ка, не кукуй-ка, горькая кукушка,
 Въ моемъ зеленомъ садочкѣ!
 Охъ да не давай-ка, не давай-ка,
 Намъ солдатушкамъ, не давай тоску на душу!
 Ужъ и такъ-то намъ, солдатушкамъ,

На крайнюю границу.

Познобилъ насъ православный царь
 Холодною зимою,

Поморилъ насъ православный царь
 Голодною смертию.

Нѣтъ ни вѣсти, ни грамотки

Съ родимой сторонки,

Нѣтъ ни батюшки, нѣтъ ни матушки,—

Осталась одна молода жена,

Осталась одна молода жена,

И та замужъ вышла за бурлака.

(Зап. мною въ 1864 г.)

И такъ-то намъ въ службѣ тошно:
 Загналь-то насъ, загналъ православный царь,
 Загналь-то насъ въ ины земли,
 Ахъ да во иныя-то во землюшки,
 На самую-то на границу,
 Охъ, да помориль то насъ,
 Помориль нашъ православный царь,
 Помориль-то насъ голодной смертью.
 Да не чуть-то ничего
 Съ любимой сторонушки
 Ничего только не слышию;
 Только слышно про мою хозяйюшку,
 Слышно, будто она замужъ вышла
 За такого-то, бають, за бурлаченку,
 За бурлака молодого.
 Сказали про того бурлаченка,
 Что бурлакъ богатъ больно,
 Объявилъ-то, объявилъ этотъ бурлаченка
 Всего только три полушки:
 Какъ и первую-то полушечку
 Попу за вѣщанье,
 А другую-то полушечку
 Дьячкамъ за читанье,
 Какъ и третья-то полушечка
 Женѣ на разживу:
 Живи-ка, моя хозяйюшка,
 — Живи-ка ты, разживайся,
 Ни объ чемъ ты не печалься,
 Поживемъ подольше
 Наживемъ побольше.

(Зап. А. А. Мясоѣдовом.)

Неожиданная помощь Царю подѣ Казанью.

(Симбирск. губ. Корсуя. у. с. Усть-Урень.)

Какъ далеченько, далеченько во чистомъ полечкѣ,
 А еще того подалече на синемъ моречкѣ,
 Какъ на славнымъ на Черностовскимъ было островѣ:
 Какъ не бѣлыя лебедочки солеталися,

Какъ не ясныя соколочки спорхалися,

Сходилися музурушки персидскіе

И низовые бурлаченьки безпашпортные.*

Они думали-гадали думу крѣпкую заединую,

Выбирали себѣ атаманушку походнаго.

— «Ужь кому-то у насъ, ребята, атаманомъ быть,

— Ужь кому-то, разудалые, есауломъ слыть?» —

— «Атаманомъ быть у насъ—Степану Тимоѣевичу,

— А есауломъ слыть—Мягитѣ Романовичу.»

Атаманушка самъ по округу похаживаетъ,

Онъ серебряной своей тросточкой помахиваетъ.

Атаманушка рѣчь возговорить—какъ въ трубу струбить,

Есаулъ рѣчь промолвить—какъ въ свирѣль заиграетъ:

— «Ужь какъ-то намъ будетъ, братцы, пройти во славу Астрахань?***

«Мы пройдемъ, братцы, въ славу Астрахань во глухую полночь,

— Ужь и купимъ, братцы, атаманушкѣ забавушку—коня добраго,

— А есаулу купимъ забавушку—ружье огненное.

(Зап. мною отъ крестьянина Цылова въ 1856 г.).

Разгословья:

* Сходилися музурушки персидскіе,

Бурлаченьки низовые безпашпортные,

И собирались они во единый кругъ,

Они думали-гадали думу крѣпкую, заединую:

Ужь кому-то изъ насъ, доброму молодцу, атаманомъ быть,

И кому-то изъ насъ, доброму молодцу, есауломъ слыть?

— Атаманомъ быть Матвѣишкѣ Тимоѣевичу,

— Есауломъ слыть Никитушкѣ Романовичу.»

** Ужь какъ-то намъ, ребяташи, протять въ славный Астрахань?

Ужь какъ-то намъ будетъ, ребяташи, по базару гулять?

Ужь чего-то намъ будетъ, братцы, на базарѣ закупать?

— Ужь мы да купимъ нашему атаманушкѣ коня добраго,

— Еще купимъ мы ему саблю вострую,

— Есаулу мы закупимъ ружье огненно,

— И поѣдемъ гулять по возморьяну.»

(Зап. мною отъ ратника Н. Картавинова.)

По слѣдующему ниже разнословію эта пѣсня дальше довольно подробно распространяется о взятіи Грознымъ Казани помощью С. Разина, о пирахъ Царя въ Москвѣ по возвращеніи съ похода, о казни и спасеніи сына его и пр., но, къ величайшему моему сожалѣнію, я не могъ записать это замѣчательное продолженіе вполнѣ, какъ слѣдуетъ, пѣсеннымъ ладомъ: старикъ мой говорилъ чрезвычайно быстро и складно, и когда я его прерывалъ, онъ тотчасъ терялъ тонъ и мѣру, сбивался совершенно съ толку и совсѣмъ иначе продолжалъ. При вторичномъ же пересказѣ онъ еще пуще сбивался, съ трудомъ даже вспоминалъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ имъ сказанное, словомъ, у него во многихъ мѣстахъ не выходило ничего путнаго, и я долженъ былъ удовольствоваться нѣкоторыми только отломками изъ прежняго прекраснаго цѣлаго. Вотъ они:

Послѣ стиха:

«Атаманушка самъ по округу похаживаетъ»

у моего старика слѣдуетъ:

На немъ бархатный кафтанчикъ на распашечку,
Бобровая его шапочка подъ пазухой,
Сафьянные сапожечки на босу ногу.

Послѣ стиха:

«А есаулу купимъ забавушку-ружье огненное»

у него слѣдуетъ:

И возговорить атаманъ, Степанъ Тимоѣевичъ:
«Подъ Казань-городокъ стоитъ бѣлый царь,
«Ни много, ни мало стоитъ, семь годовъ,
«Не взявши Казань-городокъ, хочетъ прочь итти,—
«Пойдемъ-ка, удалые, на подмогу къ нимъ:
«Волжскій-городокъ съ вечера возьмемъ,
«Царицынъ-городокъ во глуху полночь,
«Мелкимъ городочкамъ не поклонимся,
«Казань-то городокъ на бѣлой зарѣ,
«Во самую во Микольскую во заутреню
.....
.....
«Какъ намъ, братцы, пристать, къ пристани?»

«Еже ли бокомъ пристать, стануть палить изъ пушекъ,
 «Еже ли кормой пристать, ловить стануть,
 «Еже ли пристать носомъ, примуть подь руки:
 — «На подмогу ѣдутъ къ намъ!»

Вотъ царь Иванъ Васильевичъ шлетъ посланника:

«Еже ли бокомъ пристали,—палить изъ пушекъ,
 «Еже ли кормой пристали,—ловить ихъ,
 «Еже ли жъ носомъ пристали,—принять ихъ подь руки».

И призываетъ онъ атамана: скажись ты мнѣ: кто?

— Слыхалъ ты, Степанъ Разинъ Тимоѣевъ съ молодцами. —

— «Много ли у тебя посланниковъ?»

— Триста человекъ. —

— «Во всѣхъ винахъ я тебя прощаю,
 Только скажи, какъ Казань городъ взять?»

.....
 Подвели подкопъ подъ Казанку, подъ рѣку,
 Подъ Казанку подъ рѣку, подъ порхову казну,
 Затешили свѣчи на бочкахъ и вышли сами подлѣ стѣны,
 Въ рукахъ тоже свѣчи держуть.

Осердился царь Иванъ Васильевичъ:

Свѣчи всѣ дошли, а бочки не рветъ.

И хочетъ его царь казнить.

— «Царь Иванъ Васильевичъ!

На верху свѣчка теплится—ее вѣтромъ качаетъ».

Только переговорили, и зачало бочку рвать,

И полетѣли стѣны: гдѣ нога, гдѣ рука, гдѣ татарска голова...

.....
 Прїѣзжаетъ царь Иванъ Васильевичъ въ Москву,

Сдѣлалъ пиръ, съѣхались господа къ ему:

Гдѣ хвалятся конями, гдѣ хвалятся женами хорошими,

Кто хвалятся крестьянами богатыми....

.....

(Зап. мною въ 1856 г. отъ 80-лѣтняго слѣплаго старика, имя котораго, къ сожалѣнію, не помню).

Взятіе Казани.

(Самарск. губ.)

а)

Охъ вы старыя старики, пожилые мужики!
 И кто бѣ намъ сказалъ про Казань-городъ,
 Про того царя про Ивана Васильевича?
 Еще Грозный царь Иванъ Васильевичъ Казань-городъ бралъ,
 Подъ Казаночку подъ рѣку подкопъ подводилъ, *
 Онъ закатывалъ бочечки съ порохомя,
 Затеплялъ свѣчи воску ярова,
 Какъ молоденька татарочка по стѣночкѣ похаживала,
 По бѣлымъ бедрамъ рукой похлопывала
 И надъ Бѣлымъ царемъ надсмѣхалася:
 «Гдѣ тебѣ Бѣлый царь Казань городъ взяты!»
 На это царь Иванъ Васильевичъ осердился,
 Онъ приказываетъ своихъ пушкарей казнить, вѣшати,
 Стрижку, ярыжку и сына Федорыча.
 Выбирался изъ нихъ молодой пушкарь:
 «Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ,
 «Не приказывай казнить, вѣшати;
 «На вѣтру свѣча вѣдь скоро горитъ, теплится,
 «А подземельна свѣча тихо горитъ, не скоро теплится». —
 Не успѣлъ добрый молодець рѣчь окончити—
 Взорвало стѣны каменные,

* Разночтеніе:

Подъ Казанку подкопъ подкопалъ,
 Подъ другую сторону подъ Булашъ рѣку
 Они бочки съ порохомя закатывали,
 Зажигали свѣчи воску ярова.
 Какъ татарочка по крѣпости похаживала,
 Грозному царю рѣчь сердитую говаривала:
 — Не видать тебѣ, грозный царь, золотыхъ яковей... —
 Не успѣла татарочка рѣчь окончити, —
 Догорѣли свѣчи воску ярова,
 Разорвали бочки съ порохомя,
 Начало рвать и метать во всѣ стороны,
 Бросать гдѣ нога, гдѣ рука,
 Гдѣ татарская башка.

Стало по стѣнушкамъ кидать-метать:
Гдѣ голова татарска, гдѣ туловище.

(Зап. И. И. Акулинымъ лѣтомъ 1875 г. на Сергіевскихъ
минеральныхъ водахъ).

б).

(Костромск. губерніи.)

Вы послушайте, ребята, что мы станемъ говорить,
А мы старыя старушки станемъ сказывать
Про грозна царя Ивана про Васильевича.
Какъ царь-государь подъ Казань подступалъ,
Онъ подъ рѣчку подъ Казанку подкопъ подкопалъ,
Что подкопъ подкопалъ, сорокъ бочекъ закопалъ,
Что съ тѣмъ ли ярымъ зельемъ, чернымъ порошкомъ,
А на бочки становили воску ярова свѣчи.
Злы Татарове по городу похаживаютъ,
Похваляются да выхваляются:
— Что не быть (дескать) Казанюшкѣ подъ Бѣлымъ водъ царемъ. —
А нашъ царь-государь распалется,
Распалется, прогнѣвается,
А на завтра пушкарей онъ велитъ всѣхъ казнить,
Всѣхъ пушкарщиковъ, зажигальщиковъ.
Какъ одинъ пушкарь посмѣлѣй всѣхъ былъ:
— «А за первое, царь, слово мнѣ нѣтъ казни:
А въ тиши-то свѣчи онѣ тише горятъ,
На вѣтру-то свѣчи онѣ шибче горятъ.»
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить, —
Какъ и взорвало стѣну бѣлокаменную,
Поломало всѣ башенки узорчатыя.
Вдругъ нашъ царь-государь очень веселъ сталъ,
А на утро пушкарей велитъ жаловати:
И всѣмъ пушкарямъ по пятидесять рублей,
Еще той ли славной улицей Стрѣтенскою.

(Зап. г-жею А. Кобыковой, которая слышала ее изъ—
устъ народа въ дѣтствѣ).

Женитьба Грозного царя Ивана Васильевича.

а)

(Самбирск. губ. Корсун. уезда, выселокъ Александровка.)

Что сидите, богатырики?

И чѣмъ же вы похваливаетесь,

Ваша силушка буде отъ Бога,

А имѣніе отъ меня царя.

Задумалъ нашъ Грозный царь жениться:

Онъ бралъ не у насъ, а въ Москвѣ,

И не у князя и не у барина,

Онъ бралъ у Черкашенина,

А имямъ назвать ее—Марья Демругьева.

Онъ бралъ за ней много придаваго:

Триста татаринѡвъ, полтораста бояриновъ,

Семьсотъ Донскихъ казаковъ.

И дѣлалъ онъ про нихъ почетный виръ:

Сажалъ онъ ихъ за столы за дубовые,

За скатерти за клѣтчатыя,

За чашечки, за ложечки корельчатыя.

Кострюкъ хлѣба-соли не душаетъ,

А Местрюкъ бѣла лебедя не рушаетъ,

А на нашего царя лихо думаетъ:

«Пойду въ Москву, стану на бѣломъ камушкѣ,

«И стану я со всѣхъ брать пошлану:

«Съ дымовъ—подымовное,

«Съ красныхъ дѣвушекъ—почередное,

«А со молодухекъ—повѣнешное.»

И вышелъ Микита Романовичъ, царскій дяушкѡ,

На своей на повъ крашеиъ крылеиъ,

Возговорилъ онъ громкимъ голосомъ:

«Еще есть ли на царскомъ дворѣ богатырики?»

(На тотъ часъ ихъ не случилося,

Они же всѣ поразѣхались)

«Чтобы шли они, никого бы не спрашивались,

«И никому бы не докладывались.»

Пришли два брата роуимые

Изъ села Ивановскаго,

По имя ихъ Иванъ Ивановичи,
 По прозванью Кашинины.
 По царскому двору похаживаютъ,
 Пóлки заворачиваютъ, }
 Рукавчики позасучиваютъ,
 Усы за уши закладываютъ.
 Вы послушайте, что возговоритъ царскій дядюшка,
 Царскій дядюшка, Микита Романовичъ:
 «Вотъ вамъ Местрюкъ хлѣбъ-соль на столѣ.
 Хлѣбъ-соль на столѣ, а борцы на дворѣ!
 За что вы, свѣтъ, ухватитеесь?» —
 Местрюкъ бросился — три стола уронилъ,
 Кострюкъ бросился— всю силу помалъ:
 Триста татариновъ, полтораста бояриновъ,
 Семьсотъ Донскихъ казаковъ.
 Ну, выходитъ Местрюкъ на царскій дворъ,
 Бралъ Иванъ Ивановичъ поперекъ его,
 Поднималъ повыше себя,
 А опускалъ пониже себя.
 Первой пошибкой пошибъ—
 Одежку долой съ него сшибъ,
 А другой пошибкой пошибъ —
 Рубашку долой съ него сшибъ:
 Оставался Местрюкъ, въ чемъ мать его родила.
 Онъ соромъ свой зажалъ
 И подъ крылецъ побѣжалъ.
 Да увидала его сестрица родимая, Марья Демругьевна:
 «Ты дуракъ (говорить), дуракъ, мужичій сынъ!
 Поборолъ бы его какъ полекше нибудь.»
 — «Послушайте, Марья Демругьевна!
 Теперича я вывелъ измѣнушку изъ всей земли,
 А Казанское царство къ себѣ приклонилъ.»
 А былъ у ихъ единъ чадо милый, Федоръ Ивановичъ..
 «Охъ ты еси Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 «Хоша ты вывелъ измѣну изъ всей земли,
 «А не вывелъ измѣнушку изъ своа дому:
 «Твоя измѣнушка передъ тобою стоять,
 «Съ тобою рѣчь говорить,
 «Единое платье носите одноцвѣтное,
 «И единое кушанье кушаете сахарное.»

На то же Грозный царь прогнѣвался,
 И братель своего сына за правую за руку,
 И вывелъ онъ его на новъ красенъ крылецъ;
 Возговорилъ онъ громкимъ голосомъ:
 «Да есть ли здѣсь грозные палачики?
 «Взяли бы моего сына,
 «И повели бъ его на поле Кулическое,
 «Привязали бъ его ко плахъ дубовой,
 «И сняли бы съ него буйную голову!»
 Всѣ палачики испужались,
 Со царскаго двора разбѣжались,
 Оставался одинъ Малютка, Скурлатовъ сынъ,
 И братель его сынъ за руку,
 Повелъ его на поле Кулическое,
 И увидалъ его царскій дялюшка, Микита Романовичъ:
 «Охъ ты, Малютка! Не за тѣ-ты столы сажаешься,
 «Не за тѣ кушанья принимаешься,
 «Сходи же, Малютъ, на царный дворъ,
 «И возьми-ка же пса немилаго,
 «И сними съ него голову,
 «И принеси имъ въ крови саблю вострую!»
 — «Охъ вы есть мои сенаторы, 2.
 «Да князя и бояре!
 «Пріѣзжайте вы въ соборъ, церковь Божію,
 «И служите вы молебны опчіе печальныя
 «О моемъ сынѣ, Федоръ Ивановичъ,
 «И надѣвайте черную одежду печальную!»
 Всѣ пріѣхали министры, князя и бояре
 И въ соборъ, церковь Божію,
 И въ одежъ всѣ—въ черную печальную,
 И служили всѣ молебны опчіе печальныя,
 А царскій дялюшка, Микита Романовичъ,
 Надѣвалъ одежду' форменну
 И приказалъ служить молебны за здравіе.
 Обернулся нашъ Грозный царь:
 «Почему же ты, свѣтъ, радуешься?
 «Зачѣмъ ты заказывалъ молебны за здравіе?»
 — «Потому-то я заказывалъ молебны за здравіе,
 «Что представляю вамъ сына въ живности.»
 И братель онъ за ефесъ саблю вострую,

Протыкалъ онъ ему ногу правую.
 Возговорилъ онъ громкимъ голосомъ:
 — Подайте мнѣ перваго дохтура,
 Загѣчилъ бы ему ногу въ три часа:—...

(Зан. мною).

б).

(Калужск. губ.).

Ахъ люди, люди старые,
 Старики вы стародавние,
 Вы послушайте, что я буду сказывати,
 Разговоры разговаривати,
 Что про нашего про-свѣтъ-то царя,
 Про царя-то Ивана Васильевича.
 Какъ нашъ царь холостъ былъ,
 Васильевичъ не женатый былъ;
 Онъ бралъ изъ чужой земли, —
 Молоду младу Черкасьевну,
 Ахъ и свѣтъ Марью Тиршовевну.
 Онъ и много приданого взялъ—
 Городевъ съ пригороднами,
 Что и селки съ приселками;
 Онъ много гостей зазывалъ.
 Какъ воѣ-то гости съѣхались,
 Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ:
 Ахъ и нѣтъ гостя любимаго его,
 Да жены брата роднаго.
 Пріѣхалъ онъ апослѣ всѣхъ,
 А садится повыше всѣхъ,
 Что за тѣ столы дубовые,
 За тѣ скатерти бранныя
 А за лѣтва сахарныя, —
 Хлѣба-соли онъ не кушаетъ,
 Бѣла лебеде не рушаетъ,
 Онъ и лихо-то думаетъ,
 Что на нашего на свѣтъ-царя,

На царя Иванъ Васильевича.
 Возговорить Кострюкъ-Мострюкъ:
 «Сколько я земель проходилъ,
 «Сколько я городовъ проѣзжалъ, —
 «Не сыскалъ по себѣ борца, бойца,
 «Не сыскалъ по себѣ удала молодца.»
 Нашъ царь разсердился,
 Свѣтъ Васильевичъ разгнѣвался,
 Онъ и вышелъ на красно крыльцо,
 Онъ и гаркнулъ по всей каменной Москвѣ:
 «Вы сходитесь, борцы, бойцы,
 «Вы сходитесь удалые молодцы!»
 Какъ сошлись, борцы, бойцы,
 Какъ сошлись удалые молодцы,
 Ахъ и свѣтъ дѣти Калашниковы.
 На ногахъ они низешеньки,
 Во плечахъ широкошеньки,
 Они бороды расчесываютъ,
 Они усики разглаживаютъ,
 На ножку прихрамливаютъ,
 На носокъ приговариваютъ.
 Возговорить царь Иванъ Васильевичъ:
 «Выходить-ко Кострюкъ-Мострюкъ!
 «Есть у меня борцы, бойцы,
 «Есть у меня удалые молодцы.»
 Какъ сталъ вставать Кострюкъ-Мострюкъ,
 Полтораста скамей свалилъ, —
 А триста господъ задавилъ.
 Онъ схватился и съ старшимъ братомъ.
 Они водились день до вечера.
 Возговорить меньшій братъ:
 «Ахъ! ты братъ, ты братъ мой родной!
 «Не теряй своего купечества,
 «А еще къ тому молодечества!
 «Ты подай-ка мнѣ, борцу, бойцу,
 «Ты подай-ка мнѣ, удалому молодцу!» —
 Онъ и сталъ его обхватывать,
 Да повыше себя взмахивать,
 Онъ ударилъ объ сыру мать-землю. —
 Сыра мать-земля дрогнула,

На немъ тѣло бѣло лопнуло,
 А сапожки сами съ него свалилися.
 Возговорить молода, млада Черкасьевна,
 Ахъ свѣтъ Марья Гимрьевна:
 «Ты мужикъ, ты мужичій сынъ,
 «Подкрапивныи твои стѣпены
 «Ты не билъ бы объ сыру: мать-землю;
 «Ты силъ бы зеленъ кафтанъ
 «И сафьянныя сапожонки,
 «Ты пустилъ бы его тѣлешомъ-нагншомъ.»
 Возговорить царь-государь,
 Царь Иванъ Васильевичъ:
 «Ахъ и чѣмъ дѣти васъ жаловати,
 «Городами ли, пригородками,
 «Или золотой казною?»
 Возговорять свѣтъ-дѣти Калашниковы:
 «Не жалуй насъ, царь-государь,
 «Ни городами, ни пригородками,
 «Ни золотой казною,
 «Вели намъ торговать безданно, безошливно.»

(Сообщ. А. П. Глиной.)

в).

(Пермск. губ. Камышловск. уѣзда.)

Вздумалъ нашъ царь-государь Иванъ Васильевичъ,
 Захотѣлъ поженитися.
 Засваталъ во иной земль у Стрюка Семрюковича,
 Марью Стрюковну, молодую Черкашенку.
 Пріѣхалъ пріѣзжій гость Стрюкъ Семрюковичъ,
 Онъ пива-вина не пьетъ, хлѣба не кушаетъ,
 Бѣлую лебедь не рушаетъ...
 Ходить пристольникъ царевъ Микита Романовичъ:
 «А что у насъ за пріѣзжій гость?
 «Пива-вина не пьетъ, хлѣба не кушаетъ;
 «Не на насъ ли онъ лихо думаетъ,
 «Не на нашего ли грознаго царя Ивана Васильевича?»
 Отвѣчаетъ Стрюкъ Семрюковичъ:
 «Хоть я пива-вина не пью, хлѣба не кушаю,
 «На васъ лиха не думаю.

«Думаю я: есть ли кому у васъ въ Москвѣ бѣлокаменной
 «Со мной поборотися, побарахтаться?
 «Промежу собой силу извѣдати?»
 Выходить пристольникъ царевъ Микита Романовичъ
 На прекрасное крылечко борца спрашивать...
 Борцы испужались, за Москву разбѣжались,
 Одинъ Васянька, одинъ маленькой,—
 — Дѣться-то ему некуда, убѣжать не надѣется, —
 Ко крыльцу онъ подвигается, ко полатѣ бѣлокаменной.
 Увидалъ его Семрюковичъ, молодой Черкешенокъ,
 Не могъ за столомъ усидѣть, черезъ столъ колесомъ покотилъ,
 Три скамьи подломилъ, пятьдесятъ человекъ уронилъ,
 Прибѣжалъ на крутое крыльцо,
 Сталъ на круги похаживать, круто помы замахивать.
 — «Слушай царь-государь, грозенъ Иванъ Васильевичъ!
 «Толи ты дружишь, толи смѣешься надо мной?
 «Съ кѣмъ я это буду боротися?
 «Не съ кѣмъ плечамъ расходитися,
 «Не съ кѣмъ носкомъ колотитися.»
 Отвѣчаетъ ему Васянька, отвѣчаетъ маленький:
 «Я ударюся о великъ закладъ: кто кого поборетъ—
 «Раздѣвать того до-нага, разувать того до-боса,
 «Пинать того подъ г...о подъ круто крыльцо»....
 Зачали круто-на-круто похаживати,
 Круто помы замахивати.
 Хватилъ его Васянька, хватилъ его маленький, —
 Съ бедра да и о землю....
 Принималъ платье до-нага, разувалъ ноги до-боса,
 Запиналъ подъ круто крыльцо...

(Зап. Членомъ сотрудникомъ Имп. Русск. Геогр. Общ. А. Я. Кокосовымъ и сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

г).

(Новгор. губ. Кирил. уѣзда.)

Паштрукъ, Паштрукъ, пашъ турецкій,
 Пашъ турецкій да земли Греціи;
 Приходитъ онъ въ камениу Москву,
 Въ камениу Москву къ Государю самому.

«Ужь вы гой еси, цари Бѣлые,
 «Иванъ Васильевичъ, Никита Романовичъ,
 «Московскіе управители всей Москвы!
 «Дайте мнѣ супротивничка, борца поборотися,
 «Если вы не найдете, то васъ въ пастухи найму.»

Посылають цари Бѣлые трехъ посланниковъ,
 По каменной Москвѣ искать двухъ братцовъ, двухъ роднень-
 кихъ.

Одного Степаньку маленькова, другова Ваську коротенькова.

И искали ихъ ровно трои сутоки:

(Нашли ихъ въ кабацѣ пьяными)

— «Здорова, два братца, два родненькіе!

— Степанко маленькой, Васютка коротенькой!

— Васъ царь скоро требуетъ.»

— За чѣмъ онъ скоро требуетъ?

— У насъ съ похмѣлья головы болятъ,

— Дайте намъ зелена вина ровно два ведра!—

Посланники деньги выдали.

Приходятъ два братца родненькіе на бѣлый дворъ:

«Вы здравствуйте Цари Бѣлые,

«Иванъ Васильевичъ, Никита Романовичъ,

«Московскіе управители всей Москвы!

«Зачѣмъ же мы скоро вамъ надобны?»

— Приходить къ намъ Паштрукъ,

— Пашъ Турецкій, земли Греціи;

— Проситъ супротивника, борца поборотися,

— Если я не найду, то хочеть въ пастухи нанять.—

Богатырское сердце Паши разгорѣлося;

Высочилъ онъ изъ-за дубовыхъ столовъ,

Изъ-за явствъ сахарныхъ, изъ питей медовыхъ.

Поломилъ триста поповъ, сто пятьдесятъ дьяконовъ,

И пятьсотъ Донскихъ казаковъ.

Какъ по половкамъ идетъ, половки подрагиваютъ;

По ступенькамъ идетъ, ступеньки вверхъ играютъ;

И выходитъ онъ на бѣлый дворъ:

«Здорова, два братца, два родненькіе,

Одинъ Степанька маленькой, другой Васютка коротенькой!»

Васька на ножку припадываетъ, а самъ приколыхиваетъ.

Возговорилъ Васька таково слово:

— Ужь вы гой еси, Цари Бѣлые,

— Иванъ Васильевичъ, Никита Романовичъ,
 — Московскіе управители всей Москвы!
 — Смытъ ли намъ съ этакимъ певѣжкой поборотися?
 Какъ бы вамъ Богъ помогъ...
 Брагъ же Нашу Васька за толстыя руки, за мягкіе бока;
 Грянулъ его о сырую землю,
 Сыра земля раздалася на казенную сажень,
 Сорвалъ съ него ожерельице въ пятьсотъ рублей.
 Приходить къ нему молода жена:
 — Пашъ Турецкій, да земли Греція:
 — Этакъ у насъ и не водится,
 — Этакъ у насъ и не борются.
 — Этакъ у насъ борются,
 — Этакъ у насъ водится...
 Какъ возговорилъ Иванъ Васильевичъ:
 Чѣмъ же я васъ буду дарить, жаловать?
 Ничего намъ не надобно; только дай попить, погулять,
 Пожить, погулять трои суточки.

(Зап. У. Сермягинъ въ 1860 г. Сообщ. Л. Н. Майковымъ).

Смерть Грознаго царя Ивана Васильевича.

а).

(Самбирск. губ. Буниск. уѣзда, дер. Кошлова

Какъ ударили въ Москвѣ въ большой колоколь,
 Только слышно то было по всей каменной Москвѣ —
 (И по всей арміи, и по всей конной гвардіи)
 Еще померъ-то у насъ Православный царь
 Православный царь Иванъ Васильевичъ.
 «Сдѣлаемъ ему гробокъ кипарисовой,
 «Саванокъ-то сошьемъ миткадиновый,
 «Мы схоронимъ царя за Москвой рѣчкой!»

б).*

(Той же губ. Корсунск. уѣзда, с. Усть-Урень).

Ужь ты батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ!
 Ужь ты свѣтишь, мѣсяцъ, во всю темную ночь:
 Освѣти-ка, мѣсяцъ, каменну Москву!
 Въ каменной-то Москвѣ, во святой Русѣ,
 У собора было у-во Спленскаго,
 Молодой-то солдатъ на часахъ стоять,
 На часахъ-то стоять, Богу молится,
 Богу молится, самъ слезно плачетъ:
 «Понесите съ горъ, буйны вѣтры,
 «Разнесите, вѣтры, всѣ желты пески!
 «Разступись, матушка-сыра земля,
 «Вскройся, гробова доска,
 «Распахнись-ка, бѣлъ тонкой саванъ,
 «Ты возстань, возстань, Православный царь,
 «Православный царь, Иванъ Васильевичъ!
 «Ужь вся-то Москва на потрясъ пошла,
 «Ужь всѣ-то полки во походъ пошли, —
 «Ужь первый-то полкъ пошелъ Семеновскій,
 «А другой-то полкъ пошелъ Измайловскій,
 «Третій пошелъ Петропавловскій:
 «Ужь всѣ-то купцы перепугалися,
 «На синее моречко разбѣжались,
 «На легкія лодочки побросалися»

(Объ запис. мною: первая отъ крестьянина Максима Щербикова.
 послѣдняя отъ ратника Картавенкова).

Про Димитрія Царевича.

1.

(Саратовск. губеря. городъ Хвалынскъ).

Въ восьмомъ году, въ восьмой тысячѣ,
 Въ нынѣшнемъ народѣ правда вывелася,
 Вселилось въ народѣ лукавство великое,
 Упало лукавство не на воду и не на землю,
 Упало лукавство царю Дмитрію на бѣлу грудь.

Убили же царя Дмитрія во гуляньѣ на игращахъ;
 Убилъ же его Гришка растриженный,
 Убимши его самъ на царство сълъ,
 И не скѣлько царилъ — только семь годовъ.

(Запис. мною 19 Юля 1872 года, отъ крестьянина Чернощюкова).

2.

(Сямби.ской губер. Корсунскаго уѣзда, въ селѣ Усть-Уренѣ).

Убили, убиди царевича въ Угличѣ,
 А мощи его явились въ каменной Москвѣ,
 Во славномъ во соборѣ Архангельскомъ.
 Ахъ Боже ты нашъ, Боже!
 За что на насъ Господь прогнѣвался?
 Сослалъ намъ Господь намѣстничка,
 Что того ли вора Гришку Отрепьева.
 Гришка Отрепьевъ незаправскій царь —
 Признавалъ, узнавалъ его пятисотный стрѣлецъ...
 Всѣ добрые люди идутъ къ заутрени,
 А Гришка съ Маришкой въ баню идутъ.

(Запис. мною отъ крестьянина Цылова).

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(Вятской губерніи).

Не во далече, далече во чистомъ полѣ,
 А еще того подалъ на синемъ мѣрѣ—
 Не два ясна соколочка солеталися,
 Они старыя колбища безпачпортныя,
 Они думушку гадали, думу крѣпкую,
 Думу крѣпкую гадали да единую:
 — А кому же изъ насъ, братцы, атаманомъ быть? —
 Атаманомъ быть Милитушкѣ Бугрѣву,

Есауломъ быть Ермошкѣ Тимофееву. —
 Атаманъ-отъ говорить, ровно въ трубу трубить,
 Есаулъ-отъ говорить, ровно во свирѣль играть.
 — А не полно ль намъ, ребята, разбой держать?
 Разбивали мы, ребята, бueвые корабли,
 Что Пермятски, Астрахански, все купеческіе. —
 Пермятскую губернію возьмемъ съ вечера,
 Астраханскую губернію во тужу полночь,
 Мелкія славны городишки на утрѣ возьмемъ,
 Что во мелкіхъ городишкахъ не задержимся.

(Соебщ. Н. А. Александровымъ).

Про Стеньку Разина.

(Верской губ. Камышловск. уѣзда.)

1.

Какъ по ранней, ранней утренней зарѣ,
 Внизъ по матушкѣ по Волгѣ по рѣкѣ,
 Выплываетъ быстра лодочка легка,
 Быстра лодочка легка о шести-то о гребцахъ,
 Что въ этой легкой лодочкѣ сидитъ,
 Въ ней сидитъ-то принаряженный купецъ,
 Онъ плыветь-то въ славный городъ Астрахань,
 Въ славный городъ Астрахань, по купеческую дочь.
 Охъ, красавица купеческая дочь!
 Выходи-ко на высокое крыльцо,
 Ты встрѣчай-ко астраханскаго кушца,
 Стеньку Разина удала молодца!
 Ты сяди-ко за набранные столы,
 Меду-патоки съ поклономъ подноси,
 Ты цѣлуй-ко Стеньку въ молодецкія уста,
 Ужь за это тебя Стенька наградитъ,
 Шелку-бархату на платье подаритъ.

2.

(Тамъ же).

Во славномъ было городѣ во Астрахани,
 Проявился тутъ дѣтинушка незнамой человекъ,
 Буро-щепетно по городу похаживаетъ,
 У купцовъ гостинный дворъ запечатывается.
 Увидали молодца со Астраханскаго крыльца,
 Закричалъ тутъ губернаторъ громкимъ голосомъ,
 Вы подите, приведите добра молодца сюда,
 Къ губернатору на дворъ. . .
 Его началъ губернаторъ грозно спрашивать:
 — Отколѣ ты такой, дѣтинушка, незнамый человекъ,
 Не бѣглець-ли ты, не бѣглый-ли прохосий человекъ,
 Поведите молодца во Астраханскую тюрьму! —
 Только успѣлъ молодець одно слово сговорить:
 — Завтра мой батюшка самъ къ тебѣ въ гости придетъ,
 Ты умѣй-ко его встрѣтить, умѣй честно проводить. —
 Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ по рѣкѣ,
 Тутъ плыла-то, выплывала одна лодочка легка,
 На лодочкѣ гребцовъ пятьдесятъ молодцовъ.
 Хорошо гребцы гребутъ, складно пѣсеньки поютъ.
 Одинъ-то молодець не грянетъ, не гребетъ.
 — Что-то сегодня мнѣ, ребятушки, день скучный,
 Что-то сего дня моему сердцу вѣщо. . . .
 Знать-то мой сынокъ во погибели сидитъ,
 Во погибели во большой, во Астраханской во тюрьмѣ.
 Пособи, Боже, въ Астрахань городъ зайти,
 Астраханскую тюрьму головней всю покачу,
 Астраханскихъ всѣхъ невольниковъ на волю распущу,
 Съ самаго--то губернатора со живаго кожу сдеру,
 Астраханскую губернаторшу на штыкъ посажу,
 Астраханскую его дочь себѣ въ постельницы возьму.

(Объ запас. Членовъ-сотрудниковъ Имп. Русск. Географ. Общества
 А. Я. Кокосовымъ и сообщ. Л. Н. Мейеровымъ).

3.

Ахъ да наши лѣса ль лѣсочки,
 Лѣса темные,
 Ахъ да вы станы ли наши,
 Станы наши теплые!
 Ахъ да еще всѣ-то наши, братцы, да лѣсочки
 Всѣ лѣса наши порублены!
 Ахъ да еще всѣ-то наши, братцы, да кусточки
 Всѣ кусты наши повызжены!
 Ахъ да еще всѣ-то наши, братцы, друзья-товарищи,
 Ой, братцы, всѣ переловлены.
 Ахъ да всѣ въ желѣзные въ ручные они кандашки
 Да всѣ позакованы!
 Ахъ да всѣ по уѣзднымъ, братцы, городкамъ
 Они всѣ поразосланы,
 Ахъ да всѣ по мѣстамъ они только по допросамъ
 Они подопрошены!
 Ахъ да что одинъ за насъ, братцы, только товарищъ.
 Одинъ только не пойманъ былъ,
 Да по-прозваньицу былъ-то онъ, по фамильици,
 Онъ былъ Сенька Разинъ сынъ.
 Ахъ да зашаталась его буйная вотъ головушка
 Она только по чистому полю.
 (Сибирь. На Ильгнскомъ винокуренномъ заводѣ, на рѣкѣ Лейб).

4.

(Тамъ же).

Горы, горы, горы крутыя
 Вы горы Змѣевы,
 Вы позвольте горы,
 Горы постояти,—
 Намъ не годикъ здѣсь годовати,
 Одну ночку ночевати,
 И тою всю не спати:
 Пуль, пороху набирати,
 Пушки, ружьи наши заряжати,
 Во чисто поле стрѣляти,
 Стеньку Разина намъ встрѣчати.
 На Петровскомъ на лужечкѣ

Всѣ майданики * запустили,
 Всѣ несчастные приуныли:
 Стенки Разина вотъ у насъ не стало,
 Мы пойдемъ-те-ка, ребята,
 Въ бѣлокаменны палаты, —
 Ахъ да изъ палатушекъ посмотримъ
 Внизъ по матушкѣ да по Волгѣ,
 Да по широкой, славной долгой:
 Не бѣлымъ было на ней забѣгло,
 Не чернымъ черно зачернѣло
 Забѣгли то тонки парусочки.

(Обѣ записаны И. П. Коряловымъ.)

5.

(Симбирск. губ. Кореун. уѣзда, села Усть-Урень).

Не рябинушка со березынькой содвигается,
 А не травонька съ травонькой соплетается,
 Какъ не мы-ли, добрые молодцы, совыкаемъся.
 Какъ лѣса-ли мои, лѣсочки, лѣса темные,
 Вы кусты-ли мои, кусточки, кусточки таловые,
 Вы станы-ли мои станочки, вы станы мои темные,
 И еще ли вы мои, лѣсочки, всѣ порубленные,
 Всѣ кусты мои, кусточки, всѣ поломанные:
 Всѣ друзья мои, братцы-товарищи, перелѣвленные
 По разнымъ тюрьмамъ всѣ посаженные,
 Оставался одинъ товарищъ Стенька Разинъ сынъ....

(Запис. мною въ 1856 г. отъ крестьянина Цыглова.)

6.

(Пермск. губ. Казанск. уѣзда.)

Среди полюшка, поля чистова,
 Тутъ-то дубъ стоитъ одинъ одинешенекъ,
 А подъ дубомъ тѣмъ добрый молодець,
 Добрый молодець Степанъ Тимофѣевичъ.

* Майданики — разбойничьи станы.

Передъ нимъ лежитъ ружье бранное,
 По лѣву руку что тяжелъ камень,
 По праву руку сабля острая.
 Воздохнувши онъ слово вымолвилъ:
 — Охъ ты волюшка, воля буйная,
 Воля буйная да казацкая!
 Спугубила ты добра молодца,
 Добра молодца Стеньку Разина!
 Кабы слушался отца съ матерью,
 Споважилъ бы крестова батюшку,
 Не скитался бы по бѣлу свѣту....
 Какъ умру-то я доброй молодець,
 Похоронять меня безъ отпѣтія,
 Безъ креста, безъ попа, безъ ладома,
 Во темномъ лѣсу, во сыромъ бору,
 Прощумить по мнѣ лѣсъ дремучій боръ:
 — Память вѣчная Стенькѣ Разину!—

7.

(Тамъ же.)

Хорошо-то городъ испостроился,
 Лучше городу да лучше Питера,
 Да лучше матушки каменной Москвы, —
 Вокругъ города да роща зеленая,
 Въ этой рощицѣ воры разбойнички.
 Вся-то рощица да испорублена,
 Балаганчики все разоренные,
 Все-то воры-разбойнички да пойманы —
 Поймали-то плута Стеньку Разина,
 Его поймали да связать не могли,
 Міромъ проклинали да на-нивъ прегнали...

8.

(Тамъ же.)

Ужь загорѣлася въ чистомъ полѣ ковыль трава,
 Добралася до бѣлаго до камешка,—
 Что на камешкѣ тамъ сидитъ младъ, ясенъ соколъ—
 Подпалилъ-то свои крылушки быстрые,
 Обжегъ-то соколъ ноженьки скорыя.
 Прилетало-то къ соколу стадо вороновъ,
 Садилась-то вороны вокругъ сокола,
 Что въ глаза-то ясну соколу насмѣхалися,
 Называли-то яснаго сокола вороною:
 — Охъ ворона ты, ворона да подгуленая! —
 Возговорить въ кручинѣ младъ ясенъ-соколъ:
 — «Уже какъ пройдетъ бѣда моя да со кручиною,
 Отращу что я свои крылья, крылья быстрыя,
 Заживлю я свои ноги скорыя,
 Ужь взовьюся я ясенъ-соколъ выше облака,
 Опущуся я въ ваше стадо быстрой стрѣлой,
 Перебью я васъ черныхъ вороновъ до единого.» —
 Когда былъ Степанъ Разинъ во неволюнкѣ,
 Вскричалъ-то онъ, воплилъ громкимъ голосомъ:
 — «Ой вы гой еси мои друзья, братцы, товарищи,
 Не покиньте вы меня во неволѣ добра молодца,
 Ужь пригожусь-то я вамъ, братцы, на время,
 Замѣню-то я вамъ смерть животомъ моимъ,
 Животомъ своимъ да вольною волею...»

(Всѣ три записаны Членомъ — сотрудникомъ Имп. Русск. Геогр. Общества А. Я. Кокосовымъ и сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

9.

(Московскій г.б. Боднарскаго уѣзда.)

У Троицы было у Сергія подъ горой,
 За каменною за бѣлою стѣной,
 Стояла тамъ темная темница.
 А во той ли темной темницѣ

Сидѣлъ тамъ удамой молодчикъ
 По имени-прозванью Стецька Разинъ.
 Никто къ нему не зайдетъ и никто не заѣдетъ,
 Зашла къ нему, заѣхала гостя дорогая,
 Гостя дорогая, матушка родная:
 — Дитя ли ты мое, дитятко, дитя чадо милое!
 Не полно ли тебѣ; мое дитятко, во темницѣ сидѣти
 Не пора ли тебѣ, мое дитятко, вонъ выходити!
 Семь разъ я тебя выкушала, —
 По тысячѣ рублей давала,
 А теперь восьмой тысячи не стаю.—
 — При пирѣ при бесѣдушкѣ
 Много друзейвъ-братьевъ,
 А какъ при горѣ, при кручинѣ —
 Всѣ прочь ототупились.

(Слобц. А. Н. Островскимъ.).

Прощенье Стецьки Разина.

1.

(Саратовскій губ. Сердобск. уѣзда.)

Какъ по Астраханской по улицѣ,
 Шелъ удалый молодець. (2)
 Въ черной бархатной корсеточкѣ,
 На раснапечку идетъ (2)
 И свой персидскій кушачекъ (2)
 Во правой рукѣ несетъ.
 Черная пиджа (2) съ прозументами
 На лѣвомъ (2) ушкѣ.
 Съ енералами, съ сенаторами
 Самъ не кланѣтся, идетъ (2)
 Къ Астраханскому губернатору
 Самъ подъ судъ къ нему не идетъ (2);
 Увидалъ же его губернаторъ
 Съ бѣлихъ, каменныхъ палатъ (2),
 Закричалъ же губернаторъ
 Громкимъ голосомъ своимъ (2):
 — «Слуги мои вѣрные,

Вы донскіе казаки (2)
 Вы подяте разыщите-ка,
 Разудалаго молодца, (2)
 И вы ищите его добра молодца
 По всей Астрахани, (2)
 И вы ищите его разудалаго
 По трактирамъ-кабакамъ, (2)
 Да и по питейнымъ домамъ. > (2) —
 И привели же его разудалаго
 Къ губернатору подь суль, (2)
 И сталь же его губернаторъ
 Крѣпко выпрашивать:
 — Да уже чей ты и отколь же,
 Чьего роду племени?
 А ты чьего дома,
 Чей ты матери, отца?
 Ты не съ Волги ли бурлаченка,
 Ты не съ Дону ли казакъ? (2)
 Ты не съ матушки ли каменной Москвы,
 Ты купеческой сынокъ?—
 — Я ни съ Волги ни бурлаченка,
 И ни съ Дону я казакъ, (2)
 Я ни съ матушки съ каменной Москвы,
 Ни купеческой сынокъ. (2)
 Ахъ я съ рѣчушки со Камушки,
 Сеньки Разина сынокъ. (2)
 Закричалъ же на него губернаторъ
 Громкимъ голосомъ своимъ: (2)
 — Ахъ вы поведите его разудалаго
 Въ бѣлый каменный острогъ (2). —
 Ахъ да невольничковъ какъ я выручу,
 Губернатора я выучу, (2)
 Ахъ да по всей ли Астрахани
 А я моремъ проплыву (2)
 Всѣхъ невольничковъ парусомъ проведу.

(Зав. В. А. Масовдой.)

2.

(Новгород. губ.)

Очутился-проявился адсь незнакомый человекъ,
 Здсь незнакомый, незнакомый, неизвѣстно чей откуль.
 Баско, шепетно по городу погуливаетъ, —
 На босу ногу башмачки, черна шляпа пуховая,
 Синь кафтанчикъ на молодцѣ на распашечку надѣтъ,
 Бѣлъ персидской кушачекъ черезъ плечико взудрестъ.
 Ужъ какъ шелъ-прошелъ дѣтинушко гостиннымъ рядомъ,
 Гостиннымъ, рогозиннымъ съ Астраханскимъ купцомъ.
 Астраханскій губернаторъ увидѣлъ изъ окна,
 Ему честь онъ воздаеть, низко кланяется,
 Низко кланяется, все выспрашиваетъ:
 — Ужъ ты чей, откуль, дѣтина, чьихъ губернъ-городовъ? —
 Я такой-сякой дѣтина, Сеньки Разина сынокъ,
 Сеньки Разина сынокъ, расторопный паренѣкъ.

(Сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

3.

(Сарат. губ. Хвалыиск. уѣзда, с. Безобразовка):

Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ по астраханской,
 Тутъ и шелъ прошелъ мальчишка,
 Онъ не знамый, разудалый, чей такой!
 На немъ сѣренькій кафтанчикъ, голубой на немъ камзолъ,
 Голубой на немъ камзоликъ, на распашечку идетъ,
 Свой персидской кушачишко во правой рукѣ несетъ,
 Разбѣлехоньки перчатки во лѣвой рукѣ держалъ,
 Разбумажненьки чулочки на рѣзвухъ его ногахъ,
 Козловые полусапожки на бумажненькихъ чулкахъ,
 Черна шляпа со бархоткой на русыхъ его вудряхъ.
 Шелъ онъ городомъ-базаромъ — не кланялся ни съ кѣмъ,
 Ни съ купцами, ни съ господами, ни съ кѣмъ черну шляпу не
 ломалъ,
 Съ Донскими казаками челомъ землю не бьетъ,
 Къ Астраханскому новому губернатору подъ судъ нейдетъ.
 Заходилъ молодчикъ удалый въ царѣвъ новый кабакъ,

И беретъ вина много, — никому расчетъ деньгамъ не даетъ,
 Расчетъ деньгамъ не даетъ, на поставъ рукою бьетъ.
 И увидѣлъ Князь губернаторъ со високаго крыльца,
 Закричалъ Князь губернаторъ громкимъ важнымъ голосомъ:
 — У меня ли при дворцѣ слуги вѣрные при мнѣ?
 Вы подите слуги вѣрные во царевъ новый кабакъ,
 Тамъ какой-то невѣжа вино пьетъ, расчетъ деньгамъ не даетъ,
 Расчетъ деньгамъ не даетъ, на поставъ рукою бьетъ,
 Вы возьмите слуги вѣрные, приведите его сюда. —
 Какъ взяли-ухватили его удалова молодца,
 Повели молодчика къ губернатору къ крыльцу.
 И сталъ Князь губернаторъ крѣпко спрашивать его:
 — Ты скажи, скажи, дѣтянка изъ какихъ ты изъ земель,
 Иль ты князь какой, иль бояринъ, иль купеческій сынъ,
 Иль изъ иныхъ городочковъ не скорой ли ты посолъ? —
 Разудаленькій мальчишка отвѣтъ скоро держалъ:
 — Я ни князь, ни бояринъ, ни купеческій я сынъ,
 Ни изъ иныхъ я городовъ ни скорой я посолъ;
 А я со тою сторонки, со Камы со рѣки,
 Со Камы со рѣки, Стеньки Разина сынокъ. —
 — Посадили молодчика въ верхній каменный камаръ.
 И по камару онъ похаживаетъ,
 Частехонько въ окошечко поглядываетъ.
 Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ плыли-выплывали эвсаулушки три
стружка:
 Во первымъ во стружечкѣ золотая его казна лежитъ,
 Во другимъ во стружечкѣ гребцы пѣсельники сидятъ,
 Во третимъ во стружечкѣ — самъ Степанъ Разинъ Тимофѣевъ.
 И возгаркнулъ онъ, воскрикнулъ громкимъ-важнымъ голосомъ:
 — Ужъ вы братцы мои, ребята! Мнѣ нынче темной ночи не
спалось,
 Не спалось мнѣ темной ночи, много видѣлось во снѣ:
 Будто мой милый сыночекъ во-поймани сидитъ,
 Во такой во-поймани — бѣлокаменной тюрьмѣ...
 Я бѣлокаменну тюрьму во камешку разберу,
 Астраханскаго Князя губернатора къ себѣ подъ судъ возьму.

(Запис. мною 24 Июля 1872 года, отъ крестьянина Фед.
 Семенова Вдовина).

Смерть Царя Алексѣя Михайловича.

(Москва).

Ужь ты батюшка свѣтелъ мѣсяць,
 Что ты свѣтишь не по прежнему,
 Не по прежнему не по старому,
 Все ты прятешься за облака,
 Застылаешься тучей грозной!
 Какъ у насъ было на святой Руси,
 На святой Руси въ каменной Москвѣ,
 Во Кремлѣ было въ славу городъ,
 Близъ Ивана, близъ Великаго,
 Во соборѣ было во Архангельскомъ,
 Какъ у праваго было въпроса
 Молодой стрелецъ на часахъ стоитъ,
 На часахъ стоять, Богу: молить,
 Онъ плачетъ: какъ рѣка льетъ,
 Возрыдаеть слезъ ручьи текутъ,
 Онъ не бьетъ баранша дремкомъ,
 Бердыша дремкомъ о сыру землю:
 — Ужь ты гои: еси, мати сыра земля:
 Ты раздайся на всѣ стороны,
 Ты раскройся грѣбова доска,
 Развернися золота камка!
 Ты возстань, возстань Православный царь,
 Православный царь Алексѣй Михайловичъ,
 Премотри ты на свою семью,
 На свою семью, на святую Русь,
 На святую Русь, на Матьву, матушку,
 Москву матушку сиротинушку!—

(Запис. со словъ Д. Е. Мочалова, слышавшаго эту пѣсню въ Москвѣ, отъ 134-лѣтняго старика солдата.)

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ПЕРВАГО.

Гитѣвъ Царя на стрѣльцовъ.

(Самарск. губ.)

Государь царь на стрѣльцовъ прогнѣвался,
 Приказалъ ихъ рубить и вѣшати.
 Случилось нашему батюшкѣ,
 Петру Алексѣевичу, со крыльца сойти:
 Передъ нимъ стоитъ дородный добрый молодець
 Стрѣлецкій атаманушка.
 На нёмъ соболья шубенна въ пять сотъ рублей,
 А бобровая шапочка въ тысячу.
 Онъ поклонился царю-то въ рѣзы ноги:
 «Ой ты, ой еси нашъ битюшка,
 «Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
 «Не прикажи ты весь садъ рубить на корень,
 «Хоть покинь ты въ саду одну яблоньку на съменьку.»
 — Ой ты, ой еси стрѣлецкій атаманушка!
 — Ты пошелъ отъ меня на мѣсто на показное.

(Сообщ. Г. Н. Потапыхинъ.)

Рожденіе царевича Алексея Петровича.

(Псковск. губ. Кашинск. уѣзда.)

Какъ у насъ было во Царствѣ, каменной Москвѣ,
 У Царя-то у Петра-то у Перваго,
 Идетъ пирь-пированьицо;
 Пьютъ на веселѣ, на радости
 Со князьями, со боярами:
 Родился у него милый сынъ Алексѣй Петровичъ.
 Ужь и кличотъ Царь кличь, гаркаетъ,
 По три утра, да по три вечера,

По три зари, зари утреннія.
 «Ужь и есть-ли въ Москвѣ плотнички,
 «Государевы работнички?
 «Ужь вы сдѣлайте плотнички золотую колыбелюшку,
 «Младому царевичу Алексѣю Петровичу,
 «Ее мудрую, хитрую изъ кипариснаго деревца.
 «Въ головахъ-то вырѣзывайте: всходи красное солнышко,
 «Въ ногахъ-то вырѣзывайте: перекатный свѣтелъ мѣсяць,
 «По праву руку вырѣзывайте частыя звѣздочки,
 «По лѣву руку вырѣзывайте коня добрава, сивова, косматова.»
 На утрѣ было на утрчикѣ, на сходимомъ красномъ солнышкѣ,
 Приходили къ царю плотнички съ золотой колыбелею.
 Ужь и эта же ему колыбелюшка весьма да поглянулася,
 Младому царевичу Алексѣю Петровичу...

(Запис. Членомъ-сотрудникомъ Русск. Географ. Общества А. Я. Кконо-
 совымъ и сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

Князь Голицынъ.

1.

(Московск. губ. Коломенск. у.)

Не куликъ-то по болотѣ куликаетъ,
 Нашъ батюшка, князь Голицынъ, по Москвѣ гуляетъ,
 Онъ проулками, переулками въ городъ проѣзжаетъ,
 Ко Успенскому собору близко подѣзжаетъ.
 Скидываетъ князь Голицынъ шапочку соболью,
 Онъ кланяется, покланяется Царю-Государю.
 «Здравствуй Государь-Царь, ты моя надежда!
 «Прикажи Государь-Царь словечко промолвить:
 «Что ты прочихъ господъ жалуешь волостями,
 «А господскихъ дѣтей жалуешь чинами;
 «А меня Государь-Царь пожалуй однимъ городочкомъ,
 «Тѣмъ ли городочкомъ большимъ Ярославемъ.
 «Что и этотъ городочекъ хорошо построенъ,
 «Хорошо городъ построенъ, при рѣкѣ поставленъ.»

(Сообщ. А. Н. Остроумивъ.)

2.

(Воронежск. губ. Бирючинск. у.)

Что ни куликъ по болоту
 Куликъ куликаетъ,
 А молоденькій князь Голицынъ
 По лужкамъ гуляетъ.
 Онъ думаетъ-гадаетъ,
 Какъ въ Москву проѣхать:
 Лужкомъ князю ѣхать—грязно,
 Лѣсомъ ему ѣхать—страшно,
 Дорогою ему ѣхать—пыльно,
 Москвой ему ѣхать—стыдно.

Подъѣзжаетъ князь Голицынъ
 Ко Тверской заставѣ.
 «Ахъ держите вы, ребята,
 «Глухимъ переулкомъ
 «Прямо ко Собору.»
 Какъ скидаетъ князь Голицынъ
 Шапочку соболѣю.
 Вотъ Богу князь помолился,
 Царю поклонился.
 Подарилъ за то Царь князю
 Малымъ городочкомъ,
 Что тѣмъ малымъ городочкомъ,
 Славнымъ Ярославемъ.

(Зап. А. Н. Афанасьевымъ.)

3.

(Псковск. губ.)

Не куличенка въ полѣ куликаетъ,
 То молоденькій князь Голицынъ по лужку гуляетъ.
 Не одинъ князь гуляетъ,—со своими полками,
 Со своими полками съ Донскими казаками,

Съ егерями съ стрѣлками.
 Стали думать, да гадать—
 Гдѣ въ Москву проѣхать:
 — Чистымъ полемъ князю ѣхать
 Очень гораздъ пыльно!
 Темнымъ лѣсомъ князю ѣхать
 Очень гораздъ темно!
 По подлѣсью князю ѣхать,
 Князю очень грязно!
 Каменной Москвой князю ѣхать
 Очень гораздъ стыдно!—
 Проѣзжаетъ князь Голицынъ
 Москвою рѣкою!
 Москвою рѣкою—большой слободою
 Слободой Ямскою!
 Енъ проѣзжаетъ князь Голицынъ
 Ко Москвѣ—ко Собору,
 И снимаетъ князь Голицынъ—
 Шапочку соболѣю!
 Начинаетъ князь Голицынъ самъ Богу молиться:
 Помилуй насъ Господи отъ невѣрной силы,
 • Отъ вора Француза.

(Сообщ. М. И. Семевскимъ)

4.

(Самбирской губ. Корсунскаго у., с. Усть-Урень).

Не куличенка куликаетъ,
 Не большой-то ли князь Голицынъ по лужкамъ гуляетъ.
 Онъ думаетъ-гадаетъ: гдѣ въ Москву проѣхать?
 «Лѣсомъ князю ѣхать,—очень темно;
 «А лугами князю ѣхать,—мужичкамъ накладно;
 «Косогоромъ князю ѣхать,—очень косогорно;
 «Чернобылью князю ѣхать,—очень чернобыльно;
 «А дорогой большой князю ѣхать,—очень пыльно;
 «А Москвою князю ѣхать,—очень стыдно:»
 У князя есть карета—худыя лесоры.

«Поворачивай, ребята, глухимъ переулкомъ!»
И подѣзжаетъ князь Голицынъ къ Большому Собору...

(Зап. мною въ 1836 г. отъ 60-ти лѣтняго крестьянина, слѣпца Ефрема Полякова.)

5.

(Тамъ же.)

Не куликъ куликаетъ,
Не большой-то ли князь Голицынъ
Во лужахъ ли гуляетъ:
Не одинъ-то князь гуляетъ,
Гуляетъ-то со своими полками,
Да все съ казаками.
Онъ думаетъ-гадаетъ:
«Гдѣ бы въ Москву мнѣ проѣхать?
— Дороженькой князю ѣхать—пыльно;
Темнымъ лѣсомъ князю ѣхать—очень страшно,
А зеленами лужами ѣхать—топко.—
— Я проѣду, князь Голицынъ, на Московскую дорогу.»—
И выѣзжаетъ князь Голицынъ на Московску дорогу.
Подѣзжаетъ князь Голицынъ къ Московскимъ воротамъ,
Какъ у князя Голицына худыя лесоры:
Онъ думаетъ, князь гадаетъ: какъ Москвой проѣхать?
Глухимъ переулкомъ, улицей Ямскою,
Улицей Ямскою, дорожкой Тверскою,
Дорожкой Тверскою, ко Спленскому Собору.
Подѣзжаетъ князь Голицынъ ко Спленскому Собору,
Скидаетъ свою шапочку соболѣю,
И приходитъ князь въ соборную церковь,
Начинаетъ князь Голицынъ Богу молиться;
Помолился князь Голицынъ, всѣмъ низко поклонился,
Самому Императору поклонился пониже:
«Охъ ты, Государь нашъ, Императоръ!
«Всѣхъ ты господъ жаловалъ чинами,
«А меня ты ни чѣмъ не пожаловалъ?»
— Жалую тебя, князь Голицынъ, городомъ Ярославлемъ.—

(Зап. мною отъ ратника Николая Картавенкова.)

6.

(Смоленск. губ., Духовщинскаго у.)

Не куликъ въ полѣ куликаеть,
 Большой князь Голицынъ по лугу гуляетъ,
 Онъ думаетъ-гадаетъ, гдѣ пройтить, проѣхать:
 — Дорожкой ѣхать—очень пыльно,
 Темнымъ лѣсомъ ѣхать—очень страшно,
 Лугами ѣхать—трава спавелика,
 Каменной Москвой князю ѣхать—очень стыдно,
 На своихъ лесорахъ, на худыхъ на дрожкахъ.
 — Ёхать ли мнѣ князю не ѣхать глухимъ переулкомъ,
 «Глухимъ переулкомъ, новой слободою.»—
 Подъѣзжаетъ князь Голицынъ къ Большому Собору,
 Складаетъ князь Голицынъ шапочку соболью,
 Восходитъ князь Голицынъ во Божию церковь.
 Всѣмъ князьямъ-боярамъ низко поклонился,
 Самому Императору поклонъ особый.
 «Батюшка православный царь!
 «Чѣмъ господъ ты жалуешь?»
 — Прочихъ-то господъ жалую разными селами,
 — А тебѣ, князь Голицынъ, въ полѣ хоромы,
 — Въ полѣ хоромы—не крыты, не мшоны,
 — Не крыты, не мшоны—верхи не свершоны.

(Зал. мною въ 1863 г. отъ крестьянина.)

Князь Стрѣжковскій.

(Самбирск. губ., с. Усть-Урень.)

Мимо лѣсику, мимо бору сыраго,
 Пролегала путь-дороженька;
 Никто по ней не прохаживалъ,
 И никто по ней не проѣзживалъ:
 Только шелъ-прошелъ одинъ полкъ казаковъ.

Напередъ у нихъ ѣхалъ злой полковничекъ,
 Злой полковничекъ ѣхалъ, князь Стрѣлковскій.
 «Прикажи ты намъ здѣсь ночевати.»
 Князь Стрѣлковскій на то разсердился,
 И поѣхалъ онъ на крутыя горы,
 И беретъ во праву рученку подозрную трубоньку,
 И поглядывалъ на чисто поле далекохонько:
 Какъ во трубоньку ничего ему не видно,
 Только и видно ему—быстрая рѣчка,
 Какъ по рѣчушкѣ растеть камышъ-травка,
 Какъ со вечера травка притихаетъ,
 Ко полуночи травка зашумѣла,
 Ко бѣлой-то зарѣ травка завѣвала....

(Зап. мною отъ ратника Николая Картавенкова.)

Черышевъ Захаръ Григорьевичъ въ плѣну у царя Турецкаго.

Ужь таланъ ли мой, таланъ такой,
 Ужь ты участь моя горькая!
 Ты звѣзда ль моя восточная,
 Восточная полуночная!
 Высоко звѣзда восходила:
 Выше лѣсу, выше темнаго,
 Выше облака ходячаго.
 Становилася свѣтла звѣзда
 Противъ устьяца тихова Дону,
 Тутъ стоялъ ли Азовъ городъ.
 Во Азовѣ крѣпкомъ городѣ,
 За стѣною бѣлокаменной
 Тутъ стояла темная темница,
 Темная темница заключенная.
 Въ ней сидѣлъ душа невольничекъ,
 Невольничекъ Россійскій графъ,

Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.
 Онъ сидѣлъ въ ней ровно три года,
 Ровно три года и три мѣсяца.
 Отростилъ онъ свои русы кудри
 Что по самыя могучи плечи;
 Отростилъ свою бородушку
 Онъ по самый по шелковъ поясъ.
 Случилось мимо ѣхати
 Самому царю Турецкому,
 Что Султанъ Султановичу.
 Какъ воскликнетъ громкимъ голосомъ
 Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ:
 «Ты Султанъ Султановичъ!
 «Прикажи меня поить, кормить,
 «Прикажи на волю выпустить.
 «Напишу я на Донъ грамотку,
 «Не перомъ я не чернилами,
 «А своими горячьими слезьми,—
 «Тогда тихій Донъ возволнуется,
 «Кзаки съ Дону подымутся
 «И тебя царя въ полонъ возьмутъ.»
 — Царю слово показалось:
 Приказалъ его поить, кормить,
 Приказалъ на волю выпустить.
 Какъ возговоритъ Турецкій царь:
 «Ужь ты гой еси, Россійскій графъ,
 «Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ!
 «Послужи мнѣ вѣрой правдою,
 «Какъ служилъ ты Царю Бѣлому!»
 Какъ возговоритъ Россійскій графъ:
 — «Какъ бы была востра сабелька,
 «Послужилъ бы вѣрой правдою,
 «Надъ твоей бы шеей толстою,
 «Надъ твоей буйной головушкой!»
 — Царю слово показалось:
 Приказалъ его пожаловать,
 Что высокими хоромами,
 Хоромами не мшоньими,
 Не мшоньими, не вершоньими;—
 Среди поля двумя стодбиками

А третья переключинка,
А четверта—шелкова петля.

(Зан. со словъ Д. Е. Молчанова, который въ молодости пере-
нялъ эту пѣсню въ Москвѣ отъ старика солдата 134 лѣтъ.)

Усердіе и умъ русскаго боярина при взятіи Азова.

У насъ было во Кремлѣ во городѣ,
У того у собора Успенскаго
Соѣзжались князья и бояра,
Всѣ сильныя воеводы Московскіе.
Ужъ какъ Царь говоритъ, какъ въ трубу трубать:
— «Охъ вы гой еси князья, бояре!
Какъ намъ, братцы, на приступъ идти,
Какъ намъ взять будетъ Азовъ городъ?
Азовъ городъ во крѣпѣ стоитъ,
Нельзя къ нему подойти, подѣхати.»—
Какъ тутъ-ли бояра испужались,
Большой за меньшаго хоронится,
А меньшихъ за большими давно не знать.
Ахъ что возговорить Михаилъ Скопнѣцъ:
— «Охъ ты гой еси грозный Царь!
Благослови меня слово молвити,
Или цѣлу рѣчь выговорити:
Дѣлайте телѣжки бурматскія,
Убирайте ихъ кунами собольими,
Сукнами багредовыми и гвоздьми полужеными,
Сажайте въ телѣжки по пяти человекъ.
Я поѣду въ тотъ городъ могучій гость,
Я возьму тотъ городъ въ единый часъ.»—
Пріѣхали они ко синю морю,
Кричитъ онъ, вопить перевощиковъ:
— «Перевезите гостя могучаго,
Что во тотъ ли во Азовъ городъ!»—
Стали бурмистры и головы

Стали пошлины спрашивати.
 Ахъ вы гой еси бурмистры и голевы,
 Погодите вы до утрѣя,
 Я отдамъ по таксъ полную.
 Со полуночи до вечера могучій гость
 Черезъ сине море переправился,
 Осмотрѣлъ крѣпость Азовскую,
 И донесъ царю о возможности.

(Новѣйшій полный всеобщій пѣсенникъ и т. д. ч. 4. Москва 1822
 г. стр. 225. № 622.)

Грабъ Шереметевъ и французскій маіоръ.*

(Московск. губ., Коломна.)

Не грозная туча заходила,
 Выходила Шереметьева пѣхота;
 Что не свѣтлая молнія освѣтила,
 Освѣтила Шереметьева сабля острая;
 Не шибко-громко громъ ударилъ,
 А ударилъ Шереметьевъ изъ картечи.
 Эссаулы караулы скрали,
 Французскаго маіора во полонъ взяли;
 Повели того маіора ко фельдмаршалу
 Ко Борису Григорьевичу Шереметьеву.
 Сталъ того маіора Шереметьевъ спрашивати:
 «Ты скажи, скажи маіорикъ правду мнѣ;
 «Ужь много ли въ васъ силы въ Оленбурхѣ?»
 — Въ Оленбурхѣ у насъ силы сорокъ тысячь,

* Слова: «французскій маіоръ,» «французскаго маіора во полонъ взяли,» «въ Оленбурхѣ,» «съ самимъ Бонапартомъ» — нѣсколько не мѣшаютъ этой пѣснѣ служить дополнительнымъ вариантомъ къ тому небольшому отдѣлу Петровскихъ пѣсенъ, который въ 8-мъ выпускѣ собранія П. В. Кирѣевскаго озаглавленъ: «Шереметевъ и Шлиппенбахъ. Маіоръ земли Шведской». Подобные анахронизмы верѣдкость въ нашей, какъ и всякой другой, народной повѣи.

— А съ самимъ Бонапартомъ смѣты нѣтъ.—
 Какъ ударилъ Шереметевъ маіора въ щеку:
 «Что ты врешь, маіоръ, лукавишь,
 «А меня ли Шереметьева пугаешь?»

(Сообщ. А. Н. Островскимъ.)

Рыжковъ Генералъ. *

1.

(Новгородск. губ. Валдайск. уѣзд. с. Гоголево.)

Не влюбили молодца отецъ-то и мать,
 Ахъ! согнали меня удалаго долой со двора.
 Большая сестрица коня вывела,
 Средняя сестрица сѣдло вынесла,
 А меньшая сестрица мнѣ плетку подала,
 Подавши плеточку мнѣ словечко молвила:
 — Охъ! братецъ, братецъ ты нашъ ясенъ соколъ,
 Когда же это, ясенъ-то соколъ нашъ тебя, братецъ. дожидать
 домой?—

— Сестрица да ты родимая, горюша ты моя,
 Горевавши горюшко, вспомани меня.
 Ахъ! выди ты моя сестрица на круту гору,
 Погляди родимая подъ ясну зарю,
 Погляди родимая по синему морю.
 Что по синему по морюшку частыя волны бьютъ,
 А у меня у добраго молодца пуще слезы льютъ.—
 По морю по морю все Верейскому
 Плыли, всплывали тридцать кораблей,
 Тридцать три кораблика Донскихъ все казаковъ,
 Донскихъ, Яицкихъ, Запорожскихъ.
 Напередъ корабличекъ какъ соколъ летить,

* Т. в. Рыжковъ. Ср. «Пѣсни собран. П. В. Кирѣевскимъ», вып. 8., стр. 148—153. По тожеству содержанія мы и слѣдующую пѣсню про атамана Нарышкина помѣщаемъ рядомъ какъ вариантъ.

На этомъ на корабликѣ плыть Рыжковъ енераль.
 Какъ Рыжковъ енераль ребятушкамъ разговариваль:
 — Гребите вы, ребятушки, не робѣйте!
 Своихъ бѣлыхъ рученекъ не жалѣйте!
 Что за намъ-то за добрымъ молодцамъ есть погоня,
 Догоняетъ насъ силушка западная,
 Западная силушка, воровская.—
 Просвистала пушечка вѣстовая,
 Пролетѣло ядрушко пудовое,
 Пудовое это ядрышко свинцовое.
 Охъ, никого насъ молодець да не крянуло,
 Только это нашъ корабличекъ потравило,
 Корабельную досочку проломилло,
 А Рыжкова енеральчика задавилло.

(Запис. мною отъ 74-лѣтней старухи.)

2.

(Новгородской губ. Кирил. уѣзда.)

Сговорилъ, промолвилъ Нарышкинъ атаманъ:
 — Ужъ вы, братцы, вы братцы, товарищи мои,
 Донскіе казаки, да Запорожскіе,
 Садитесь-ка ребятушки въ легку лодку,
 Берите-тко братцы по весельцу,
 Гребите-тко братцы, погребайте,
 Своихъ бѣлыхъ рученекъ не жалѣйте;
 За Нарышкинымъ есть погоня,
 Погонюшка, силушка не малая.—
 Не малая силушка, воровская,
 Воровская силушка, западная.
 Не лютая змѣюпка въ полѣ зашипѣла;
 Зашипѣла пушечка боевая,
 Пролетѣла пулечка свинцовая;
 Ни кого въ кампаныцѣ не убила,
 Убила въ кампаныцѣ атамана;
 Убила его да не до смерти,
 Въ бѣломъ тѣлѣ душенька встрепенескалась,

Ретиво сердечушко испугалось;
 Сговорилъ, промолвилъ Нарышкинъ атаманъ:
 — Ужь вы братцы, вы братцы, товарищи мои,
 Вы свезите мое тѣло къ синю морю,
 Вы обмойте мое тѣло водою,
 Вы тою водою да морскою. —

(Сообщ. А. Н. Майковымъ.)

Первые наборы.

1.

(Тверск. губ. Осташков. уѣзд. сельцо Федорова-двора.)

При долинушкѣ при той, да при такой,
 Выросъ кустъ калиновый, кустъ калиновый.
 Что на томъ ли на кусту, да на кусточкѣ,
 Сидѣлъ соловьюшко размолоденькій.
 Не соловьюшко сидѣлъ, не молоденькій,
 А сидѣлъ-то, сидѣлъ удалъ добрый молодець.
 Не за батюшку сидѣлъ молодець, не за родну матушку,
 А сидѣлъ онъ за свою за сударушку.
 Сидѣвши онъ молодець слезно плакалъ,
 Слезно плакалъ, жалко приговаривалъ:
 — За кого я молодець сижу во неволюшкѣ,
 Во неволюшкѣ, во большой заботушкѣ,
 Что и кто же меня мододца вспоилъ, вскормилъ?
 Вспоилъ меня, вскормилъ православный мѣръ,
 Бѣло вымыла меня ключева вода,
 Всколыхала меня легкая лодочка,
 Возлегѣяла меня чужая сторонушка,
 Зачесала волоса частая гребеночка,
 Завила мои кудерюшки сударушка,
 Завивавши кудри приговаривала:
 «Кому-то эти кудерюшки достанутся?»
 — Доставались мои кудри Царю Бѣлому,
 Царю Бѣлому-Петру Первому. —

(Зап. въ 1858 г. гимназистомъ 7-го класса Тверской гимназіи Ф. Тю-
 киннымъ.)

2.

(Витебскъ.)

Какъ за рѣченькой за Волгою,
 Не камышъ трава въ полѣ шатается—
 Зашатался душа добрый молодець;
 Онъ не самъ собой, не своей охотою,
 Онъ не охотушкой,—большой неволюшкой.
 Какъ неволюшка-наша жизнь боярская,
 Жизнь боярская, служба государская,
 Нашего Царя Бѣлаго, Петра Перваго.
 Петръ Первый же объявилъ солдатамъ,
 Молодыхъ ребятъ идти во солдаты брать.
 У солдатушки намъ идти не хочется,
 А хоть и хочется,—назадъ не ворочаться,
 Хоть и вернемся,—къ сердцу не привернемся.

(Запис. мною въ 1870 г. отъ бывшей дворовой.)

3.

(Витебскъ.)

Заболѣла моя головушка,
 Всѣ моя буйная,
 Какъ заняло мое, охъ мое сердечушко,
 Мое ретивое,
 Какъ слышало, охъ мое сердечушко,
 Оно про несчастье,—
 Какъ быть ли мнѣ, быть, доброму молодцу
 Быть мнѣ во солдатахъ,
 Какъ служить, мнѣ служить доброму молодцу,
 Царю государю.
 Какъ носить мнѣ, носить, доброму молодцу
 Сѣрые мундиры,
 Какъ стоять то мнѣ, стоять, доброму молодцу,
 У крѣпкомъ караулѣ.

Я уйду, я убѣгу охъ я, добрый молодецъ,
 Съ крѣпцова караула,
 Какъ пойду я, пойду, добрый молодецъ,
 Въ большую деревню,
 Подойду, подбѣгу ужъ я, добрый молодецъ,
 Къ батюшкѣ подъ окошко.
 — «Ты вступи, ты вступи родной батюшка,
 Вступи обогрѣться.»—
 — «Не впусти тебя, любимое дитятко,
 Боюсь худой славы,
 Ты иди-тко, иди, любимое дитятко,
 Иди въ чистое поле;
 Ты стань, ты стань, любимое дитятко,
 Подъ бѣлую березу,
 Что обогрѣетъ тебя, любимое мое дитятко,
 - Все красно солнце,
 Что осушатъ тебя, любимое дитятко,
 Буйные вѣтры».
 Провались-тко ты, родимая матушка,
 Сквозь сыру земельку,
 Загорись-тко мой родимой батюшка
 Съ своимъ жилищемъ,
 Развивайтесь вы, желтыя кудерки,
 По буйной головкѣ.

4.

(Москва.)

Вились мои кудерушки, вились-развивались,
 Почуяли кудерушки на себя невзгоду:
 Ужъ и быть мнѣ молодцу, быть мнѣ во солдатахъ;
 Ужъ служить мнѣ молодцу, стоять въ караулѣ...
 Пристоялись скоро тамъ мои быстрыя ноги.
 Задумалъ я, молодецъ, задумалъ бѣжати,
 И бѣжалъ я, молодецъ, не путѣмъ дорогой,
 Ужъ бѣжалъ я, молодецъ, чистыми полями,
 Что и чистыми полями, темными лѣсами.

Я во чистомъ полѣ весь-то измочился,
 Я во темномъ лѣсу весь-то искололся.
 Прибѣжалъ я, молодецъ, къ своему подворью,
 Постучалъ я, молодецъ, въ косячето окошко:
 «Ты впусти меня, сударь-батюшка, впусти осушиться?
 Ты впусти меня, родная матушка, впусти обогрѣться.»—
 И впустила-бъ я тебя, мое дитятко, да боюсь Государя.
 Ты поди, поди, мое дитятко, во чистое поле,
 Ужъ и тамъ тебя, мое дитятко, буйнымъ вѣтромъ высушить,
 Быйнымъ вѣтромъ высушить, краснымъ солнцемъ выгрѣтъ.»
 И пошелъ я, молодецъ, пошелъ и заплакалъ:
 «Ты возьмиись, загорись батюшкино подворье,
 Ужъ ты згинь, пропади матушкино домовице.»—

(Запис. А. Н. Афанасьевымъ.)

5.

(Саратовской губ. Сердобск у. с. Пяша.)

За рѣчкой за Невагой, за другой переправой,
 Ходилъ гулялъ добрый молодецъ,
 Онъ не одинъ-то гулялъ, гулялъ съ боярыней,
 Рѣчи съ ней разговаривалъ.
 Я не самъ сюда зашелъ, не своей охотой,
 Занесла меня молодца сюда неволюшка,
 Еще то меня жизнь боярская,
 Жизнь боярская, служба царская.
 Не пыль-то въ полѣ запылалась,
 Не туманъ съ моря сподымался,
 Ковыль трава въ полѣ шаталась,
 Зашатался добрый молодецъ
 По чужой сторонущкѣ.

(Запис. А. А. Мисоѣдовой).

Сборы солдатъ, новаго войска.

(Тверь)

1.

Какъ во городъ въ Перемышлѣ,
 Во селѣ было во Покровскомъ,
 Всѣ квартирушки порасписаны,
 Всѣ солдатушки поразставлены
 Полку Тульского Гренадерскаго,
 Гренадерскаго-роты первыя.
 Какъ охочи были солдатушки
 По ночамъ гулять съ красными дѣвушками,
 Съ красными дѣвушками со верейскими,
 Съ молодыми деревенскими,—
 Учинилось вдругъ несчастье,
 Ужъ несчастье-то вдругъ великое,
 Какъ со вечера приказъ отданъ былъ,
 А съ полуночи ружья чистили,
 Къ бѣлу свѣту во строю стоять.
 Капитанъ стоитъ передъ ротою,
 А маіоръ стоитъ посреди полку,
 А полковникъ подъ знаменами,
 Подъ знаменами съ музыкантами.
 Капитанъ кричить: на плечо ружье;
 А маіоръ кричить: по ремнямъ спускай;
 А полковникъ: во походъ ступай
 Въ землю Шведскую королевскую!>—
 Изъ-за горъ было горъ высокѣхъ,
 Изъ-за лѣсику лѣсу темнаго
 Не бѣла заря занималася,
 Отходила тутъ цѣла армія,
 Цѣла армія Царя Бѣлаго,
 Царя Бѣлаго — Петра Перова
 Напередъ идетъ молодой солдатъ...

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника).

2.

(Новгородск. губ. Кирилловск. уѣзда.)

Какъ за рѣченькой было за Невагою,
 За другой рѣчькой было Переправокъ,
 Не пыль трава въ полѣ шатается,
 Что шатается душа добрый молодець,
 Онъ не самъ зашелъ, не своей охотою,
 Занесло его все братцы неволюю;
 Ему жизнь, братцы,—жизнь ему боярская;
 Ему служба-то, служба была царская.
 Служба Царя Бѣлаго-Петра Перваго.
 Царя бдаговѣрнаго сила въ походъ пошла,
 Въ землю половецкую разореную.

(Сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

3.

(Новгородск. губ. Кирилловск. уѣзда.)

За рѣченькой Невой, за другой Переправой,
 Не помынь горькая травенька шатается,
 Зашаталася во полѣ да душа моя,
 Что за душенька душа добрый молодець.
 Я не самъ зашелъ, не своей охотою,
 Завела дружка молодца неволюшка,
 Что не волюшка чужая сторонка,
 Жизнь наша боярская, служба государская.
 Тяжела служба день до вечера:
 Что со вечера служба до полуночи,
 Съ полуноченьки часу до девятаго,
 Со девятаго мѣсяць выкатается,
 Часты звѣздочки съ неба сыплются,
 Разсыпалася сила наша армія,
 Не армія сила-конногвардія,

(Сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

4.

(Московск. губ. Коломна)

Изъ-за лѣса, лѣса темнаго
 Не бѣлая заря занимается,
 Не красное солнце выкатается, —
 Выкаталося знамя царское.
 А на знамечкѣ есть написано,
 Не про насъ-ли это, про молодчиковъ:
 Про молодчиковъ, про некрутиковъ. —
 Всѣ солдаты во походъ пошли,
 Напередъ идетъ молодой сержантъ.
 Онъ не пьянъ идетъ-самъ шатается,
 За ковыль траву заплетается,
 Горючими слезьми заливается;
 Съ отцемъ съ матерью онъ прощается:
 «Прости батюшка, прощай матушка,
 «Съ молодой женой и прощенья нѣтъ.
 «Молода жена неуслужлива,
 «Она меня молодца мадо слушала.»

(Сообщ. А. Н. Островский)

5.

(Новгородск. губ. Вдриловск. уѣзда.)

Тутъ то шли-прошли уланы молодые,
 За уланами шли матушки родныя.
 Онѣ идутъ, онѣ идутъ, слезно плачутъ,
 Во слезахъ пути дороженьки не видятъ,
 Во рыданьицѣ словечка не промолвятъ.
 Какъ промолвили уланы молодые:
 — Вы не плачьте, наши матушки родныя:
 Не смочить пути-дороженьки слезами,
 Не надодить синя моря горючими,
 Горючими ли слезами плакучими.» —
 Что не ласточка съ тепла гнѣзда слетаетъ,

Молодой уланъ съ квартиры соѣзжаетъ,
 Не отецъ-мать улана провожаетъ,
 Провожаетъ улана-то дѣвица,
 По названію уланова сестрица,
 Она ѣдетъ, она ѣдетъ, слезно плачетъ,
 Во слезахъ она словечушко промолвить:
 — «Какъ бы мнѣ ли то дѣвицѣ прежня воля,
 Прежня волюшка, сизыя крылья,
 Что по крылушкамъ мелкое перо;
 Развернулась бы я дѣвушка, улетѣла,
 Гдѣ завидѣла милова, тутъ бы сѣла,
 Тутъ бы сѣла, да посидѣла.—
 Я завидѣла милова въ синемъ морѣ,
 Въ синемъ морѣ на гарьетѣ,
 На гарьетѣ въ первой ротѣ,
 Въ первой ротѣ въ восьмой сотнѣ.

(Сообщ. Л. Н. Майковскимъ.)

6.

(Псковск. губ. и уѣзд.)

Изъ-за лѣсу лѣсу темнаго,
 Изъ-за горъ было горъ высокиихъ
 Выходила-выступала сила армія,
 Сила армія гусаръ Царя Бѣлаго,
 Царя Бѣлаго-Петра Перваго.
 Напереду идутъ гусары со знаменами,
 Позади идутъ гусары съ барабанами,
 Во второмъ полку бригады уронъ сдѣлался:
 Во гусарахъ генералъ померъ.
 Бьютъ гусары въ барабаны по заунывному,
 А всѣ указы прочитали по печальному,
 Генеральскаго конечка въ поводу ведутъ,
 Самаго генерала на головахъ несутъ.
 —Вы несите мое тѣло черезъ три поля,
 Черезъ три поля на синее море

Омойте мое тѣло морскою водой,
 Хороните мое тѣло между трехъ дорогъ:
 Между Кіевской, Валдайской, славной Питерской,
 Вы засыпьте меня желтымъ пескомъ.

(Сообщ. М. И. Семевскимъ)

7.

(Самарск. губ.)

Выходили, выступали тридцать три полка,
 Тридцать три полка гусарь-солдатъ арміи.
 Напередъ идуть гусары, въ барабаны бьютъ,
 Въ барабаны-то пробѣли по веселому,
 Всѣ указы прочитали по печальному,
 Пѣсенки то пропѣли по унывному.
 Во второмъ полку гусарь уронъ сбѣлся,
 Уронъ сбѣлся—генераль померъ...

.....*

Самаго-то генерала на головахъ несутъ.
 Вы несите-ка, гусарушки, черезъ чисто поле,
 Черезъ чисто поле ко синю морю,
 Къ морю синему Хвалынскому.
 Ужь мойте-ка, гусарушки, тѣло бѣлое генеральское
 Исповѣданное и причащенное,
 Ужь вы дѣлайте, гусарушки, кипарисный гробъ,
 Вы несите-ка, гусарушки, на круту гору на Сионскую;
 Ужь вы ройте-ка, гусарушки, могилушку,
 Могилушку двухъ аршинную печатную,
 Вы спускайте-ка въ эту могилушку тѣло бѣлое генераль-
 ское;
 Зарывайте-ка, гусарушки, могилушку сырой землей.

(Сообщ. Г. Н. Потанинымъ.)

* Тутъ явно пропущены стихи:

«Генеральскаго конечка въ поводу ведутъ»

8.

(Тульск. губ. и уѣзда. с. Лотовиново.)

Не бѣлая заря занималася

Гусары!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.)

Не красное солнышко выкаталося,
 Тутъ выходила, выступала сила воинская,
 Тридцать три полка Царя Бѣлаго,
 Царя Бѣлаго,-Петра Перваго.
 Напередъ идуть, въ барабаны бьютъ.
 Въ барабанушки пробилы по веселому,
 Указушки прочитали по печальному:
 Во второмъ полку уронъ сдѣлался,
 Уронъ сдѣлался; генералъ померъ,
 Генеральскаго конечка въ поводу ведутъ,
 Самаго генерала на головахъ несутъ.
 Самое инеральшу шестерней везутъ,
 —Вы везите, мои конечки. черезъ три поля,
 Черезъ три поля, на синее море. —

(Запис. мною въ 1864 годѣ отъ дворовой женщины лѣтъ подлѣ 40-хъ.)

9.

(Рязанск. губ. Данковск. у. дер. Красная Слободка.)

Сила войская солдатушки Царя Бѣлаго,
 Царя Бѣлаго Николая Перваго,
 Напередъ идуть его солдатушки со знаменами,
 Позади идуть солдатушки съ барабанами.
 Барабанъщики пробилы по веселому,
 Указушки прочитали по печальному,
 Во второмъ полку, солдатушки, уронъ сдѣлался,
 Уронъ сдѣлался, генералъ померъ.
 Енеральскаго конечка въ поводу ведутъ;
 Самаго-то енерала на головахъ несутъ.
 Съ горяча-то енералушка слово взговорилъ:
 — Вы несите меня, солдатушки, на синее море,

Не одинъ то туманъ со дождичкомъ:
 На синемъ-то морѣ есть погодушка,
 У молодушки есть зазнобушка.
 Зазнобилъ-то сердце младъ дѣтинушка,
 Зазнобимши во походъ пошелъ,
 Что во тоѣ землю во Шведскую,
 Изъ-за Шведской земли во Турецкую,
 Изъ Турецкой земли въ каменну Москву;
 Въ каменной Москвѣ разставался,
 Ужь и вся Москва сдвиговалася:
 Ужь и что это за сходнечки,
 Или братъ съ сестрой, или мужъ съ женой,
 Или красна дѣвка съ молодцомъ.

(Запис. мною.)

Про походъ въ Турцію.

1.

(Московск. губ. Коломна.)

Не черные вороночки въ поле вылетывали,
 Вылетывали ядрушки турецкія
 Къ тому ли предводителю князю Голицыну.
 Тогда князь Голицынъ весьма приужахнулся.
 Закричалъ князь Голицынъ своимъ громкимъ голосомъ:
 — Господа вы генералы, молодые полковники,
 Вы подите, побѣдите силу неприятную. —
 — Господа-генералы всѣ отказались;
 Только изъ нихъ выбрался Долгоруковъ князь.
 Получилъ онъ себѣ ранушку нелегкую,
 Онъ отъ той отъ раны лежалъ девять дней,
 На десятый денечекъ князь преставился.
 Что встужалася, взгорѣвалася по немъ вся дивизія, —
 — Что не стало у насъ, братцы, вѣрнаго старателя,
 Вѣрнаго старателя, князя Долгорукова. —

(Сообщ. А. Н. Островскаго.)

2.

(Симбирск. губ. Буинск. уѣзда, села Усть-Урень).

Ужь не черныя вороночки въ полѣ зачернѣлись,
 Зачернѣлась въ полѣ пашенька яровая:
 Да не сохами эту пашеньку распахали,
 Не боронами эту пашеньку заборновали,
 Не вхожими сѣменами эту пашеньку засѣвали;
 Распахали эту пашеньку Турецкими лошадьми,
 Заборновали эту пашеньку Нѣмецкими подковами,
 Засѣвали эту пашеньку крестьянскими головами.

3.

(Той же губ. Буинск. у. д. Козловка.)

Ужь не черныя вороночки въ полѣ зачернѣлись,
 Зачернѣлась пашенька въ полѣ яровая;
 Не плугами распахали, не сохами.—
 Распахана же пашенька Турецкими лошадьми,
 Заборонена пашенька Нѣмецкими подковами,
 Засѣяна не вхожими сѣменами,
 А сиротскими нашими головами;
 Полирана эта пашенька не росю,
 А поливана христіанскою кровію.
 Тутъ шель-прошелъ Урзы-Мурзы бѣдобородый:
 «Бо. в. помочь вамъ, старшой, большой державецъ!..»

(Обѣ записаны мною: первая отъ ратника Картавенкова,—
 вторая отъ крестьянина Щербакова.)

Князь Гагаринъ.

1.

(Воронежск. губ.)

Какъ по рѣчкѣ по рѣкѣ
 По Фонтанкѣ, по Невѣ
 Плыли съ мачтой корабли.
 Какъ на каждомъ кораблѣ

По пяти сотъ молодцовъ.
 Сами гребцы гребутъ,
 Весело пѣсни поютъ,
 Разговоры разны говорятъ,
 Все Гагарина бранятъ:
 — Ахъ р.....нъ сынъ, воръ князь Гагаринъ

.....
 Солдаты съ голоду морила;
 Въ сутки по двѣ денежки давалъ,
 И тѣ назадъ отбиралъ.
 Какъ на эти онъ на деньги
 Построилъ себѣ въ Москвѣ домъ,
 За большимъ мучнымъ рядомъ.
 Всѣ на вырѣзи окошки
 И хрустальный потолокъ.
 Какъ на томъ же потолоку
 Москворѣцкая вода была,
 По фонтану взведена,
 Жива рыба пущена,
 Кровать нова смощена.
 Какъ на этой на кровати
 Самъ Гагаринъ князь лежитъ,
 Таки рѣчи говорить:
 Кабы Богъ меня привелъ
 Во Сибири побывать,
 Я построилъ бы полаты,
 Да не зватая,
 А получше бы, почище
 Государева дворца.
 Нешто тѣмъ будетъ похуже,
 Что золотыхъ гербовъ нѣтъ.
 Какъ услышалъ Императоръ
 Онъ похвалящку его,
 Онъ при всемъ ему народѣ,
 Пятьдесятъ ударовъ далъ ему кнутомъ,
 А жену его каналью
 На воротахъ разстрѣлялъ,
 А дѣтей его младыхъ
 Во солдаты записалъ.

(Зап. А. Н. Афанасьевымъ.)

2.

(Тульск. губ. Крапивн. уѣзда с. Даниловки.)

Тутъ и шли-прошли солдаты,
 Все хваленые полки.
 Они хваляють-выхваляють
 Своего Бѣлаго Царя,
 И ругають и бранять
 Все Гагарина съ дѣтьми.
 Какъ Гагаринъ енераль.
 Много жалованья съѣдалъ.
 Первое—винное,
 Другое — хлѣбное,
 Третье — денежна казна.
 Онъ на эти на деньги
 Палаты себѣ скласть.
 По вырѣзу окошки,
 Изъ хрустала потолоки.
 По этимъ потолокамъ
 Москва рѣчка взведена,
 Бѣла рыба пущена,
 Кровать нова смощена.
 На той ли на кровати
 Самъ Гагаринъ лежалъ.

(Зап. г. Шумиловымъ.)

3.

(Витебск. губ. Лепельск. уѣзда.)

Снизу лодочка плыветь,
 За собой много ведеть,
 Ровно триста кораблей.
 Во-въ тыхъ же корабляхъ
 По полтораста людей.
 Они гребутъ, пригребають,
 Промежь себя говорятъ,
 Все Россейщика бранять:

Ты Россейщикъ
 За столомъ сидишь одинъ,
 Пропиваешь, продаешь
 Наше жалованье,
 Все ярное, продовое,
 Все денежное.

(Зап. мною въ 1859 г.)

Ладожскій каналъ.

(Тверь.)

По утру-то было рано ранымъ раю,
 На зарѣ-то было на утренней,
 На восходѣ краснова солдышка,
 Что не гуси, братцы, и не лебеди
 Со лузей, озеръ подымалися,
 Подымалися добры молодцы,
 Добры молодцы, люди водьяные,
 Все бурлаки понизовые,
 На канавушку на Ладожскую,
 На работу государеву.
 Провожаютъ ихъ, добрыхъ молодецвъ,
 Отцы, матери, молоды жены
 И со малыми со дѣтками.

(Изъ стариннаго рукописнаго семиварскаго сборника)

Молодой матросъ корабли снастиль.

Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ,
 На Васильевскомъ славномъ островѣ,
 Какъ на пристани корабельня,
 Молодой матросъ корабли снастиль,
 О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,

Тонкихъ бѣлыхъ полотняныхъ.
 Что изъ высока нова терема,
 Изъ косящетова окошечка,
 Изъ хрустальныя изъ оконечки,
 Усмотрѣла тутъ красна дѣвица,
 Красна дѣвица, дочь отецкая,
 Усмотрѣла, вышла на берегъ,
 На Неву рѣку воду черпати;
 Почерпнувъ, ведры поставила,
 Что поставивши слово молвила:
 «Ахъ ты, душечка, молодой матрость,
 «Ты за чѣмъ рано корабли снастишь,
 «О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
 «Тонкихъ, бѣлыхъ полотняныхъ.»
 Какъ отвѣтъ держитъ добрый молодець,
 Добрый молодець, молодой матрость:
 — Ахъ ты гой еси красна дѣвица,
 — Красна дѣвица, дочь отецкая,
 — Не своей волей корабли снащу,
 — По указу ли государеву,
 — По приказу адмиральскому.—
 Подняла ведры красна дѣвица,
 Поднявши сама ко двору пошла.
 Изъ-подъ камня-изъ-подъ бѣлова,
 Изъ-подъ кустика ракитова,
 Не огонь горитъ, не смола кипитъ,
 Что кипитъ сердце молодецкое,
 Не по батюшкѣ, не по матушкѣ;
 Не по братцѣ, не родной сестрѣ,
 Но по душечкѣ красной дѣвущкѣ.
 Перепала ли ему вѣсточка, —
 Красна дѣвица немощна лежитъ,
 Послѣ вѣсточки, скоро грамотка,
 Красна дѣвица переставилась.
 Я пойду теперь на конюшій дворъ,
 Я возьму кова что не лучшева,
 Что не лучшева, самодобова;
 Я поѣду ли ко Божьей церкви,
 Привяжу коня къ колоколенкѣ,
 Самъ ударюсь объ выру землю:

Разступись ты мать сыра земля,
 И раскройся ты гробова доска,
 Развернись ты золота парча,
 Пробудися ты красна дѣвица,
 Ты простиись со мной съ добрымъ молодцемъ,
 Съ добрымъ молодцемъ, съ другомъ милымъ,
 Съ твоимъ вѣрнымъ полюбвиникомъ.

Царевичъ Алексѣй Петровичъ.

(Пермской губ. Камышл. у.)

Вы не каркайте вороны да надъ яснымъ надъ соколомъ,
 Вы не смѣйтеся люди да надъ удалымъ молодцемъ,
 Надъ удалымъ молодцемъ да надъ Алексѣемъ Петровичемъ.
 Ужь и гусли, вы гуслицы!
 Не выигрывайте гусельцы молодцу на досадушку!
 Какъ было мнѣ, молодцу, пора-времячко хорошее,
 Любилъ меня сударь-батюшка, влезѣла родима матушка,
 А теперь да отказалась! Царски роды помѣшались,
 Что ударили во кокологль, во кокологль нерадостентъ:
 У плахи бѣлудубовой палачи всѣ испужалися,
 По сенату всѣ разбѣжались.....
 Одинъ Ванька Игнашенокъ—воръ,
 Не боялся онъ, варваръ, не опесился.
 Онъ стаеть на запяточки ко глухой да ко повозчкѣ,
 Во хлухой-то во повозчкѣ удалой, доброй! молодець
 Алексѣй Петровичъ-свѣтъ...
 Безъ креста онъ сидить да безъ пояса,
 Голова платкомъ завязана...
 Привезли повозочку на поле да на Кулпковое,
 На степь да на Поташкину, ко плахѣ бѣлудубовой...
 Посылаетъ Алексѣй Петровичъ челобитную
 Ко родимому дядушкѣ ко Микитѣ Романовичу...
 Его дома не случилось, въ терему не находилось,

Онъ ушелъ да во мыльну во парушу,
 Да помыться, да попариться.
 Приходятъ челобитьице ко родимому ко дядюшку
 Во мыльну, дѣццу банюшку.
 Онъ не помылся, да не попарился,
 Онъ кладеть да на шелковъ вѣвичекъ,
 На дубовую на лавочку,
 Кладеть да костромской мыльцо
 На косяцето окошечко.—
 Онъ беретъ да золоты ключи,
 Онъ идетъ да во конюшню бѣлокаменну,
 Онъ имаеть да коня добраго,
 Онъ сѣдлаеть да сѣдло черкасское,
 И поскакалъ онъ ко цѣлхъ бѣлодубовой,
 Ко любезному племянничку къ Алексѣю да Петровичу,
 Воротивъ онъ своего племянничка
 Отъ казненія отъ вѣшанья.
 Приѣзжаетъ онъ во свои палаты бѣлокаменныя,
 Завелъ онъ пиръ-гуляньице на-весело....
 А у его-то родимаго батюшки,
 У Петра-то, да у Перваго,
 Въ дому то печаль да кручинушка,
 Призавѣшаны окошечки чернымъ бархатомъ.
 Онъ зоветъ къ себѣ, да требуетъ
 Любезнаго зятюшку да Микиту Романовича;
 — «Что любезный зятюшко, пьешь на радости, на весель,
 «А у меня-то тоска да кручинушка!
 «Нѣтъ сына милаго Алексѣя да Петровича,» —
 Отвѣчаетъ Никита Романовичъ:
 — Пью я на весель, на радости,
 — У меня-то въ гостяхъ родимый племянничекъ
 — Алексѣй да Петровичъ....
 Царь-государь весьма этому обрадовался,
 Приказалъ онъ свои створчаты окошечки
 Открыть для свѣта для бѣлаго,
 Да призавѣситъ адымъ бархатомъ.....

(Пермск. губ. Вавышл. у.)

Какъ Васька Брашновъ да со товарищемъ,
 Со Ѳедоромъ да со Бурмакинымъ
 Подавали просьбу-челобитную
 На Сибирскаго разорителя
 На Тобольскаго губернатора
 На вора на Гагарина.
 Приходятъ тѣ челобитчики
 Къ самому-то Царю на имя,
 Ко Петру да ко Первому.
 У параднаго крылечушка
 На часахъ стоять да молодой солдатъ,
 Молодой солдатъ да ухо царское,
 Онъ доносить Царю о челобитчикахъ,
 О Васькѣ Брашнѣ да со товарищемъ,
 Со Ѳедоромъ да со Бурмакинымъ.
 Приказалъ ихъ Царь посадить въ земляну тюрьму.
 Тутъ они да испужались,
 Рѣзвы ножки да заподѣкались,
 Бѣлы рученьки заопущались.
 Посылаетъ Царь да «скорыхъ» пословъ,
 Курьерчика да не милостива,
 По вора да по Гагаряна.
 Врѣзжаетъ тотъ да курьеричекъ
 Ко Гагарину да губернатору.
 А у него-то вора стѣны мраморны,
 Стѣны мраморны, полы узорчаты.
 Подаетъ ему курьеричекъ указы царскіе.
 Принимаетъ тѣ указы самъ Гагаринъ-воръ,
 Подаетъ онъ читать милой дочери,
 Ульянѣ да Матвѣевнѣ.
 Почитай-ка, моя дочушка,
 Да не утай ты слова Царскаго!
 Начала она читать, сама заплакала....
 Охъ, тятинька мой отецъ родной!
 Зоветь тебя Царь да на великъ отвѣтъ.....
 «Не плачь ты моя милая дочь,
 «Возстанетъ за меня благовѣрный Царь,

«Возстанеть на мѧ государина,
 «Возстанеть Синодъ праведный....»
 Привозятъ Гагарина ко Царю на имя.
 Возстаютъ за Гагарина всѣ заступнички, замольщички.
 Милый внучекъ Царя благовѣрнаго: ...
 Ходить по середѣ, въ слезахъ очи ясныя...
 «За вора-то за Гагарина
 «Есть заступнички, есть замольщички,
 «А за моего-то милаго батюшка.
 «За Алексѣя-то да за Петровича,
 «Не было ни какого заступничка...»
 А на это Царь да воздѣвался, ...
 Внучка пожалѣлъ,—велѣлъ Гагарину
 Положить на плаху голову.

(Объ зап. Членомъ-сотрудникомъ Русск. Геогр. Общества А. Я.)
 Бокосовымъ, сообщ. же Л. Н. Майковымъ.)

Погребеніе императора Петра II.

(Хотя въ пѣснѣ этой и упоминается имя Императора Павла, но указанная въ пѣснѣ время кончины — зима, и мѣсто этого событія—Москва—заставляютъ думать, что пѣсня сложена была на смерть Петра II, а въ послѣдствіи имя Петра Алексѣевича замѣнено именемъ Павла Петровича.)

(Каванской губерніи.)

Со вечера порошца мелная порошима,
 Ко полуночи бѣлые снѣжки выпадали,
 Ко бѣлой зарѣ дорожиныя торная пролегалы;
 И знатъ-то у насъ въ каменной Москвѣ не здорово:
 Бѣлокаменны царскія палатушки стоятъ растворены,
 Призакрыты всѣ его красныя окошечки черною фатою,
 И што знатъ-то у насъ Царя Бѣлова въ живи нѣту.

Переставился нашъ батюшко, Бѣль Царь, Бѣль Павелъ Петровичъ.

Построили ему Царю Бѣлому труну золотую,
 Во труну то стелютъ материцы, стелютъ дорогія,
 Тутъ кладутъ-то Царя Бѣлова; кладутъ во гробницу,
 Тутъ несутъ-то, несутъ Царя Бѣлова, несутъ хоронити.
 Напередъ-то идутъ Царя Бѣлова, идутъ архиереи,
 И несутъ-то Царя Бѣлова скипетръ и державу;
 По правую руку идутъ сенаторы,
 По лѣвую руку идетъ царская персона,
 Позади-то идутъ Царя Бѣлова все полки, солдаты;
 И сами они солдатухи слезно плачутъ:
 Не стало у насъ въ Егропѣ * Царя Бѣлова.

(Запис. А. Г. Пупаревымъ въ 1860 г.)

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Война Шведская.

1.

Пишетъ, пишетъ король Шведскій государынѣ письмо:
 «Ты Россійская государыня, помирися ты со мной,
 «Помирися ты со мной, съ Шведскимъ королемъ.
 «Ты отдай мнѣ города, отдай прежніе мои,
 «Отдай Питеръ, отдай Ригу, отдай славный Коронштатъ.
 «А не отдашь мнѣ эти городочки—не прогнѣвайся на меня,
 «Я и самъ на тебя пойду, въ каменну Москву взойду.
 «Распиши въ Москвѣ фатеры по веѣмъ разнымъ мѣстамъ,
 «Моимъ милымъ начальникамъ — по господскимъ домамъ,
 «Моимъ милымъ солдатухамъ — по кушеческимъ домамъ.»
 Наша матушка государыня испугалася,
 Ея рѣзвы-скоры ноженьки подломилася,
 Ея бѣды ручоньки опустила.

* На требованіе разъяснить, что такое Егропа, мы получили въ отвѣтъ, что такъ Россія называлась.

«Ты не бойся, ты не бойся, матушка государыня!
 «У насъ есть чѣмъ его встрѣтить, есть чѣмъ подчивать:
 «Есть у насъ сухари — они въ Тулѣ крошены,
 «Они въ Тулѣ крошены, въ Москвѣ высушены»

Сообщ. А. Н. Островскаго.

2.

(Казанской губ. дер. Черласово близъ Царевкокшайска.)

Пишоть, пишоть король светской въ осударынѣ въ сеноть,
 Онъ на вербовой бумаги лебединовымъ перомъ:
 «Ты, русейска осударыня, замирилась бы со мной,
 Отдай Питерь, отдай Ригу, отдай славень городъ Корноштатъ:
 Не отдашь ты эти города, не прогнѣвайся на меня,
 И што самъ я, король светской, всю Русеюшку насквозь пройду,
 Всю Русеюшку пройду, въ каменну Москву зайду.
 Вотъ я въ Астрахань взойду позавтракать, а въ Москву — по
 обѣдать,
 Въ Москву пообѣдать, въ Питецбургѣ буду ночевать.
 Я разставлю свою армію по трактирамъ тодько, кабакамъ,
 Ужь я членшичковъ, барабаншичковъ по осподскимъ тодько по
 домамъ;
 Ужь я встану, король светской, въ Шелеметьевскомъ тодько во
 дому.»

И што наша осударыня задрожжала на ногахъ,
 Бѣлотѣльные же, бѣлыя ноженки задрожали подъ ей,
 Бѣлотѣльные же ее, бѣлы ручиньки опустились внизъ по ей,
 А буйная жо ее головушка долой катится съ ее.
 Енераль Шелеметьевъ ей на думу приходилъ:
 — «Не убойся осударыня, не убойся ты враговъ.
 «Если будутъ къ намъ гости, будемъ подчивать гостей.
 «Испечены пироги, чернымъ лакомъ чинены,
 «Они въ Тулѣ крошены, въ Москвѣ — высушены.
 «Есть у насъ закусочка—у солдатовъ на штыкъ,
 «Есть у насъ похлебочка—у солдатовъ на бедръ.»

(Записана А. Г. Пупаревымъ въ 1860 г.)

Взятіе Хотина

(Тверь.)

Ахъ, мы Подъшею идемъ,
 Сами пѣсенъки поемъ;
 Подходили подъ Хотинъ,
 Промежь собой говоримъ:
 — «Ужь ты городъ нашъ Хотинъ!
 «Мы стоять въ тебѣ хотимъ.»
 Цѣлой мѣсяцъ простояли,
 Все приказу ожидали.
 Какъ до вечера за часъ
 Отдавали намъ приказъ;
 Прозоровской генераль
 По корпусу развѣжаль,
 Какъ ясенъ соколъ
 Всѣмъ приказъ отдавалъ:
 — «Ахъ вы егери, стрѣльцы!
 «Бомбардиры молодцы!
 «Вы стрѣляйте, не робейте,
 «Пуль, пороху не жалѣйте!»
 Ужь какъ начали стрѣлять —
 Турки прочь отъ насъ бѣжать;
 Бомбардиры осерчали,
 Всѣ въ погоню побѣжали;
 Гдѣ одинъ солдатъ бѣжить —
 Тутъ пять-шесть Турокъ лежить,
 А гдѣ корпусъ то бѣжить —
 Тутъ какъ мостъ Турокъ лежить;
 Турки гласно закричали,
 Отъ Хотина прочь бѣжали.
 — Оставайся нашъ Хотинъ,
 Мы стоять въ тебѣ не станемъ,
 Какъ пришла на умъ Москва —
 Одолѣла насъ тоска. —

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника.)

Война Пруская.

(Новгородск. губ. Валдайскаго уѣзда.)

Ты любовь наша любовь,
 Любовь дѣвучкина,
 Ты когда наша любовь,
 Побываешь у меня.
 Развѣ въ тѣ поры молодчикъ
 Я побуду у тебя,
 Когда выростетъ трава
 Средь широкаго двора,
 Поразольется вода
 Съ крутымъ бережкомъ равна,
 Восплыветъ горючъ камень
 По верху по воды.
 Вы бояры-господа
 Посидите у меня, —
 Споемъ пѣню про себя,
 Хоть не сами про себя —
 А про Прускаго короля.
 У Прускаго короля
 Чужа сила не своя,
 Уворованная, невоеванная.
 Собиралися солдаты
 На зелененькй лужекъ
 Они бились и рубились
 Тутъ четырнадцать часовъ,
 А на пятнадцатомъ часочку
 Мертвыхъ стали разбирать,
 По камнямъ узнавать,
 Какъ нашли нашихъ убитыхъ
 Генераловъ до пяти,
 Полковниковъ до семи
 Гренадеровъ до десяти. —

(Зап. мною отъ 74 лѣти, старухи крестьянки Арины.)

Лопухинь.

1.

(Рязанск. губ. и уѣзда, с. Жалчино).

У Прудкаго короля
 Чужа сила не своя,
 А все Благо Царя
 Завоеванная, заплоненная.
 При долинь, при лужку,
 Стоить армія въ кружку.
 Лопухинь гулялъ въ полку,
 Курилъ трубку табаку.
 Для того-то онъ курилъ,
 Чтобы пьяному быть,
 Посмѣлѣе подступитъ,
 Посмѣлѣе, поскорѣ
 Чисто поле полевать,
 Съ полянами воевать.
 Ужь мы били, мы рубили
 Мы четырнадцать часовъ,
 На пятнадцатомъ часу
 Стали оную разбирать.
 Всю армію смекать.
 Мы смекнули, домекнули,
 Оглянулись назадъ:
 Лопухинь лежитъ, убитъ,
 На ноженькахъ не стоимъ.

(Зап. Д. А. Кудиковымъ.)

2.

(Самарской губ.)

Ты разлука, ты разлука,
 Разлучила ты разлука
 Со отцомъ матерью;

Меня еще разлучила
 Со милымъ дружкоймъ.
 Вы кусты-ль мой кусточки,
 Вы раяитовы кусты,
 Вы скажите-ка кусточки
 Всеё правду про дружка;
 Гдѣ-жь мой миленькій гуляетъ,
 Гдѣ надежда пребываетъ.
 Мой миленькій гуляетъ,
 Во матушкинѣ во Москвѣ, 2.
 Со французомъ на войнѣ.
 Милый письмецы не пишетъ,
 И поклоны мнѣ не шлетъ,
 Онъ меня къ себѣ желаетъ.
 Онъ по городу гуляетъ, 2,
 Коней пару нанимаетъ,
 Колясочку запрягаетъ!
 На ту пору, подъ тотъ часъ,
 Несчастье случилось:
 Баталия соудалась.
 Ужь мы билися, рубилися;
 Пятнадцать часовъ,
 Ужь въ шестнадцатомъ часу
 Мирово у нихъ пошла,
 Стали тѣла разбирать.
 Наши, нашихъ убитыхъ,
 Ровно двѣсти человекъ.
 Еще пошли, отыскали:
 Лопухинъ лежитъ убитъ,
 Душа въ тѣлѣ говоритъ:
 Вы подайте ребята
 Чернилницу съ перомъ,
 Ещё ребята вы подайте
 Листъ бумаги гербовой,—
 Напишу я къ государю
 Всеё правду про себя.

(Зап. ученикомъ уѣзднаго учителя.)
 (Сообщ. А. Н. Потанинымъ.)

3.

Соловейко маленькой,
 Соловей молоденькой
 Ты куда, куда летитъ? 2
 Куда Вотъ тебя несетъ? 2
 Я лечу, лечу, лечу 2.
 Во рванитовыя нусты.
 Кабы пугачечья немилъ, 2.
 Солдвей гнѣздо не вилъ,
 Кабы дѣвка не мила 2.
 Парень не вилъ за себя,
 Цѣловалъ бы, любовалъ, 2.
 Колючикомъ даровалъ
 Серебрино колючушко;
 Больно болятъ сердечушко 2.
 Золотой отъ перстенекъ,
 Сушилъ дѣвку паренекъ,
 Еще на цугу-гугу 2!
 Стоитъ армія въ кругу;
 Лопухинъ ходитъ въ кругу, 2.
 Лопухинъ ходитъ въ кругу;
 Куритъ трубку табану. 2.
 Дѣвчонушна съ комара
 Во солдатской трубѣ зашла,
 Встѣлъ пазовушку дали.

(Новгородск. губ., Крив. у.)

Что не пидь въ полѣ пидить,
 Не дубровушка шумить —
 Сила арміи вадить.
 Она вадить-таки вадить
 Все приваливаетъ 2.

¹ Подваливаетъ.

Да выговариваетъ:
 Хороши наши ребята ²
 Удалые молодцы, 2.
 Наши во полку стрѣльцы:
 Они рубать и сѣкутъ,
 Со жива ³ кожу деруть,
 Себѣ ранцы шьютъ.
 Себѣ ранцы испошили,
 Во походъ скоро пошли 2.
 Во инья во земли,
 Во инья, во такія во Турецкія,
 Изъ Турецкой земли во Швецкую,
 Изъ Швецкой же во Нѣмецкую,
 Изъ Нѣмецкой во Французскую,
 Изъ Французской въ землю Прусскую. ⁴
 Какъ у Пруссаго короля
 Чужа сила не своя,
 Полоненая моя,
 Завоеванная.
 Мы и сѣкли и рубили
 День одиннадцать часовъ,
 На двѣнадцатый часъ
 Стали тѣла разбирать,
 Свою армію считать.
 Какъ нашли такихъ тѣловъ
 Генераличковъ трѣхъ,
 Полковниковъ до пяти,
 Офицеровъ до девяти,
 Кавалеровъ до десяти.
 Чуть застали душу въ тѣлѣ —
 Лопухинъ лежитъ убитъ, 2.

² Какъ армейцы то ребята

³ Со живыхъ.

⁴ Изъ Французской въ землю Русскую

Какъ у Руссаго Царя

Своя сила, не чужа

Полоненая была.

⁵ Они бились и рубились

До одиннадцати часовъ.

Едва рѣчи говоритъ:
 Вы подайте листъ бумаги,
 Чернильницу со перомъ.
 Напишу я эту просьбу *
 Государынѣ въ Синодъ, ** 2.
 Марьѣ Федоровнѣ.
 — «Эта сила Бѣлаго Царя.»
 нашъ
 По арміи развѣзжалъ,
 Пушки-ружья снаряжалъ,
 Пушки-ружья мѣдныя,
 Шонпура желѣзныя.

(Сообщ. Л. Н. Майковымъ.)

Король Прусскій.

І.

(Слѣбск. губ. Карсунск. уѣзда.)

Не кручинушка меня молодца сокрушила;
 Сокрушила меня молодца красна дѣвонька,
 Прежня бывшая моя сударушка.
 Провожала она меня до сыраго бору,
 Все наказывала она мнѣ тайное словечко:
 — «Ты поѣдешь, мой любезный другъ, сырнымъ боромъ,
 «Не услышишь-ли, мой милый другъ, вольную пташку,
 «Вольную пташку, горькую кукушку?»
 Не кукуй ты, не кукуй, горькая кукушка,
 Не кукуй во сыромъ борочкѣ!
 Не давай-ка намъ, кукушенька, тоски на-золы,
 Безъ того намъ солдатушкамъ больно-тошно:
 (Учѣба и стрѣльба намъ скоро не дается!)

* Напишу это письмо.

Въ Государынѣ въ село,

** т. е. въ Сенатъ.

Какъ загналъ-то насъ Пруцкѣй король во иную землю,
 И не шлетъ Пруцкѣй король пищи никакѣй;
 Хоть и шлетъ Пруцкѣй король,—къ намъ пища не доходить;
 А прислалъ-то къ намъ Пруцкѣй король вѣсточку,
 Бѣлую грамотку за черною печатью:
 Какъ пришла-то къ намъ молодцамъ мука-то кулевая,
 А мука-то добрымъ молодцамъ очень надокучала.

(Зап. отъ крест. Кузмы Ослова).

2.

(Самарск. губ. Борсунск. уѣзд. с. Усть-Урень).

Разбесчастненькій, безталаненькій король Прусскій,
 На добрымъ конѣ въ глухую полночь разъѣзжаетъ,
 Въ глухую полночь къ ему курьерушка прибѣгаетъ;
 А не радостныя газетушки подаваетъ.
 Что разбилъ-то, разбилъ воръ Французикъ,
 И побилъ, погубилъ всю армейку,
 Во полонъ-то онъ взялъ думчѣихъ сенаторовъ,
 И еще-то взялъ роднаго племянничка...
 И думаетъ онъ со своимъ думчимъ сенаторомъ,—
 А его силушка ростомъ не величка,
 Ростомъ не величка, во плечахъ плечиста.
 У ихъ у злодѣевъ волосы накладные,
 Волосы накладные, а бороды свѣдыя,
 А глаза сѣрые большіе.

(Зап. мною отъ ратника Н. Картавенкова)

3.

(Самарск. губ.)

Разнесчастный, безталанный король Прусской уродился.
 Ничего-то нашъ королюшко не знаетъ,
 Только знаетъ король:—ушла его армейка воевати;
 Воевать-то ушла подъ вора Француза.

Побилъ, порубилъ воръ-Французикъ
 Всѣе силу войскую;
 Во полонъ онъ взялъ двухъ сенаторовъ,
 Третьяго взялъ козака Донскаго,
 Взялъ племянничка роднаго.
 Миѣ не жаль королюшку силу войскую,
 И не жаль двойхъ сенаторовъ,
 И третьяго козака Донскаго,
 Миѣ только жаль племянника роднаго.
 Соберу я силу войскую,
 И пойду подъ вора-Француза.

(Зап. И. Акутинымъ. Сообщ. М. Н. Семевскимъ.)

Генералъ Краснощекъ.

1.

(Московск. губ. Коломна)

Что не пылъ въ полѣ пылить,
 Прусская армія валить,
 Никуда конца не видно.
 Прусской силы смѣты нѣтъ,
 Напередъ идетъ Вензеръ
 На своемъ храбромъ конѣ.
 Какъ поближе подходилъ,
 Генераламъ пригрозилъ:
 «Ужь я и васъ генералушки
 Въ ногахъ всѣхъ потопчу 2.
 Въ каменну Москву взойду?»
 Какъ и генералы говорили
 На отвѣтъ слово ему:
 —«Не бывать тебѣ злодѣю
 Въ каменной славной Москвѣ,
 Не видать тебѣ собакъ
 Золотыхъ славныхъ гербовъ.»
 Какъ Вензеръ началъ палить,
 Только дымъ столбомъ валить,

Каково есть красно солнышко,
 Не видно во дыму.
 Что не ясенъ соколъ металъ,
 Краснощековъ разъѣжалъ
 Онъ ѣдилъ по горѣ
 На своемъ добромъ конѣ.
 Онъ прѣхалъ, прискакалъ
 Ко Донскимъ казакамъ,
 Имъ словечко онъ сказалъ:
 «Ужь вы братцы молодцы,
 «Вы Донскіе казаки!
 «Вы безъ мѣрушки пейте зелена вина,
 «Вы безъ счета берите государевой казны,
 «Только скрадите у Вензера
 «Его крѣпкой караулъ.»
 —«Не велика эта страсть
 Караулы его красть.»
 —Они ноченьку не спали,
 Караулы Вензеровы скрали.—

(Собщ. А. И. Островскимъ)

2.

(Сибирск. губ. с. Усть-Урень.)

Не бѣлая берѣзенька къ землѣ клонится,
 Не шелкова травенька по чисту полю разстиляется:
 По чисту полю разстиляется полынь горькая.
 Горька ты, полынушка, изъ всей травы:
 Еще горчѣй-тошнѣй того служба царская,
 Служба царская, нужда крайняя:
 И ни день-то, ни ночь намъ, солдатушкамъ, угомону нѣтъ:
 Темная ночь настанетъ, мы на часахъ стоимъ,
 Какъ бѣлый день настанетъ,—во строю стоимъ,
 Во строю стоимъ, по ружью держимъ.
 И стояли мы, солдатушки, трое сутокъ,
 Не пиваючи и не ѣдаючи.
 И ходить же душа енерагушка по армейшнѣ,

Закупаеть енералушка свинцу съ порохомя,
 И заряжаеть енералушка сорокъ пушечекъ,
 Пробиваеть енералушка стѣну каменную,
 И убиваеть енералушка жену офицерскую,
 Молодыхъ-то ребятъ во полонъ беретъ.

(Зап. мною отъ стараго слѣнца Полякова)

3.

Какъ не бѣдая березынька къ землѣ клонилась,
 Не шелковая ковыль-травынька разстилалась,
 Какъ растужится, расплachtetъ самъ Пруцкой король,
 Сидючи король на украсушкѣ, на крутой горѣ,
 Глядючи король на укрѣпушку, на Берлинъ городъ:
 — «Ты укрѣпа моя, укрѣпушка Берлинъ городъ!
 «Ты кому моя укрѣпушка достанеешься?
 «Доставалась моя укрѣпушка Царю Бѣлому,
 «Царю Бѣлому, генералушкѣ Краснощекову.»
 Какъ беретъ-ли генералушка Берлинъ городъ,
 Забираетъ въ плѣнъ королевишну,
 Королевишну съ малымъ дѣтушкамъ;
 Ужь какъ сталъ генералушка разспрашивать:
 — «Ты скажи, скажи, королевишна, гдѣ Пруцкой король?»
 — «Я кричала ему—вы не слышали,
 «Я махала ему—вы не видѣли».

(Сообщ. Д. Е. Морчановымъ).

4.

(Тульск. губ. Брѣн. у.)

Что ни бѣдая береза къ землѣ клонится,
 Ни шелковая во поли травушка застилается,
 Разстилалась, сувивалася полынь травушка,
 Что горька, горька подынь травушка,
 Горчей въ поли нѣтъ,
 Что тяжка, тяжка служба царская,

Тягчей въ свѣтѣ нѣтъ.

Собирался нашъ Пруцкой король
 Съ своей арміей на круту гору,
 Становился нашъ Пруцкой король подъ дубровою,
 Подъ дубровою зеленою подъ высокою,
 Онъ глядѣлъ, смотрѣлъ въ свою сторону:
 — Сторона-ль ты моя, сторонушка, Берлинъ городъ,
 Ты укрѣпа ль моя, укрѣпушка,
 Ты укрѣпа моя крѣпкая;
 Ты кому-жь моя укрѣпушка достанешься?
 Доставалась моя укрѣпушка Царю Бѣлому,
 Царю Бѣлому, енаралу Краснощекому. —
 Краснощекой енаралъ, онъ догадливъ былъ,
 Онъ ходилъ-гулялъ съ купцомъ по торгу,
 Закупалъ нашъ енаралушка сорокъ семь пушекъ,
 Разбивалъ нашъ енаралъ стѣны каменны,
 Черезъ рѣчку, черезъ быструю мосты вымостилъ,
 Молодую королеву во полокъ брали.

(Зап. г. Шумилинныя.)

б.

(Тульск. губ. и уѣздъ село Байдаки.)

Не бѣлая березушка къ землѣ клонится,
 Не широкая ковыль-травушка по лугу разстиляется,
 По лугамъ-то лугамъ наша армія разбирается.
 Вотъ и ходя Пруцкой король на сине морѣ,
 Становится Пруцкой король на крутой бережокъ,
 Онъ глядитъ-то, смотреть на всѣ стороны.
 Ты укрѣпа-ль моя, укрѣпушка Блениль городъ!
 Кому-тъ моя укрѣпушка достанешься?
 Доставалась укрѣпушка Царю Бѣлому,
 Царю Бѣлому, енаралу Краснощекому.
 И ходитъ енаралушка съ купцомъ по торгу,
 Покупаетъ енаралушка свинцу-пороху,
 Заряжаетъ енаралушка сорокъ семь пушекъ,
 И стрѣляетъ енаралушка въ каменну стѣну.

(Записанъ Н. О. Соловьевымъ.)

Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.

(Саратовск. губ. Хвалыиск. у. с. Безобразовца)

Звѣзда-ль наша восходя
 Высоко бѣжно восходила,
 Выше ельнянку, березничку,
 И частаго осиничку,
 И просвѣтила ты землю Прусскую,
 Землю Прусскую, государскую,
 И темницу королевскую,
 Во темницѣ былъ невольничекъ 2.
 Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.
 По темницѣ онъ похаживаетъ,
 Во злату сарицу поигрываетъ,
 Про худой свой таланъ рассказываетъ:
 — Худой таланъ, участь горькая моя
 На роду видно написана,
 Написана, напечатывана, —
 Довелось мнѣ къ Хану ѣхати,
 Къ тому Хану мнѣ ко Прусскому.
 Ужь охъ ты есь Россійскій графъ,
 По прованью Потемкинъ князь,
 Служи ты мнѣ службишку,
 Какъ служилъ ты своему царю,
 Служи ты мнѣ вѣрой-правдою,
 Вѣрой-правдою, безъ измѣнушки.
 — Ужь охъ ты есь Ханъ Пруцкой,
 Ханъ Пруцкой изъ большихъ,
 Прикажи мнѣ слово молвити!
 Какъ я служилъ своему царю,
 У меня былъ вороной-отъ конь,
 И было сѣделице черкасское;
 На конечкѣ была сбруя ратная,
 Со мною была сабля вострая.
 Схватилъ бы я эту саблю вострую
 И срубилъ бы я Хану голову. —
 Не на толь нашъ Ханъ огнѣвался,
 И схватилъ съ крюку саблю вострую
 Хотѣлъ срубить графу голову.

«Ужь ты охъ еси Пруцкой Ханъ!
 «Не бей меня скорой смертью.
 «Ты сдѣлай рѣльица крашенѣнькія,
 «Повѣсь петельки шелковенькія,
 «Повѣсь меня добраго молодца
 «Славой доброй хорошею.»
 — «Ужь ты охъ еси Россійскій графъ!
 Мнѣ жалко бить тебя скорой смертью.
 Ты бери злата-серебра твоего,
 Бери силы велии моеи,
 Живи какъ тебѣ хочется.»
 «— Ужь ты охъ еси Пруцкой Ханъ!
 «Не ведите время у молодца!
 «Мнѣ не надо злата-серебра твоего,
 «Не надо силы велии твоеи,
 «Не пойду я въ вѣру Пруцкую
 «Въ вѣру Пруцкую, бусурманскую.»
 Не на толь нашъ Ханъ огнѣвался,
 И сдѣлалъ рѣльица крашенѣнькія,
 И вѣшалъ петельки шелковецькія,
 Подводилъ онъ добраго молодца, —
 И какъ онъ во первую ступень ступалъ
 И въ подзорную трубу струбилъ, —
 Казаки съ Дону подымались;
 Какъ въ другую ступень ступилъ,
 Въ подзорную трубу струбилъ, —
 Казаки ближе подвигались;
 Какъ во третью ступень ступилъ,
 Въ подзорную трубу струбилъ —
 Казаки вплоть подѣхали.
 Оглянулся Ханъ Пруцкой, оглянулся назадъ —
 И вскрикнулъ: что тамъ за туча идетъ?
 — Это не мои ли ясны голуби летятъ?
 Оглянулся Ханъ Пруцкой на правое крыло —
 Мои голуби всю твою бѣлу Турку склевали.
 Онъ оглянулся кругомъ — только самъ семь остается.
 Успѣлъ сѣсть на дружка ускакать.
 Его гнали, догоняли, вплоть до Парижа провожали.
 Тамъ съ нимъ миръ сдѣлали.

Въ Парижѣ весь народъ русскій,
 А начальничекъ французскій
 Отрекся отъ царя, выдавалъ хлѣбъ—соль.

(Зап. мною въ 1872 г. отъ крестьянина Федора Семенова
 Вдовина).

2.

(Самарск. губ.)

Какъ у Пруса во зеленомъ саду,
 Тамъ стояла темна-темница,
 Заключеная затюремница,
 Какъ во этой темной темницѣ,
 Заключеной затюремницѣ,
 Тамъ посаженъ добрый молодецъ,
 Чернышевъ Захаръ Тригорьевичъ.
 Онъ не годъ сидѣлъ и не два года....
 Онъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ;
 Ровно тридцать лѣтъ и три года.
 Отростилъ свою бородушку
 До шелкова своя пояса,
 Отростилъ свои русы нудри
 До своихъ плечъ могучихъ.
 Онъ по темницѣ похаживаетъ;
 Онъ во скрипочку поигрываетъ,
 Ко той скрипкѣ приговариваетъ:
 Ты таланъ-ли, мой таланъ;
 Таланъ-участь горькая;
 На роду-ли мнѣ написано,
 Аль по жребію досталось—
 Во темной сидѣть темницѣ,
 Въ заключенной затюремницѣ: —
 Мимо той темницы
 Случилось князю ѣхать:
 «Ужь ты батюшко Прусской король,
 «Прикажи-ка меня выпустить,
 «Прикажи-ка меня поить-жормить.

3.

(Самбирск. губ. с. Усть-Урень)

Ходилъ то я, добрый молодець, по чисту полю:
 Мягкая постелюшка— желтой песокъ,
 Изголовьица моя — шелкова трава.
 Какъ во селѣ было во Лысковѣ,
 Тутъ построена крѣпкая темница;
 Какъ во той во крѣпкой темницѣ
 Посажень добрый молодець,
 Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ.
 Онъ по темницѣ похаживаетъ,
 Самъ слезно плачетъ, Богу молится:
 «Ты взмой, взой туча грозная,
 «Разбей громомъ крѣпкія тюрьмы!
 «Во тюрьмахъ сидятъ все невольнички,
 «Невольнички, неохотнички!»
 Всѣ невольнички разбѣжались,
 Во темномъ лѣсу они собирались,
 Сходилися они на полянушку,
 На полянушку на широкую.
 «Ты взойди, взойди, красное солнышко,
 «Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодець,
 «Добрыхъ молодець, сиротъ бѣдныхъ,
 «Сиротъ бѣдныхъ безпашпортныхъ!»
 Ниже города, ниже Нижняго,
 Протекала тутъ рѣчка быстрая,
 По прозванью рѣчка Волга матушка:
 Течеть Волга матушка
 Съ дикимъ-мелкимъ камушкомъ.
 Какъ по рѣчкѣ плыветъ легка лодочка:
 Эта лодочка изукрашенная,
 Вся молодчиками изусаженная...

(Зап. мною отъ Н. Картавенкова)

ПѢсня на смерть Императора Петра Феодоровича.

(Казанск. губ.)

На зарѣ-то было на утренней,
 На восходѣ краснова солнышку;
 На закатѣ свѣтлова мѣсяцу,
 Не золотая трубонька вострубила,
 Не серебряная синавочка возыграла,
 Не бѣленькая лебедушка восилакнула,
 Восплакнула царица надъ гробницею,
 Стоючи-то, она, надъ гробницею сырою бою:
 «Ты раскройся-ка гробница сыродубая,
 Распахнись-ка камоточка мелкотравчатая,
 Ты встань-ка, ты встань, наипъ батюшко православной
 Царь,
 Промолви-ка со мной словечушко хоть единое,
 Обрадуй-то мое сердечушко ретивоё,
 Отъ чего тебѣ скорая смѣртонька солучилася?»

(Зап. А. Г. Мунаревыиъ въ 1860 г.)

ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Графъ Румянцовъ.

1.

(Ростовск. уѣзд, с. Сушено.)

Мы вечеръ въ торгу торговали,
 Свинцу-пороху закупали,
 Въ мѣлны пушечки заряжали,
 Въ каменну стѣну стрѣляли,
 Стѣны каменной не разбили,
 Красну дѣвицу полонили,
 Да къ Румянцову отводили.

Графъ Румянцовъ взрадовался
 Красотѣ ея дивовался:
 Хороша дѣвушка, румяна,
 По нѣмецкому изубрана.
 На ней юбочка голубая,
 Душегрѣчка парчевая,
 Въ косѣ ленточка золотая
 До шелкова поясочку,
 До нѣмецкаго до чулочку.
 Графъ Румянцовъ говорилъ ей,
 Графъ Румянцовъ вопрошалъ ей:
 — «Ты скажи-скажи, дѣвка нѣмка,
 «Про свою силу про нѣмецку.
 «И поди ты въ Россію замужъ,
 «За моего сына Ивана,
 «За російскаго генерала.»
 Дѣвка нѣмка отвѣчала,
 Напрямикъ ему сказала:
 — «Не скажу я про нашу силу,
 «И неиду я въ Россію замужъ,
 «За твоего сына за Ивана,
 «За російскаго генерала.»
 Графъ Румянцовъ разсердился,
 До безмилости распалился,
 Востру саблю обнажаетъ,
 Красну дѣвицу стращаетъ.
 Красна дѣвка испугалась
 И во всемъ ему созналась:
 — «Нашей силушки немного,
 «И иду въ Россію замужъ,
 «За твоего сына за Ивана,
 «За російскаго генерала.»

(Зап. крест. Сущевскимъ. Сообщ. Владимъ Лѣствицынъ)

2.

(Чермск. губ. Камышлов. уѣзда.)

Что никто братцы то не знаетъ, да не вѣдаетъ,
 Что куда наша Государыня собирается,
 Собирается, да снаряжается,
 Екатерина то да Алексѣевна?
 Надѣвается-то она на себя платье черное,
 Платье черное, печальное,
 И ко Христовской она собирается ко заутренѣ,
 Ко заутренѣ да къ ранней утренѣ.
 По правой по рученьку сидитъ графъ Суворовъ енераль,
 По лѣву по рученьку сидитъ Потемкинъ енераль.
 — «Что же ты, наша Государыня, запечалилась! —
 — «Ахъ глушые вы боире, неразумные,
 У насъ не стало правителя въ каменной Москвѣ,
 Славна война Румянцова,
 Полонилъ его собака воръ Прусскій король,
 Не одного его полонилъ, съ цѣлой арміей,
 Связали-то Румянцову ножки рѣзвья,
 Сковали-то у Румянцова ручки бѣлья,
 Призавѣсили очи ясныя тафтой чернотравчатой.
 И набѣжали на него два татарина,
 Два могучіе, два богатыря:
 И поди-ка ты въ нашу вѣрушку!
 — Ой вы гой еси два татарина,
 Два могучіе богатыря!
 Кабы нескованы у меня были ножки рѣзвья,
 Не связаны бы руки бѣлья,
 Не завѣшаны были-бы очи ясныя,
 Кабы была у меня въ рукахъ остра сабелька,
 Снесъ бы я вамъ, собакамъ, съ плечь головушки.» —

((Зап. Членомъ-сотрудн. Русскаго Геогр. общ. А. Я. Бокосовымъ))

Емельянъ Пугачъ.

1

(Саратовск. губ. Сердобск. уѣзда.)

Какъ во славномъ городѣ Астраханѣ
 Проявился добрый молодець,

Добрый молодець Емельянъ Пугачъ.
 Обряженный онъ во кафтанчикъ сто рублей,
 Шерфарочекъ на немъ въ пятьдесятъ рублей,
 Шапочку на бекрень держить,
 Во правой-ли рукъ тросточка серебряная,
 На тросточкѣ лента букетовая, —
 Хорошо онъ по городу погуливаетъ,
 А тросточкой упирается,
 Ленточкой похваляется,
 Со князьми-со боярами онъ кланяется,
 Къ Астраханскому жъ губернатору и подъ-ладъ нейдетъ.
 Астраханскій губернаторъ призадумался.
 Онъ увидалъ его изъ хрустальнаго стекла,
 И посылаетъ за нимъ слугъ вѣрныхъ
 Допросить его словеснымъ допросомъ.
 Нагоняли его слуги вѣрные,
 Допрашивали его словеснымъ допросомъ:
 Какого ты рода, племени?
 Царь ли ты или царскій сынъ!
 А онъ имъ на то молвилъ:
 Я не царь и не царскій сынокъ,
 А родомъ я Емеля Пугачъ,
 Много я вѣшалъ господъ и князей,
 По Россіи вѣшалъ я неправедныхъ судей.

(Зап. въ 1864 г. В. А. Мясоѣдовой отъ старухи, которая по-
мнитъ ее отъ своей матери.)

Воръ Пугачовъ.

2.

(Тверск. губ.)

Какъ во мѣсяцъ было во Мартъ
 Въ двадцатомъ числѣ,
 Распоряжалъ воръ-отъ Пугачеевъ,
 Распоряжалъ свою альтарелью:

«Ужь вы стойте ребятушки,
 «Ужь стойте, не робѣйте!
 «Разобьемъ мы этотъ новый корпусъ,
 «Новый корпусъ Голицына князя,
 «Мы Московскую эту губернію
 Сдѣлаемъ границей.»
 «Ужь полно тебѣ, полно Пугачовъ —
 Съ Москвой воевати.
 Разобьютъ Московскія войска,
 Расказнятъ тебя вора Пугачова
 На славномъ болотѣ;
 Развезутъ тебя вора Пугачова
 По разнымъ заставамъ.
 Какъ во первую—во Тверскую,
 Во другую—во Ямскую,
 А во третью-то Рогожску.
 Не успѣлъ онъ воръ-собака
 Приказу отдати, —
 Приказъ отдалъ князь Голицынъ:
 Изъ пушекъ палити.
 Какъ изъ пушекъ наши запалили,
 Земля задрожала,
 Не могли они воры стояти,
 Бѣжали въ сакманы;
 Тамъ гусары наши воевали,
 Въ полонъ забиради,
 Головушекъ они много
 Долой поснимали.

(Зап. сваящ. А. С.)

Генералъ Пугачъ.

3.

(Симб. губ. Корс. уѣзд. село Александрово.)

Охъ ты, батюшка, Ленбурхъ городъ!
 Про тебя Ленбурхъ идетъ славушка,
 Слава добрая, нарѣчье хорошее:
 Будто ты, Ленбурхъ, на красѣ стоишь,

На красть стоишь, на крутой горѣ,
 На крутой горѣ, на желтымъ пескѣ,
 На трехъ рѣчушкахъ да на устьицахъ,
 Да первая рѣчушка течетъ—Сакмарушка,
 Другая рѣчушка — Яикъ-рѣка,
 Третья рѣчушка — Уралъ-рѣка:
 По Уралъ рѣкѣ живутъ казаченьки,
 По Сакмарушкѣ живутъ татарушка,
 По Яикъ рѣчкѣ — калмыченки;
 По Уралу гуляя генералъ Пугачъ.
 Какъ во матушкѣ было во каменной Москвѣ,
 Молодой то солдатъ на часахъ стоять,
 На часахъ стоять, себѣ рѣчи говорить:
 Не дають то мнѣ волюшки во Ленбурхъ сходить,
 Во Ленбурхъ сходить — Пугача убить...

Продолженія этой пѣсни пѣвецъ, къ сожажѣнію, не могъ припомнить, и говорилъ только, что она еще довольно долга.

(Зан. мною отъ крестьянина К. Ослова, уроженца Нижегородск. губ.)

Суворовъ Князь.

1.

(Московск. губ. г. Коломна)

Что во славномъ городѣ Брызгалѣ,
 На славномъ шведскомъ курганѣ,
 Тамъ стоятъ бѣлы каменны палаты;
 Въ этихъ палатушкахъ подзорники были медные,
 Въ подзорничкахъ стояли столы дубовые,
 Вокругъ стоятъ стулья раздвижныя,
 На этихъ стульяхъ сидятъ гости дорогіе:
 На первомъ стулѣ сидитъ графъ Суворовъ,
 А передъ нимъ російскіе генералы
 И всѣ думчіе пріѣзжіе сенаторы;
 Они думали-гадали думу крѣпкую.
 Какъ возговоритъ Князь Великій:

**Временникъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
съ 1849 по 1858 годъ.**

25 книгъ, каждая по 1 р. 50 к., а съ всею безъ перес. 37 р. 50 к., съ пересылкой 45 р. На пересылку всякой книги „Временника“ за 4 сунта.

Славянскія Древности, соч. П. I. Шафарика; перев. съ Чешскаго О. Бодянского, 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1848 г., ц. 6 р., перес. за 10 е.

О времени происхожденія Славянскихъ племенъ, соч. О. Водянскаго. М. 1855 г., съ 19 литограе. снимками; ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Исторія Руссовъ или Малой Россіи, соч. Преподобнаго Георгія Ковнскаго. М. 1846 г., ц. 5 р. безъ пересылки.

О происхожденіи и роднѣи Глаголитина, соч. П. I. Шафарика; перев. съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1861 г., ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Походы Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ, соч. А. М. Стрингольма, пер. съ Нѣмецк. А. Н. Шемякина. 2 части. М. 1861, ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Путешествія Венеціанца Марка Поло въ XIII стол., съ объясненіями Авг. Бюрка, перев. съ Нѣмецк. А. Н. Шемякина. М. 1863 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Жизнеописанія древнихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, или говорившихъ о ней, перев. съ Нѣмецк. А. Н. Шемякина. М. 1865, ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Исторія о Великомъ Князествѣ Московскомъ, соч. Петра Петрея, перев. съ Нѣмецк. А. Н. Шемякина. М. 1867 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Записки о событіяхъ на Волгѣ и Подолѣ въ 1789 году, Феодосія Вродовича, Архипресвитера Греческаго Унітскаго Капитула Луцкаго. М. 1870, ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Сказаніе, и страсть, и послѣла Св. мученику Ворвеса и Глѣба. По хартейнымъ спискамъ XII и XIV стол. Съ 3. литограе. снимками. М. 1870, ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Латыши, особливо въ Ливоніи, въ исходѣ философскаго столѣтія. Соч. Г. Меркеля. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1870. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Истонецъ и его господиѣ. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. Москва. 1872 г. Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 20 к.

Фивика, выбранная изъ лучшихъ авторовъ, расположенная и дополненная Невской Семинаріи Философѣи и Фивики Учителемъ Михаиломъ Сперанскимъ 1797 г. въ Санктпетербургѣ. М. 1872. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Путешествіе въ Московію Барона Августина Майерберга и Горациа Вильгельма Кальвуччи въ Царю Алексѣю Михайловичу въ 1661 году. Переводъ съ Латискаго А. Н. Шемякина. М. 1874. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Россія при Петрѣ Великомъ, по рукописному извѣстію Іоанна Готтвильда Фоккеродта и Оттона Плейера. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1874. Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 25 к.

Описаніе путешествія въ Москву Николая Варкова въ 1693 году. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1875 г. Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 25 к.

Регистръ всего войска Запорожскаго послѣ Зборовскаго договора съ Королевъ Польскимъ Яномъ Казимиромъ, составленнаго 1649 г., Октября 16 дня, и изданныя О. М. Водянскимъ. М. 1875 года, съ двумя литограе. снимками. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Севастіянъ Главинича О провѣстїяхъ Московскихъ 1661 г. Переводъ съ Латискаго А. Н. Шемякина. М. 1875, цѣна 75 к. сер. съ пересылкою.

Домосекіе о поведѣи въ Москву Михаила Шила въ 1598 г. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1875 цѣна 75 к. сер. съ пересылкою.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ
при Московскомъ Университетѣ

выходять и въ 1877 году, трехмѣсячно, какъ повременное изданіе, четыре раза въ годъ, по одной книгѣ, отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ. Содержаніе каждой книги составляютъ: I. Изслѣдованія, II. Матеріалы: Отечественныя, III. Славянскіе, IV. Иностранныя, и V. Смѣсь.

Подписка годовая—семь рублей серебромъ въ Москвѣ, а съ пересылкой въ другія мѣста—восемь съ полтиной. Съ требованіями обращаться въ самое Общество, или въ книжный магазинъ Коммисіонера Общества, Московскаго книгопродавца, Ивана Григорьевича Соловьева (бывшій И. В. Базунова), на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ

Графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой.

СЕКРЕТАРЬ

Андрей Николаевичъ Поповъ,
на Старой Басманной, Токмаковъ переулокъ, въ домъ Филатова.

БИБЛИОТЕКАРЬ

Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ,
въ Кремль, у Спасскихъ воротъ, въ казенномъ домѣ.

КАЗНАЧЕЙ

Михаилъ Леонтьевичъ Назимовъ,
на Рождественнѣ, въ Университетской Клиникѣ.

АКТУАРІЙ

Алексій Егоровичъ Кудрявцевъ,
на Моховой, въ новомъ зданіи Университета.